

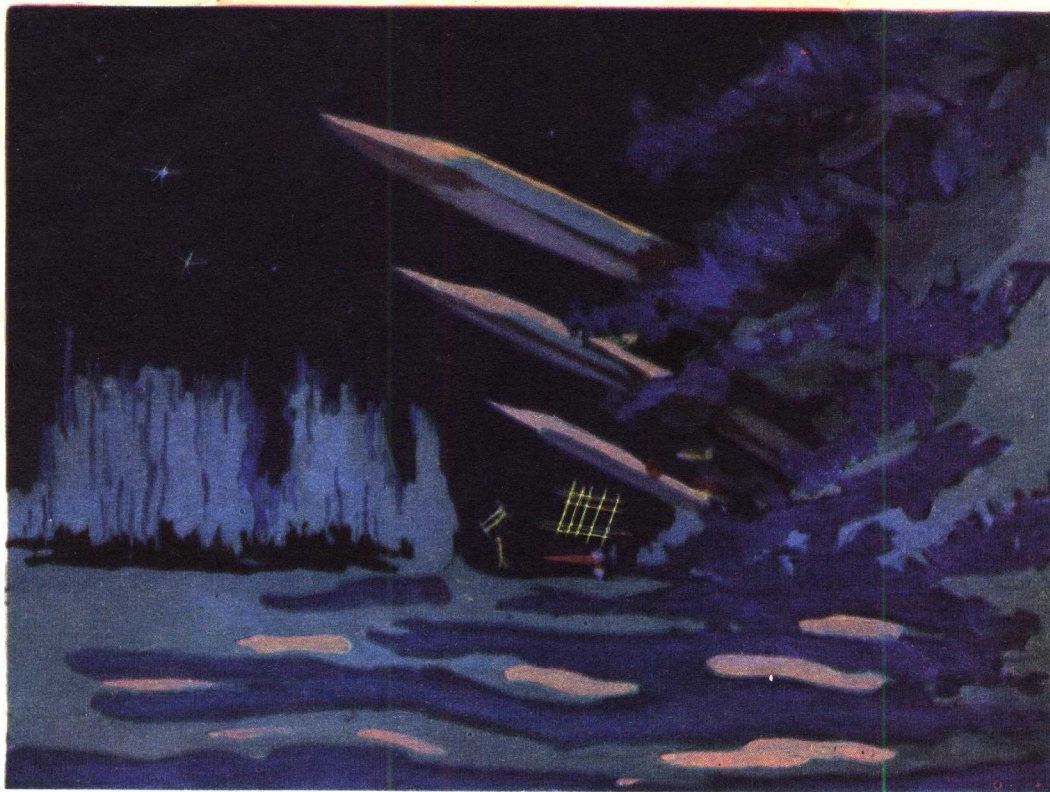
Колос

2

ФЕВРАЛЬ

• 1966

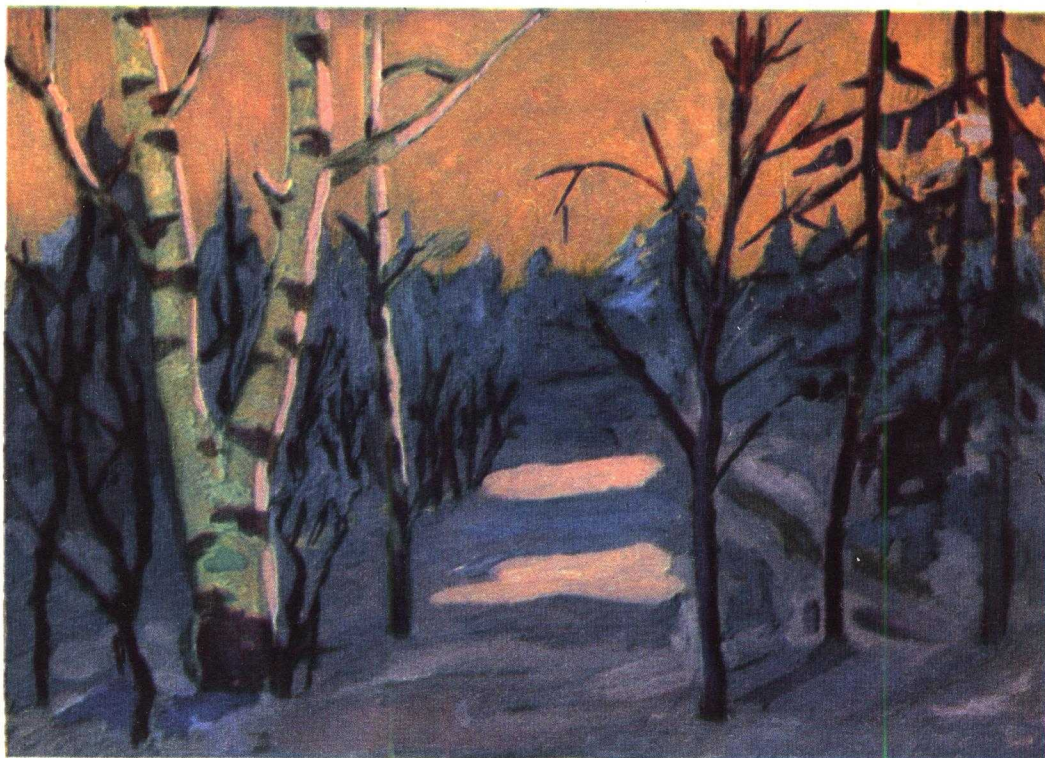

НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

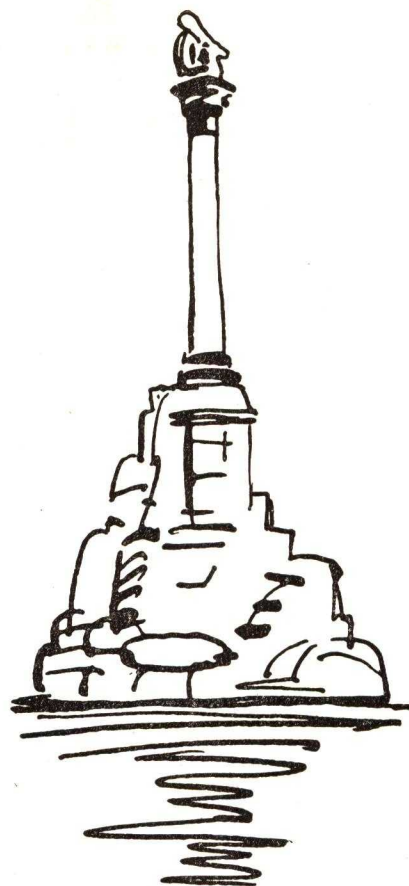
Витя Крупенин 14 л., г. Сланцы

ПЕЙЗАЖ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Операция „Эльбрус“**
очерк Г. УСЫСКИНА 2
- Давняя встреча**
воспоминания С. ГЛАДКОГО 7
- Шоколад. Возвращение эскадры**
рассказы Г. ЧЕРКАШИНА 8
- Я был в Праге**
записки СЕРЕЖИ ФОМИНА 15
- В Стране Вечных Наникул**
повесть-сказка А. АЛЕКСИНА 17
- Ябеда — не ябеда**
почта КОСТИ ТЕРКИНА 28
- Тигр Львович**
рассказ Б. ТАРБАЕВА 30
- Новое в космических далях**
беседа с профессором К. ОГОРОДНИКОВЫМ 34
- Дети земли русской**
отрывок из книги К. АКИМОВА 36
- Контршпион**
повесть М. ХЕЙФЕЦА 38
- Бригантина**
стихотворение Л. ДРУСКИНА 44
- Клуб Жака Паганеля** 45
- Ромашки за 68-ой параллелью**
очерк Л. ИЛЬИНОЙ 50
- Я и Тасман**
рассказ Е. КРШИЖАНОВСКОЙ 52
- Уголёк** 55
- Глухари-путаники**
рассказы П. СИГУНОВА 57
- Меткие клюшки „Штурвала“**
очерк М. ЭСТЕРЛИСА 59
- Уголок веселого архивариуса** 61
- Где? Что? Когда? Почему?** 62
- Шашки** 64

Напротив памятника Погибшим кораблям стояли братья Кравченко, держа за руки невысокого матроса.

Читайте рассказы Геннадия Черкашина «Шоколад» и «Возвращение эскадры».

ОПЕРАЦИЯ „ЭЛЬБРУС“

Г. Усыкин

Рисунки Г. Праксейна

В конце 1942 года на страницах нацистских журналов и газет появились материалы под броским заголовком:

«Горные егеря на высочайшей вершине Кавказа».

Крупным планом — фотография капитана Грота, героя Эльбруса, и фашистский флаг на вершине с воткнутым рядом ледорубом.

«Мы — хозяева Европы! Кавказ, затем — нефтяной Баку, а дальше Иран, Индия!»

Недолго пришлось радоваться врагу. Вскоре наши части перешли в наступление. К февралю 1943 года стихло орудийное эхо в горных ущельях, а на дорогах остались подорванные машины, двуколки, походные кухни...

Вот тогда и приказал командующий Закавказским фронтом генерал-армии Тюленев собрать самых опытных альпинистов. Им было дано особое задание: подняться на «высочайшую вершину» и вернуть туда алый флаг нашей родины.

Как была выполнена операция?

Редакция решила разыскать и расспросить участников тех событий.

* * *

Нарвская застава. Проспект Стачек. Евгений Андрианович Белецкий, рабочий Кировского завода, заслуженный мастер спорта, один из ветеранов советского альпинизма, начинает рассказ.

— С трех сторон подошли наши группы к Эльбрусу: с перевалов Бечо, Донгуз-Орун и от Нальчика. Баксанское ущелье встретило нас непогодой. Февральские метели, снегопады, бураны — мало подходящее время для подъема на высоту почти в 6000 метров. А гитлеровцы возле блиндажей и землянок еще «гостинцы» оставили, заминировали наиболее доступные подходы.

Пришлось идти обходным сложным путем, где каждую минуту могла обрушиться многотонная снежная лавина.

В руках ледорубы, а на груди автоматы. В рюкзаках запасные диски, гранаты да немного продуктов.

Только на второй день подошли к «Приюту

одиннадцати» — высокогорной гостинице на высоте 4200 метров.

Печальный вид: стены пробиты осколками снарядов и бомб, окна и двери выбиты взрывной волной, подсобные домики разрушены. Однако — все же убежище от тридцатиградусного мороза и ураганного ветра!

— А что дальше было?

— Об этом вам лучше расскажут мои товарищи. Каждый год, семнадцатого февраля, собираются они в Москве у Вячеслава Диомидовича Лубенца, комиссара нашего отряда, ныне доцента Высшего технического училища имени Баумана. И почему именно семнадцатого, тоже узнаете.

С берегов Невы отправляемся на Краснохолмскую набережную, которая протянулась вдоль Москва-реки.

В этот вечер в квартире товарища Лубенца все необычно. Нет разделения на гостей и хозяев. Те, кто смог освободиться раньше, пришли готовить праздничный ужин. Сняв пиджаки и засучив рукава, чистят картошку, готовят тесто для традиционных блинов.

— Вячеслав Диомидович, — просим мы, — продолжите, пожалуйста, рассказ Белецкого. Добрались вы до «Приюта одиннадцати», а дальше что?

— Нашли подходящую «каюту», снег разгребли, железную печку растопили. Даже уютно стало. Термометр на стенке, ходики, натюрморт с арбузами, вращающееся кресло и тут же высокогорные ботинки, меховые носки, перчатки, развешенные для просушки. Из радиодеталей, что остались от бежавших гитлеровцев, собрали ребята приемник. Последние известия слушали, музыку.

Многие в валенках были, а их у печки не высушишь. Возле «Приюта» валялось много мешочков с артиллерийским порохом. Высыпали его в валенок, спичкой поджигали — сра-

батывало, как миномет. От вспышек войлок моментально высыхал.

Вот с едой туго было. Пока добирались да ждали подходящей погоды — истощились запасы. Хорошо, обнаружили не вдалеке взорванный фашистами продовольственный склад, а в нем — банки с мясными консервами.

Случился конфуз. Кто-то нашел пакеты с коричневым порошком. Решили, что кофе. Сварили, выпили. Потом за животы держались. Оказалось, что это был специальный состав для химических грелок.

Звонок у входной двери работает без пауз, в коридорах и комнате становится шумно. Все, конечно, зовут друг друга по имени, и выяснять отчества в этот момент бесполезно.

Ника Петросов — кинооператор, его специально прикомандировали к отряду для съемки документального фильма. Это был его первый выход в горы. Скептикам он говорил: «Вы меня только наверх подымите, а обратно я сам спущусь». Добрался-таки и снял все, что было нужно. Неделью назад он снова летал над Эльбрусом, подготавливал очередной фильм.

Саша Гусев — доктор физико-математических наук, первый начальник станции «Пионерская» в Антарктиде. Он был руководителем отряда. Между прочим, доктор наук, подойдя к спортивным кольцам, которые висят в коридоре, довольно свободно подтянулся и еще подержал угол.

И еще приходят, и еще, и еще...

Не всех сегодня отпустили дела. Не все смогли прийти и приехать. Но все равно они сегодня — вместе.

ВОТ ТЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫХ ПРИКАЗ КОМАНДОВАНИЯ СВЕЛ В ФЕВРАЛЕ 1943 ГОДА В „ПРИЮТЕ ОДИННАДЦАТИ“

А. Багров

Е. Белецкий

Б. Грачев

А. Грязнов (погиб)

Н. Гусак

А. Гусев

Л. Каратаева

Л. Кельс

В. Кухтин

В. Лубенец

Н. Маринец

А. Немчинов

Ю. Одноблюдов

Н. Персиянинов (погиб)

Н. Петросов

А. Сидоренко

Е. Смирнов

Г. Суланвилидзе

Б. Хергиани

Г. Хергиани (погиб)

— А как закончилась та эльбрусская операция?

Нам показали сохранившийся с дней войны личный дневник Александра Сидоренко.

«13/II-43. Проснулся в 1-15. Гусев и Гусак не спали. Погода испортилась, западный ветер, облачность, снегопады... Решили идти маленькой группой на Западную вершину. (Разведка).

В 2-30 вышли Гусак, Белецкий, братья Хергиани и я. Ориентировка затруднена. Взяли левее. Габриэль и я провалились в трещины несколько раз...

У Белецкого то и дело гнутся зубья на левой кошке. У моей левой кошки раздвигаются звенья. Трудно чинить на таком ветру. Нудный

длинный траверс! Ветер в лицо. На щеках и на носу то и дело образуются ледышки. Светает...

У триангуляционной вышки на Западной вершине обнаружили обрывки фашистских флагов, сорвали. Укрепили свой.

...Спуск. Туман все искажает и сильно затрудняет ориентировку. Куда идти? Внизу слышали выстрелы из автоматов, карабинов и ручного пулемета. Начинает темнеть.

В 17-40 поздравляют товарищи у «Приюта». Погода усиленно портилась.

17/II-43. 0-10. На Восточную вершину вышли все остальные члены отряда. В 11-00 установили советский флаг... В этот день узнали по

радио, что освободили Харьков. Вечером отмечали сразу два эти события.

18/II-43. Вьюга не унимается».

— А помнишь?.. — эта фраза повторяется за столом ежеминутно. Одноблюдов, Гусев, Каратаева запевают фронтовые песни, Грачев аккомпанирует на гитаре. Особенно задушевно поют «Баксанскую» и «Барбарисовый куст».

Люба Каратаева — свидетель и участник создания этих песен, ставших широко популярными среди альпинистов и туристов нашей страны. Она рассказывает:

— Коля Маринец осенью 1942 года потерял в бою близкого друга-альпиниста. Мелодию он давно напевал, а слова как-то сами родились. Барбарисовый куст с его пунцово-крас-

ными продолговатыми ягодами, похожими на капельки крови, — я, когда эту песню пою, всегда Нику Персиянинова вспоминаю, как будто она о нем написана.

*Мне не забыть ту долину,
Сложенный холм из камней.
И ледоруб вповоловину
Воткнут руками друзей.*

Припев:

*Ветер тихонько колышет,
Гнет барбарисовый куст.
Парень уснул и не слышит
Песни сердечную грусть.*

*Тропка, как ленточка, вьется,
Горная речка шумит.
Кто же в долину вернется,
Холмик тот кто посетит?*

Припев

*Слышны раскаты далеко...
Пушечных выстрелов гром.
Там за хребтами высоко
Други дерутся с врагом.*

Припев

*И на минутном досуге
В скалах мерцает огонь.
Грустную песню о друге
Нежно играет гармонь.*

Припев

— А «Баксанская»?

— Про «Баксанскую» могу подробнее рассказать.

В декабре 1942 г., а точнее 31 декабря, мы, альпинисты 897 горно-стрелкового полка 242 стрелковой дивизии, Андрей Грязнов, Ника Персиянинов, Саша Сергеев и я, получили приказ выйти в разведку в Баксанское ущелье.

К рассвету мы добрались до колуара между Малым Когутаем и Дон-Гуз-орун-баши. (Малый Когутай, Дон-Гуз-орун-баши, Накра — вершины Центрального Кавказа). Затем

стали подниматься по скалам на гребень. За один день подняться нам не удалось — заночевали на скалах. А утром мы с Андреем, вооружившись пистолетами, гранатами и биноклем, в маскхалатах, полезли дальше. Скалы обледенели, взбираться было очень трудно, но часам к одиннадцати мы выбрались на гребень. Пролежали на нем неподвижно до сумерек, а затем начали спуск. Во время нашей «лежки» мы засекали огневые точки, следили за сменой караулов, за движением войск и так далее. А между делом сложили тур и

написали записку. Эту записку мы вместо запала вложили в гранату и оставили ее в туре. Между собой мы договорились, что после войны, кто из нас первым снимет эту записку, тот обязательно сообщит второму.

И вот спустя год мы двигались к Эльбрусу. На ночевку остановились в балкарском домике в селении Терскол. Ночью, несмотря на трудный переход, нам не хотелось спать. Мы вышли на балкон, отсюда открывалась чудесная

панорама. Все горы были залиты лунным светом. Был виден и гребень, где мы оставили гранату. Андрей что-то тихо насвистывал, а затем пропел: «Помнишь гранату и записку в ней»... — с этой минуты и началось сочинение песни. Когда мы поднялись на «Приют одиннадцати», песня была уже готова. Только не такая длинная, как сейчас, а короткая — четыре куплета.

*Где снега тропинки замечают,
Где лавины грозные гремят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд.*

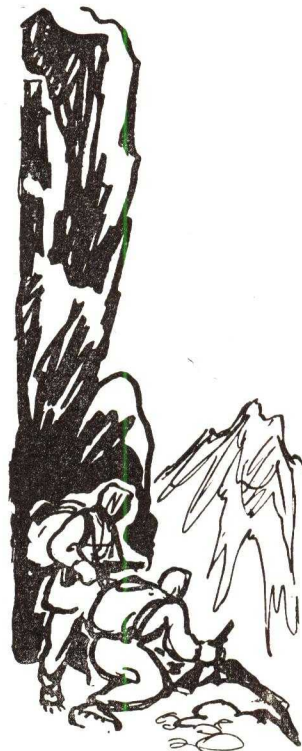
*Нам в боях родными стали горы,
Накры склоны, Эльбруса снега.
Дан приказ, не долги были сборы
На разведку в логово врага.*

*Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней?*

*На огне в печи трещали ветки,
В котелке дымился крепкий чай;
Ты пришел усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.*

*Синими замерзшими руками
Протирал вспотевший автомат
И вздыхал глубоко временами,
Головой откинувшись назад.*

*Помнишь, товарищ, вой ночной пурги,
Помнишь, как кричали нам в лицо враги,
Помнишь, как ответил с воем автомат,
Помнишь, как вернулись мы домой в отряд?*

После войны эту гранату и записку нашли альпинисты одного из лагерей.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда мы вышли на тихие улицы Москвы. «Главное, ребята, — сердцем не стареть», — сказал кто-то на прощанье...

ДАВНЯЯ ВСТРЕЧА

Рассказывает подполковник С. Гладкий

Далекie годы юности, жаркое украинское лето, село на Днепре под Киевом... Огромная ватага мальчишек собралась на горе у ветряка и жадно наблюдала за красноармейскими учениями.

Нескончаемой лентой тянулись к переправе запыленная пехота, кавалерия, скрежетали гусеницами танки...

Помню, мы, кто был постарше, сговорились отделаться от крикливой компании малышей и перебрались на тот берег, куда уползала

колонна войск. Переплыв Днепр, мы вперегонки пустились через яр к ореховой роще, за которую убежал шлях. Продравшись сквозь колючий кустарник, мы увидели по ту сторону рощи, на холме, большую группу военных.

«Командиры, да еще самые старшие!» — заявил я авторитетно притихшим хлопцам, так как был «городским» и годами постарше многих.

Мы решили пробраться поближе, чтобы высмотреть знакомые по портретам лица: «Вот тот, усатый, не Буденный ли?» Но тут рослый военный с красивым моложавым лицом услышал шорохи в кустах и повернул к нам голову. Брови его нахмурились, однако увидев нас, «болевщиков», в истерзанных рубахах и мокрых, еще не успевших высохнуть штанах, он все понял и помахал нам рукой. Мы ликовали! Забыли про бесчисленные занозы, пустые желудки, изодранные штаны и рубахи, за которые дома ожидала взбучка. И смотрели, смотрели... А к холму подъезжали все новые военные, кто на лошадях, кто в машинах.

Вдруг откуда-то из-за рощи вынырнули два самолета и на бреющем полете промчались над нашими головами. От их оглушительного рева Павка, мой двоюродный брат,

схватился за голову и повалился от страха на землю. Высокий красивый командир рассмеялся и поманил Павку к себе.

И как же завидовали мы все Павке, когда он вернулся с пачкой замечательных цветных карандашей!

День маневров закончился незабываемым зрелищем воздушного десанта. Солнце вдруг померкло от огромной тучи самолетов, появившихся в небе. Из этой тучи вдруг посыпались маленькие черные точки, и скоро небо расцвело сотнями разноцветных одуванчиков-парашютов...

Через два года я был зачислен курсантом Одесского артиллерийского училища. И там, на стенах военного кабинета, в первый же день увидел портрет военного, подарившего Павке карандаши. Его красивое лицо нельзя было не запомнить. Под портретом я прочел: «Маршал Советского Союза Тухачевский М. Н.»

Публикуем редкую фотографию: М. Н. Тухачевский (на коне) — командующий войсками Ленинградского военного округа — на первом майском параде встречает членов правительства. Ленинград, Дворцовая площадь, 1929 г.

ДВА РАССКАЗА

Г. Черкашин

Шоколад

Было раннее утро, когда «Виктория» осторожно вошла в бухту и встала на рейде между Константиновским и Алексеевским равелинами.

Густая зимняя дымка непроницаемо окутывала берега, и только по правому борту на холме возвышался над городом и над туманом собор. Оранжевое солнце просвечивало насквозь его голый каркас и блестел позолотой чудом уцелевший крест.

Маленький черный буксирчик тянул нигку ржавых бонов и отчаянно сопел при этом. Морские ворота закрылись, и буксирчик затих, приткнувшись к бочке.

В полдень от судна отвалил катер с офице-

рами. Катер причалил к Графской пристани, и американцы сошли на берег.

...Мы играли в футбол, когда на пустыре показались американцы. Мяч мы вырезали из гусеницы «Тигра» с перебитым дулом, который стоял на кладбище. Вырезали мы его по очереди, пока он не получился круглым, но первое время он все-таки отбивал ногу, потом привыкли. И когда мы к нему привыкли, подошли эти американцы с негром. Трое офицеров в незнакомой форме. И негр. Самый настоящий негр, такой, как Джим из «Тома Сойера», и улыбка у него тоже была что надо.

Мы еще утром знали, что в бухте стоит американский сухогруз, который пришел к нам, потому что в Ялте началась конференция. На эту конференцию и Сталин, и Рузвельт, и Черчилль ехали через наш город и, говорят, очень удивлялись тому, как его раз-

рушили. Они ездили по городу как раз в то время, когда мы сидели на уроках. Учились мы в бомбоубежище под школой, потому что вся наша школа была разрушена, хотя стены остались, и ее обещали восстановить. Мы с Котькой Греком сидели на кирпичах, и вместо парт у нас тоже были кирпичи, а у некоторых были столы и стулья. У нас тоже раньше был стол на двоих и два стула. Стол притащил я, стулья — Котька. У нас были самые шикарные стулья в классе, и все нам завидовали. Но в один прекрасный день кто-то спер наш стол и наши стулья, и с тех пор мы с Котькой сидели на кирпичах. Котькина бабушка Яка тогда очень рассердилась и по-

шла в учительскую проверять, не стащили ли их туда или к директору. Но в учительской стульев не было, а к директору она не пошла.

Мы сидели с Котькой на кирпичах и иг-

рали в морской бой, когда Марья Сигизмундовна, наша учительница, сказала:

— Дети, завтра придите все нарядные, наденьте самое лучшее. Вы знаете, что в нашем городе сейчас высокие гости, и не исключена возможность, что они придут к нам. Ведь наша школа была самой большой в городе.

Мы пришли с Котькой домой, и я сказал бабушке, что к нам завтра придут высокие гости и пусть она оденет меня получше.

Бабушка сказала:

— Ждите. Больше им нечего делать, как к вам в гости приезжать.

Ее тон меня обидел. А когда она увидела, что я обиделся, она приготовила мне белую

рубашку и выгладила брюки, но никто к нам так и не приехал. Учительница сказала, что они уехали в Ялту на конференцию.

А на следующее утро ко мне прибежал Котька Грек и сказал, что пришел огромный «американец», и мы сто раз бегали на него смотреть. Мы, конечно, очень удивились, когда вдруг эти американцы притопали к нам. Мы тут все сразу стали форсить, особенно Котька Грек. Он так всех обводил, что у меня созрело решение сделать его капитаном команды. Вот уже две недели капитаном был я, но сегодня Котька играл почище меня, демонстрируя лучшие качества советского футбола перед иностранцами.

Даже Киндер старался. Он бегал, как чужик, и все время терял правую тапочку. Тапочки были брезентовые, на негнушейся подошве, вырезанной из старых автомобильных покрышек. Киндер возвращался за тапочкой и натягивал ее на синюю в цыпках и царапинах ногу. Носков у него никогда не было. Хотя его звали Лене́й, все называли его Киндером — так повелось еще с тех пор, когда здесь были немцы. Отца у него не было, но была очень больная мать и пятилетний брат Юрка. Вот они и просили по утрам у магазинов, стояли рядом с протянутыми руками и молчали. Мне в такие минуты было их очень жалко, и я всегда отдавал им свой довесок.

Иногда просил один Юрка. Киндер в эти дни сидел на базаре и менял собранные куски хлеба на что-нибудь другое. Юрка забывал просить хлеб, бегал за собаками, и пустая сумка, сделанная из мешковины, развевалась за его спиной, как флаг.

Обычно после очереди мы тащились ловить рыбу или крабов. Киндер шел с нами. Он не брезговал ничем, даже зеленухами, только бесчешуйчатых покрытых слизью «собак» он со злостью бил о камни и страшно ругался при этом. В холодное время мы ходили на свалку или на кладбище охотиться на пичуг из рогаток, и, если нам удавалось подбить что-нибудь, мы отдавали птиц Киндеру. В такие дни он часто смеялся, подмигивал и похлопывал себя по животу, который почему-то у него был побольше наших, хотя сам он был тощий, как хамса.

Когда Котька забил гол, негр захопал в ладоши, и самый длинный американец поманил нас к себе. Он показал на какую-то коричневую коробку, которую держал негр, и сказал, что это шоколад. Как-то моряки угощали меня шоколадом, маленьким коричневым кусочком, который тут же растаял во рту.

Другие ребята его не ели — это уж точно. Вернее, не помнили его вкуса. Поэтому иногда мне задавали вопрос: что вкуснее, шоколад или виноград. И вот мы увидели большую плитку шоколада и, кроме нее, не видели ничего.

Потом этот американец отошел и вытащил из чехла кинокамеру.

— Нас будут фотографировать, — сказал Котька и попытался прилизать свой чуб.

— Зачем? — спросил я.

— Так надо, — авторитетно сказал Котька. Ему было виднее.

Длинный офицер присел, навел на нас кинокамеру и кивнул негру. Плитка взлетела вверх и, кувыркаясь, упала на землю. Меня немного удивило, зачем он ее кинул, а не протянул нам, но когда Киндер подбил ее ногой, я все понял. Они думали, что мы вцепимся в этот шоколад и будем рвать его друг у друга, как голодные собаки. Мы будем драться, а они будут снимать, а потом показывать это у себя в Америке... Эх, союзнички...

Я крикнул:

— Киндер, пас! — и он мастерски пасанул мне эту плитку, а я с ходу послал ее Котьке — пусть тоже подержится: шоколад ведь!

Аппарат американца стрекотал, а сам он кричал: «Это шоколад, это шоколад!» А мы гоняли этот шоколад. И еще бы долго гоняли, если бы Вовка Жереб не паснул его американцам. Тогда Киндер прыгнул на плитку и понеслось...

— В Кейптаунском порту, — пел Киндер, — с какао на борту «Жанетта» поправляла тачелаж...

Мы тоже вопили, а шоколад расплзался

под тапочками Киндера. Но Киндер не обращал на это внимания и топал ногами так, что поднялась пыль.

Потом Киндера стошнило. Он изгибался и рычал, как будто его выворачивало наружу. Мы бросились ему на помощь, но он лег на землю и стал громко и часто дышать. Мне показалось, что Киндер умирает.

Невысокий американец повернулся и пошел прочь. За ним потянулись остальные. Американцы, вдруг свернув с дороги и карабкаясь по камням, скрылись за стеной разрушенного дома. Вся правая сторона этого квартала лежала в руинах. Ее можно было пройти насквозь вдоль и поперек.

Нашупав рогатку, я кинулся следом. Я не собирался их убивать, нет. Я только собирался хорошим выстрелом разбить киноаппарат.

Я пошел наперерез и спрятался за кустами сирени перед стеной, в которой была дыра. Я видел, как они остановились и уже поднимал рогатку, когда тот, что был поменьше остальных, вдруг треснул верзилу по роже.

Они стояли друг против друга, один ниже другого на голову и много уже в плечах. Вер-

зила мог убить своего противника одним ударом. Третий американец, задрал голову, смотрел на небо. Вверху кружили чайки.

«Чайки над берегом. Будет шторм», — подумал я и поискал глазами негра. Он стоял у стены и, не отрываясь, смотрел на верзилу, который ему что-то говорил. Потом он вдруг стал серым, как штукатурка.

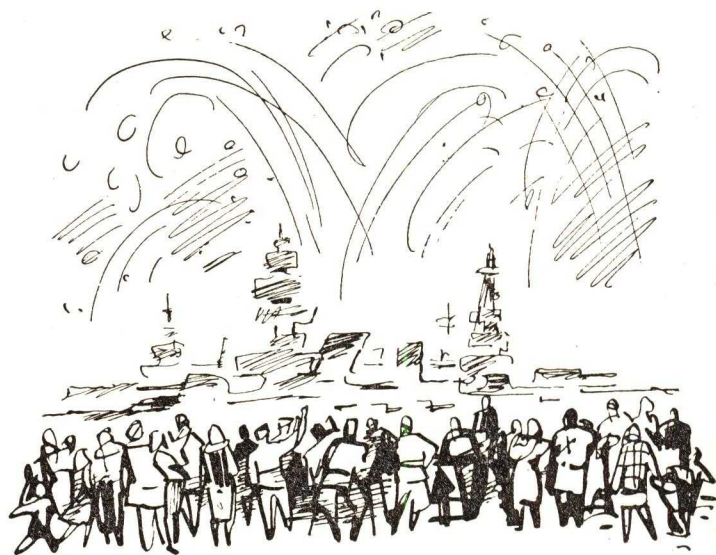
А третий все смотрел на чаек и молчал. Тогда тот, что был поменьше, снова треснул верзилу по роже. На этот раз он бил хуком. Верзила отлетел в угол и по стене сполз на пол. Он сидел на земле, расставив ноги, и не решался встать. Это стоило показать ребятам. И я бросился за ними. Но, не добежав до них, я увидел, как этот длинный выскочил на дорогу, весь запачканный сажей и известью, и, оглядываясь, понесся на угол, откуда была видна бухта и пароход.

«Виктория» ушла через три дня. Все эти дни на берег выезжали амфибии, груженные ящиками. В ящиках были подарки. Через месяц мама принесла мне ковбойку, бежевое пальто из верблюжьей шерсти и нательный комбинезон, который я почему-то стеснялся носить.

Возвращение эскадры

Утро 5 ноября было пасмурным. С северной стороны порывами дул ветер, гнал серые волны на каменную стенку Приморского бульвара, пена подлетала высоко, падала на стены бывшей биостанции, где до войны был аквариум. У выхода из пустынной бухты сиротливо чернел маленький вахтенный буксирчик. Над Инкерманом собирались тучи. Казалось, что пойдет дождь. Поэтому во время переменки мы с Котькой остались в классе доигрывать в морской бой.

Мы играли в морской бой и ни на кого не обращали внимания, хотя в углу боролись два брата-близнеца Кравченко, по прозвищу Пчелы. Их прозвали так, потому что они напоминали пчел, вечно шумели и задевали друг друга. Сначала они боролись, но потом Игорь вылил Борису в рот чернила и дальше их уже пришлось разнимать. Это сделал Вовка Жереб. Но тогда они вместе напали на Жереба, потому что им всегда было все равно, с кем драться: друг с другом или вместе против третьего. Пришлось бросить морской бой и

разнимать их. Потом уже весь наш класс разнимал друг друга. Драка кончилась, потому что вдруг раздался грохот. Я решил, что обвалилась школьная стена. Все притихли и уставились на потолок. Грохот повторился снова и снова. Где-то стреляли из орудий. Мы бросились наверх. Под ногами затрещала штукатурка и зазвенели осколки стекла.

На втором этаже я увидел Гешку и протиснулся к нему.

— Смотри, — взволнованно сказал он. — Возвращается...

В бухту медленно входила эскадра. Трехтрубный крейсер с высокими башнями заслонил от нас стены Константиновского равелина.

— «Красный Крым», — сказал Гешка.

Гешка узнавал корабли, которые мы не видели три года. Они шли в кильватер, пять великанов, четыре крейсера и линкор.

Эскадра салютовала. Линкор стрелял из главного калибра. Грохот стоял такой, что можно было оглохнуть. В ушах звенело.

— Открывай рот, когда стреляют! — крикнул мне Гешка. Сбоку появился Котька.

— Айда на Приморский! — крикнул он. Мы побежали в класс за портфелями. Когда в классе собрались все, вошла наша учительница Марья Сигизмундовна.

— Эх, — сокрушенно сказал Котька. — Не успели...

Я не ответил. Я смотрел на учительницу. Только теперь я заметил, что она в новом платье и вообще какая-то необычная.

— Дети, — сказала она и улыбнулась, — ну вот и вернулись ваши отцы. Идите, встречайте их.

Мы крикнули «ура» и бросились к выходу.

У выхода из школы уже стоял Витка Барабанщик и во всю силу наяривал марш турецких янычар: «Ту-ту, ту-ту, на-па, на-па, ту-ту-ту-ту, ту-ту, па-па, па-па». К нему бежал Сова Бумба со своим горном, на бегу вставляя мунштук.

Мы не стали ждать, когда все соберутся, потому что там, где барабан, там и знамя; там, где знамя, там и строй, значит, надо идти в ногу. А кто хочет идти в ногу, если вернулась эскадра. Ее ждали с 9 мая 1944 года. С тех пор, как освободили Севастополь. И вот она вернулась. Это значит — будет салют. Это значит — победа.

Мы с Котькой бежали по улице, но бежали не только мы. На Приморском уже было тесно. Мы протиснулись вперед и присели на камни.

Ветер стих, но море все еще было неспокойно. Брызги летели на наши лица, на одеж-

ду. Мы не замечали. Совсем недалеко от нас у огромных бочек стояли серые гигантские корабли. На кораблях семафорили. К берегу неслись катера с крючковыми на корме. Катера швартовались у Графской пристани.

— Вечером нас отпустят на берег, — кричали матросы женщинам, которые толпились на причале, — вечером!

Это нам быстро надоело. Мы решили бежать на Телефонную пристань, куда швартовались только что прибывшие эсминцы, но тут к нам подошел Шурка Цубан.

— Пацаны, что это вы здесь делаете? — спросил он.

— Смотрим, — сказал Котька. — На катера смотрим.

Шурка вдруг понизил голос:

— Аля со мной! Вот такая идея, — и он вытянул большой палец.

Мы следом за ним перебежали на другую пристань, где стояли яличники и курили. Они ждали пассажиров.

Катеров еще не было. Говорили, что скоро один сделают. Пока через бухту переправлялись на яликах. На Корабельную сторону стоило три рубля, на Северную — пять. На Корабельную еще ходили два автобуса, на Северную — только ялики.

— Стойте здесь, я сейчас, — сказал Шурка и осмотрел яличников. Все это были старики. Они ловили рыбу и зарабатывали на перевозе. От них всегда пахло рыбой. Утром они привозили рыбу на базар и оставляли там своих жен, а сами мыли ялики и гребли к Графской. На мытье яликов можно было заработать, и летом мы часто это делали. Поэтому мы знали многих из тех, кто стоял здесь. Шурка

подошел к дяде Остапу, у которого был моторный баркас. Дядя Остап как раз подтягивал свой баркас поближе, чтобы он не бился о соседний ялик. Шурка махнул нам рукой. Мы подошли.

— Дядя Остап, — сказал он, — пошли в море, к кораблям.

— Катись, — сказал дядя Остап, не обращая на нас никакого внимания.

— Чудак, — сказал Шурка, — ты что, зыби испугался?

Дядя Остап посмотрел на Шурку так, будто его тридцать лет не видал. На Шурку это не подействовало.

— Сам подумай, — сказал он, — мы первые. Они нам сейчас папирос, махорки набросают. Свои ведь вернулись.

— А ты ведь дело говоришь. — сказал дядя Остап. — Прыгайте в лодку. Цубан, на руль.

Оттолкнулся от пирса и крикнул остальным:

— Мы пошли до эскадры. Может, махоркой разживемся.

— Садитесь на весла, — приказал он нам и склонился над мотором.

На пирсе забегали рыбаки. Они быстро отвязывали концы и прыгали в свои ялики. Перевоз вмиг опустел. Как назло наш мотор завелся не сразу. Несколько раз он было зафырчал, но через два-три оборота глох. Дядя Остап ругался и откачивал насосом замасленную воду. Наконец мотор заработал.

— Правь на линкор, — велел дядя Остап. Шурка круто повернул руль и нас залило.

Дядя Остап выругался и сам сел на руль. Встречная зыбь била в скулы баркаса, высоко подлетал нос, потом мы проваливались.

Время от времени нас заливало. Мы черпали воду консервными банками и выливали ее за борт.

Линкор выросал впереди из моря, как скалы на мысе Фиолент. Он был широк, раза в два шире, чем крейсер. Из бортов торчали орудия.

Мы подошли к линкору почти вплотную. Чтобы увидеть людей на палубе, пришлось сильно задирать голову. Зыбь налетала на броню. Звук был как от пощечин. Нас могло разнести в щепки. Дядя Остап не глушил мотор. Он обвел баркас вокруг линкора и подвел его с подветренной стороны.

На палубе толпились матросы. Они махали нам бескозырками, что-то кричали, но из-за мотора их не было слышно.

— Отталкивайтесь, когда надо будет! — крикнул дядя Остап и заглушил мотор. Он сел на весла.

Мне хотелось кричать «ура». Мне хотелось потрогать линкор руками. Мне хотелось подняться на его палубу. «Милый, хороший, линкорчик», — шептал я. Я вел себя, как девчонка.

— Корешки, — вдруг крикнул Шурка, — махорочки киньте!

Дядя Остап, бросив весло, дернул его за штаны. Шурка плюхнулся на мокрые рыбины.

— Чего ты? — заорал он.

— Молчи, — сказал дядя Остап. — Ты что, не видишь, линкор вернулся. — Он шмыгнул носом.

«Вот так черт», — подумал я.

— Братцы! — кричали сверху. — Земляки...

Кто-то крикнул в мегафон:

— Отец, подвали к трапу!

У трапа стоял мичман.

— Ну, как там? — спросил он. — Сильно, да? Все глаза в бинокль просмотрел. Содом и Гоморра.

Дядя Остап сокрушенно махнул рукой.

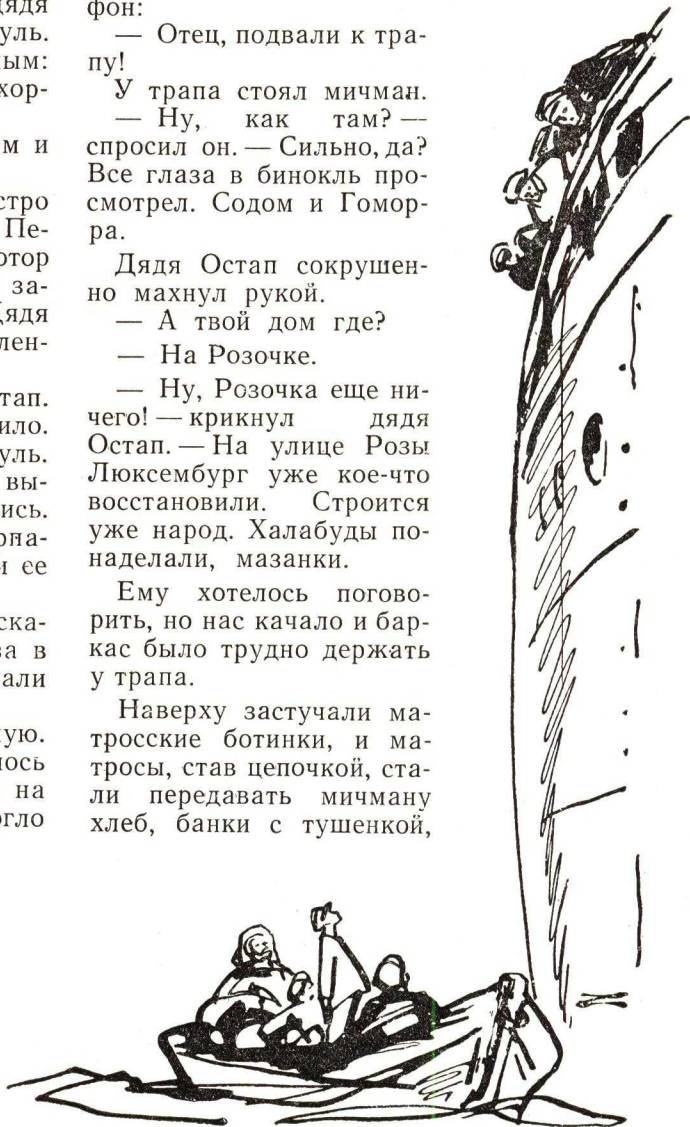
— А твой дом где?

— На Розочке.

— Ну, Розочка еще ничего! — крикнул дядя Остап. — На улице Розы Люксембург уже кое-что восстановили. Строится уже народ. Халабуды понаделали, мазанки.

Ему хотелось поговорить, но нас качало и баркас было трудно держать у трапа.

Наверху застучали матросские ботинки, и матросы, став цепочкой, стали передавать мичману хлеб, банки с тушенкой,

коричневые пачки с махоркой и даже две пачки папирос «Дюбек».

Шурка кланялся и кричал:

— Спасибо, корешки...

Мичман засмеялся.

— С такой гвардией мы мигом город восстановим, а?..

— Восстановим! — крикнул дядя Остап.

Мы крикнули «спасибо», и дядя Остап подналег на весла.

Когда он завел мотор, мы с Котькой открыли банки с американской колбасой. Шурка нарезал хлеб. Колбаса попалась уже нарезанная. Мы уничтожали бутерброды и смотрели на удаляющийся линкор.

— Житуха, — сказал Шурка.

Мы выкурили еще по папиросе. Потом дядя Остап разделил тушенку и хлеб. Папиросы и почти всю махорку он забрал себе.

— Вам баловаться, а мне курить, — сказал он, но по одной пачке все-таки дал.

К вечеру море утихло. От кораблей отвалили большие серые баркасы. Они выбрасывали партию матросов на берег и возвращались за следующей.

На берегу играл духовой оркестр. На берегу стояли тысячи севастопольцев. На площади Ленина обнимались, кричали и плакали и смеялись. Народу было так много, что приходилось протискиваться. У памятника Ленину я потерял Котьку. Собственно говоря, памятника не было, сохранилось лишь основание. Статую вождя немцы стянули танками.

Сначала я пробрался к самой пристани и стал смотреть, как матросы выходят на берег. Творилось что-то непонятное. Один матрос обнимал мраморную колонну на Графской, гладил ее. Другой плакал в объятиях слепой женщины. Я не знал, что матросы умеют плакать.

На Приморском бульваре уже никто не плакал. По аллеям ходили девушки под ручку с матросами. Напротив памятника Погибшим кораблям стояли братья Кравченко, держа за руки невысокого матроса, и на их рожах было написано, что это их отец. Пчелы ничего не замечали. Они орали оба сразу и размахивали руками.

«Сегодня вернулась эскадра, сегодня праздник... Сегодня весело... Дети, вы дождались своих отцов... своих отцов... своих отцов!»

Я влез в пулеметное гнездо на спуске к морю и скрутил самокрутку. Самокрутка получилась мокрой и толстой. Спички у меня были. Я закашлялся — махорку я курил впер-

вые. Кашлял и думал: «Почему я не плачу, ведь я очень любил своего отца?»

От махорки кружилась голова. На полу валялись гильзы. Это были немецкие гильзы. С ободком. Я ткнул одну ногой, она зазвенела.

— Там кто-то есть, — прошептал женский голос за стеной. Отверстие заслонило чье-то лицо. Лицо уплыло. Остался кусок неба с рваными, как у осколков, краями. Темно-сиреневый осколок с голубыми звездами. Я затаился в последний раз.

...Возле моря стоял Шурка. Он держал в руках флотский ремень.

— Видал? — сказал он. — Совсем новый.

— Хочешь, тебе достану? Они сегодня все добрые.

— Не стоит. Иди достань себе бескозырку, — сказал я.

— Идея, — сказал Шурка, примеряя ремень. Он все еще был велик, и Цубан повозился с ним, пока ремень не стал как раз. Он ушел за бескозыркой.

Я сел на камни у самой воды. Море горбило свою спину. Море почесывалось о черные камни и звонко хлюпало. Утренний шторм поднял зеленые скользкие листья морской капусты и облепил ими скалы. И запах был сильный, запах моря.

Если броситься в море, то сначала будет очень холодно и в воде рассыпятся короткие голубые искорки... В голове плыло... Вспоминалось что-то очень далекое... Было холодно, и отец был в шинели, когда я

поскользнулся и хлопнулся в воду, отец оказался рядом. Он выдернул меня из воды и укутал в шинель. Потом мы ехали на такси, и у меня стучали зубы. Но заболел не я, а он — «от переживаний», как сказала мама. Это произошло на этом самом месте, где теперь сидел я. Отец вообще любил сидеть на этом камне...

Я вздрогнул, когда почувствовал на своей

спине чью-то большую теплую руку.

— Ты не дождался его?

Я кивнул. Я не поворачивался, чтобы человек не убрал свою руку.

— Ну, ничего. Дождешься.

— Нет, — сказал я. — 9 августа 41 года под Киевом...

— У меня тоже, — сказал он. — Всех. Здесь, в Севастополе. Я ходил сейчас туда. Одна стена стоит. Других нет... Спинка от кровати сына... Он твой ровесник... был... Позади слышалась буйная чечетка под аккомпанемент аккордеона.

— Знаешь, им всем повезло. Они уже отбоевались. Слышишь, как танцуют?

— А тебе?..

— Для меня война еще не кончилась. Подал рапорт. Думаю, отправят после праздников.

Сначала стало светло, потом раскололся воздух.

Со мной рядом сидел старшина второй статьи. Он был какой-то очень большой. Еще я заметил глубокий шрам через всю левую щеку. Старшина взъерошил мне волосы.

— Не бойся, — сказал он. — Это салют. Боевыми бьют.

Ракеты опускались медленно. Некоторые падали в воду, и в том месте светилась вода. С Хрусталки били трассирующими из автоматов. Чечетка позади стала совсем бешеной. Когда взлетали ракеты, видно было, как мелькают ноги матроса. И сверкали клавиши трофейного аккордеона...

Я БЫЛ В ПРАГЕ

В 508 школе Ленинграда есть интернациональный клуб «Алые паруса». Члены клуба ведут переписку со школьниками многих зарубежных стран. В прошлом году чехословацкие друзья пригласили ленинградцев к себе в гости. Мы попросили рассказать об этой поездке одного из ее участников — Сережу Фомина.

Сережа хорошо рисует, и, когда он показал нам свои путевые наброски, мы решили поместить некоторые из них в журнале.

Прага — очень интересный город, особенно для художника. Когда наши ребята в свободное время гуляли по Праге, я уходил рисовать Старый город. Его показывали мне чешские друзья: Павел, Юрка и Ярда.

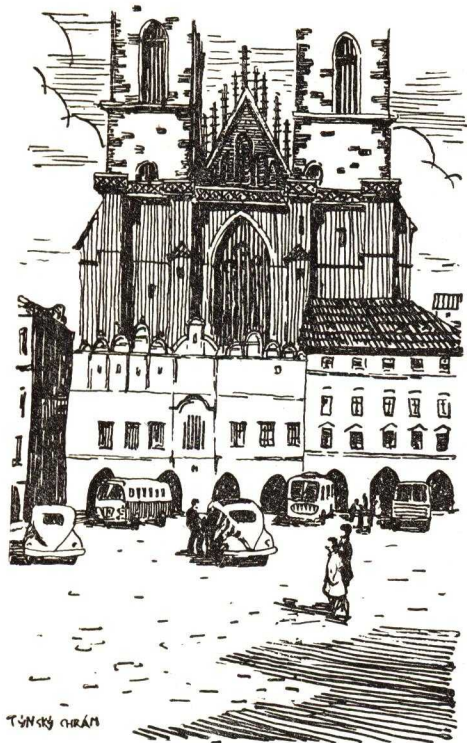
Старый город — это средневековые здания, скульптурные украшения на фасадах, крытые переходы из одного дома в другой, улочки, такие узкие, что соседи противоположных домов могут здороваться за руку, высунувшись из своих окон.

Панорамой Старой Праги можно любоваться часами. Над городом всюду башни. Маленькие и большие, стройные и коренастые, они прорезают утренний туман. Сверкает белизной куполов собор Святого Николая, торчат макушки башен Карлова моста, остроконечные шпили Тынского храма. А еще выше Градчаны — Пражский кремль.

Я так увлекался рисованием, что не замечал ничего вокруг себя. Однажды утром прибежали мои пражские друзья: «Сережа! Мы видели по телевизору, как ты рисуешь!» Вот это да! Я и не заметил, как меня снимали киноаппаратом...

На одной из улочек мое внимание привлекла вывеска: «Эдуард Чапек». Под вывеской — широко распахнутая дверь в лавку старьевщика. Навстречу вышел хозяин — лысый старичок в потертом пиджаке. Я, конечно, сразу спросил его, не родственник ли он известного чешского писателя Карела Чапека. Старичок грустно улыбнулся: нет, всего лишь однофамилец...

Я зарисовал лавку, купил пару затейливых старинных ключей и сфотографировал на прощание дядюшку Чапека. Он с гордостью показал мне три толстых альбома с автографами туристов из разных стран. Я тоже оставил свой автограф.

Вы спросите, как я объяснялся с дядюшкой Чапеком, не зная чешского языка? Когда рисуешь на улицах большого города, очень часто подходят любопытные. Одни задают вопросы, другие вслух оценивают работу, третьи дают советы. Пражане не были исключением. Правда, первое время мне было трудно понять быструю речь на незнакомом языке. Но чешский очень близок русскому, и я скоро научился не только понимать, о чем меня спрашивают, но и отвечать на вопросы.

Скоро я так наловчился вести эти короткие уличные разговоры, что иногда вполне сходил за чеха. Однажды на Нерудовой улице ко мне подошла женщина. Ее удивило, что я рисую левой рукой.

— А правой ты тоже рисуешь?

— Да, — нерешительно ответил я по-чешски.

— А сколько тебе лет?

— Шестнадцать...

— Ты занимаешься в художественной школе?

— Да...

— И сколько лет?

— Четыре года.

— Ну, спасибо, — сказала женщина.

Я был очень доволен: меня приняли за чеха.

В другой раз ко мне подошел мужчина в кожаной кепке. Он задал несколько вопросов и, услышав односложные ответы, спросил, пражанин ли я.

— Нет, из Ленинграда, — ответил я.

— З Ленинграду? — удивился чех. — И ты розумишь по-чешски?

— Немножко, совсем немножко понимаю, — смутился я.

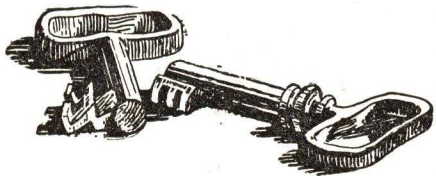
— Здравствуй! — широко улыбаясь, сказал чех, пожал мне руку и пошел дальше.

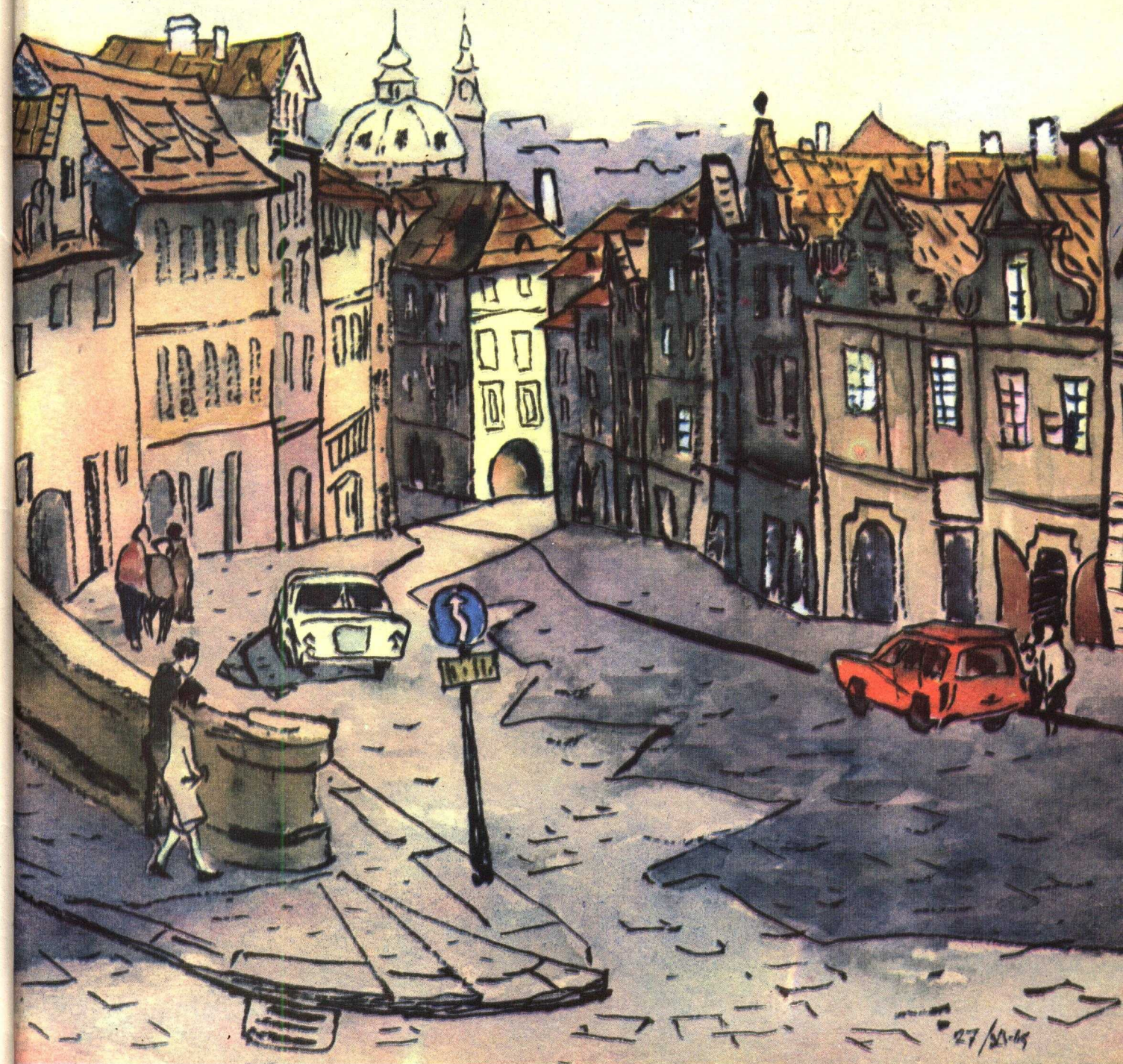
А веселый толстый шофер Хорват задал мне совсем неожиданный вопрос: почему я, школьник, и не брею усы... Я ответил в шутку, что когда мой дедушка впервые сбрил свои усы, началась первая мировая война, а когда мой папа первый раз побрился, началась вторая. Я боюсь, как бы не началась третья... Хорват расхохотался и посоветовал мне... спалить усы. А потом сказал серьезно: «Если бы не русские солдаты, сгнил бы я в концлагере...»

По вечерам мы собирались у Франтика Тыра. Бабушке Франтика около шестидесяти лет. Она учительница, свободно говорит на французском, немецком и английском языках. А русского не знает. Как же быть — ей так хотелось расспросить нас о Ленинграде! И вот мы делаем героические усилия, напрягаем память, ворошим скудные запасы английских слов. Одно, второе, третье... Наконец, фраза готова! Вчетвером, да еще с помощью фотографий, справились.

Я привез из поездки целую папку рисунков. По вечерам я часто рассматриваю их, вспоминаю добрых чешских друзей и их замечательный город.

Сергей Фокин

ЦИРК

В РЕМОНТ!

Т
Три мисли
20

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ-СКАЗКИ

Анатомий Алексин

Рисунки М. Беломлинского

Вслед за клоуном появились две тележки с такими гириями, что, казалось, упади они — и на манеже образуются глубокие воронки. Люди в форменных костюмах с серебряными полосками на рукавах везли тележки медленно, тяжело отдуваясь, то и дело останавливаясь для отдыха.

— Мои помощники или, как говорится, ассистенты! — сообщил клоун. И стал заниматься гимнастикой, готовясь к поднятию тяжестей. Он вытягивал руки, и мускулы его вздымались, как крутые пригорки на ровной дороге. «Наверно, клоун пошутил, что тяжести легкие», — подумал я, видя, как выбиваются из сил, надрываются и вытирают пот со лба ассистенты, катившие по арене повозки с гириями.

— Никто на всей планете
Не сдвинет гири эти!
Никто не сможет
В мире
Поднять такие гири!

Клоун обвел застывшим свирепым взглядом ряды зрителей и в рифму спросил:

— Может быть, вы не верите?
Может быть, вы проверите?

Сразу вверх потянулись руки.

— Возьмем с каждой трибуны первых попавшихся зрителей, — объявил клоун-богатырь.

И тут же ему на глаза случайно попался я.

— Ребенок!.. Он, ясное дело, не поднимет! — запротестовал кто-то в зале.

— Вес моих гирь испытают представители разных

поколений! — объявил клоун-богатырь. — Как говорится, и старые и малые!..

Я был в десятом ряду, но очутился внизу на арене так быстро, будто сидел в первом. Однако, очутившись там, внизу, я вдруг понял, как это страшно — выступать перед зрителями. Сотни глаз со всех сторон уставились на меня и на гири. И все ждали... Только обычно от человека, стоящего на арене, рядом с гириями, ждут, чтобы он их поднял, а от меня ждали, чтобы я не сумел их поднять. Все было наоборот.

Я смотрел на клоуна, как на самого настоящего богатыря и героя: он расхаживал по арене совершенно спокойно, будто вокруг не было никаких зрителей и никто с трибун на него не глазел. А у меня тряслись коленки, и я со страху чуть было не поднял гири, которые были такими легкими, что, казалось, прямо-таки прилипали к моим ладоням и тянулись за ними вверх. Но я вовремя опомнился, напряг все свои силы — и сумел не поднять! Я даже не сдвинул их с места! Потом я, подражая ассистентам клоуна-богатыря, стал вытирать пот со лба. Пот у меня, действительно, выступил...

— Что, не под силу? — над самым моим ухом прогремел голос.

— Не под силу, — растерянно ответил я.

— Устами младенца, как говорится, истина глаголет! — торжественно провозгласил клоун. — Теперь вызовем первых попавшихся зрителей с другой трибуны. Начали мы с ребенка, а сейчас вызовем мужчину. Да покрепче, поздоровее!

Я вернулся на свое пятое место в десятом ряду. Представление продолжалось... А мне хотелось, чтобы оно уже кончилось: не терпелось поскорее вернуться домой и позвонить Деду Морозу. У меня была к нему одна очень важная просьба!..

Окончание. См. «Костер» № I, 1966 г.

Я снова набрал две двойки. И снова мне ответил знакомый Снегуркин голос:

— «Стол заказов» слушает!

— Это я... Петя-каникуляр!

— Оформить заказ на выполнение желаний?

— Да, пожалуйста. Если не трудно...

— Такая наша работа.

— Я бы очень хотел, чтоб все мои друзья очутились в цирке на дневном представлении!

— Обслуживаем только каникуляров! — строго ответил «Стол заказов».

— Но ведь меня это очень развлечет. Мне доставит огромное удовольствие, прямо-таки наслаждение, если все мои приятели окажутся в цирке!

— Обратись непосредственно к Деду Морозу. Может быть, он разрешит... в порядке исключения. Соединяю!

Я начал повторять свою просьбу, но Дед Мороз перебил меня:

— О, не затрудняй себя: я слышал ваш разговор по отводной трубке: вообще-то говоря, Снегурка абсолютно права: по правилам я должен развлекать только каникуляров. У сказки ведь тоже есть свои законы. Если, знаешь ли, волшебники начнут делать все, что им взбредет в голову, они такое натворят на белом свете... Но, в порядке исключения, так уж и быть, пойду тебе навстречу: организую для всех твоих приятелей культпоход в цирк.

— Завтра? — обрадовался я.

— Нет, не завтра, а в ближайшее воскресенье.

— Почему-у? Мне бы очень хотелось...

Дед Мороз опять перебил меня:

— Я — дисциплинированный волшебник и не могу отрывать ребят от занятий. И от всяких общественных дел. Особенно сейчас, когда они в школе готовятся ко дню открытия...

— Что это они там собираются открывать? — лениво перебил я волшебника.

— Вот видишь, я нечаянно нарушил законы сказки: каникуляру нельзя даже рассказывать о том, что делается в школе. Ни о каких занятиях, ни о каких делах! Он должен только отдыхать и развлекаться. Так что больше я ничего не расскажу. А просьбу твою насчет цирка выполняю.

И сразу же в трубке раздался голос дедморозовской внучки:

— Заказ принят! Номер заказа — два дробь семь. Приняла и оформила Снегурочка.

Я уже говорил о том, что мне в ту далекую пору очень нравились выходные дни. Но, пожалуй, никогда еще я не ждал воскресенья с таким нетерпением, как после разговора с Дедом Морозом. Ведь на дневном воскресном представлении в цирке должна была осуществиться одна моя необыкновенная затея!

«Будет так... — размышлял я. — Выкатят огромные гири, выйдет клоун-богатырь, а потом уж спущусь на арену и я. Спущусь тихо и скромно, будто первый раз в жизни... Все наши ребята будут смотреть на меня. И даже Валерик замрет от изумления. «Устами младенца, как говорится, истина глаголет!» — воскликнет клоун. И обратится ко мне: — Под силу ли тебе, мальчик, поднять эти гири?» А я возьму и подниму их вверх!

Трудно даже представить себе, что тут начнется! Все решат, что я великий силач! Ведь остальные «подсад-ки» не будут подводить клоуна — и не смогут поднять гири. А я смогу!»

И вот наступил долгожданный день.

Со своего пятого места в десятом ряду я видел, как на противоположной трибуне рассаживаются мои друзья-приятели. Но они меня не замечали: должно быть, Дед Мороз нарочно сделал так, чтобы они не смотрели в мою сторону. А я не спускал глаз с Валерика. Он, конечно, сидел рядом с Мишкой и Жоркой, которого мы раньше называли «Жора, достань воровбушка», а потом стали называть по-другому: «Жора, достань билетик». Потому что ему, единственному среди нас, беспрепятственно продавали билеты на любую кинокартину и на любой сеанс, даже на самый поздний. Валерик положил руку Жорке на плечо. И мне было как-то неприятно на это смотреть.

«Ну, ничего, — думал я. — Скоро, буквально через каких-нибудь полчаса ты, Валерик, поймешь, кто больше заслуживает уважения: я или твои новые приятели!»

Мне казалось, что увертюра, которую исполнял оркестр, стала гораздо длиннее, чем была, что медведи катались на самокатах гораздо дольше, чем в первый раз, и что укротитель в клетке гораздо медленнее готовил своих тигров к прыжкам сквозь горящие обручи.

— Сколько можно смотреть на этих зверей! — тихоно ворчал я. — Зоопарк здесь, что ли? Сколько можно слушать эту музыку! Концерт здесь, что ли?

— Все-то тебе не нравится, — рассердилась женщина, сидевшая рядом. — Вышел бы сам на арену да и выступал!

Она и представить себе не могла, что я через несколько минут действительно появлюсь на арене.

И вот, наконец, раздалось:

— Сегодня в цирк

Вы пришли не зря:

Увидите клоуна-богатыря!

«Не знаю, как другие, а уж я-то, по крайней мере, пришел не зря. Это точно!» — говорил я сам себе, аплодируя клоуну. Ассистенты, отдуваясь на каждом шагу, опять приволокли гигантские гири.

— Никто на всей планете

Не сдвинет гири эти!

Может быть, вы не верите?

Может быть, вы проверите?

Весь ряд, в котором сидели мои приятели, первым задрал руки вверх. Только один Валерик не рвался проверять клоуна. Жорина ручища тянулась ввысь, как семафор. Но хоть она была длиннее всех, клоун-богатырь ее не заметил. Взгляд его опять совершенно случайно наткнулся на мою руку.

После первого представления клоун за кулисами сказал мне:

— Не лети на арену как угорелый: это может вызвать подозрения. Веди себя естественно!

И я попытался вести себя естественно. Я не спеша поднялся со своего стула и робко спросил:

— Вы вызываете меня?

— Ну да, тебя!

— Именно меня?

- Тебя! Тебя, мальчик!
- И я могу спуститься вниз, на арену?
- Можешь!
- А мое место тут без меня не займут?
- Никто его не займет...

Но я все-таки обратился к своей соседке так, чтобы слышали все кругом:

- Покараульте, пожалуйста, мое место!

Только после этого я медленным шагом сошел вниз, на арену. Весь ряд, в котором сидели мои приятели, вытянул шею вперед и замер.

— Устами младенца, как говорится, истина глаголет! — объявил клоун. — Вот мальчик, по имени... как тебя зовут?

- Петей...

— Сейчас мальчик, по имени Петя, скажет нам всем, можно ли поднять эти гири! Или хоть чуть-чуть сдвинуть их с места!

«Ничего!.. Сейчас ты, Валерик, начнешь уважать меня. И вы, мои дружки-приятели, тоже», — подумал я. И стремительным рывком поднял гири вверх!..

Наступила абсолютная тишина. И вдруг среди этой тишины заремел голос клоуна-богатыря:

— Перед нами — феноменальный ребенок! Ребенок — богатырь!.. Его надо немедленно показать врачу. Родители мальчика в зале? Я хочу, чтоб они по праву разделили успех своего сына, его триумф! Но раз он пришел один...

— Он не один! — завопил ряд, в котором сидели мои приятели. — Это — наш Петя! Он живет в нашем дворе! Он учится в нашей школе!..

— Ага, значит, здесь присутствует коллектив, в котором, как говорится, рос и развивался наш юный рекордсмен по поднятию тяжестей?

— Он — с нами! — вопил коллектив. — Это — наш Петя!

— Чтобы вы по достоинству оценили богатырскую силу этого мальчика, — перекикая всех моих друзей, продолжал клоун, — мы сейчас вызовем двух самых крепких, самых плечистых мужчин! Первых попавшихся... Ну, хотя бы вот этих!

Но не тут-то было... Десятки зрителей со всех концов зала ринулись на арену: они хотели потрогать гири, которые я так легко поднял ввысь. «Неужели в зале столько «подсадок»? — подумал я. — Нет, не может быть... Значит, это самые обыкновенные зрители. Какой ужас! Что сейчас будет?»

— Стойте! Остановитесь! — воскликнул я так громко, как не смог бы, наверно, крикнуть даже сам клоун-богатырь. — Сейчас я покажу вам еще один номер. Но если хоть один выбежит на арену, все пропало...

Те, что бежали, замерли в проходах между рядами.

— Подождите минутку! — предупредил я. — Одну минутку! Мне нужно сбежать за кулисы!.. И тогда вы увидите такой номер, какого никогда не видали!..

— Что ты еще придумал, негодяй? — еле слышно прохрипел сквозь маску клоун-богатырь. Мне казалось, что он вот-вот упадет в обморок.

Я выбежал за кулисы и, задыхаясь от волнения, спросил у женщины в форменном костюме с двумя серебряными полосками на рукаве:

- Где тут у вас телефон?

— Во-он там, на столике, где сидит дежурный пожарник!

Не спрашивая разрешения у пожарника, я набрал две двойки.

- «Стол заказов» слушает! — ответила Снегурочка.

— Я хочу, чтобы гири стали тяжелыми! Чтобы никто не смог их поднять!..

- Принимаем заказы только на развлечения.

— Но тогда развлечение превратится в мучение... Сделайте, пожалуйста, в порядке исключения!

От волнения я вдруг, подобно клоуну-богатырю, заговорил стихами. И, может быть, это подействовало на Снегурочку.

— Заказ принят! — сказала она. — Номер заказа: три дробь семь.

Вернувшись на арену, я скомандовал:

— Теперь проверяйте! Бегите, бегите сюда... Попробуйте поднять эти гири!

— А где же обещанный номер? Где номер?..

— Номер отменяется! В следующий раз... — пообещал я. А сам подумал: «Сейчас-то и будет главный номер программы!»

Первыми на арену ворвались ребята с нашего двора. А вслед за ними — незнакомые мне мужчины, женщины, мальчишки и девчонки. Все стали хвататься за гири, но... о чудо, никто не мог их поднять! Я, будто случайно, толкнул ногой одну гирю — и почувствовал, что она налилась неприступной тяжестью и словно бы приросла к полу. Сказка пришла мне на помощь! Но как же теперь поднимет эти гири сам клоун-богатырь?

— Я не могу работать в такой обстановке! — прогремел он на весь цирк. И гордо вскинув свою свирепую голову, ушел за кулисы.

— Никто не может сдвинуть гири с места, а ты смог! Ты смог! — обнимали меня дружки-приятели. Они подняли меня на руки и потащили в тот ряд, где сидели сами.

— Куда же вы его? — закричала моя бывшая строгая соседка с другого конца зала. — Я сберегла его место!..

Ей хотелось сидеть рядом с ребенком-богатырем. Но ребята унесли меня к себе. Мишка и Жора теснились теперь на одном стуле, а я сидел на бывшем Жорином месте, тесно прижавшись плечом к Валерику.

— Вот что значит — курс лечения! — с завистью сказал Мишка. — Мы ходим в школу, зубрим, с утра до вечера расходует свои силы. А он сберегает их! Накапливает!.. Вот бы мне кто-нибудь прописал такой «курс»!

Сзади и спереди ко мне потянулись руки: все хотели пощупать мои мускулы.

— Вы ничего не почувствуете: они в расслабленном состоянии, — сказал я. — Отдыхают!

И только Валерик-гипнотизер молчал. А вечером, во дворе, он подошел ко мне прямо вплотную и вполголоса, но повелительно произнес:

— Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха! Гири были фанерные? Или из какого-нибудь там папье-маше?

Я хотел сказать, что гири были настоящие, что ни один человек в цирке, кроме меня, не смог их поднять. Но язык не слушался меня, голос куда-то пропал. И я не сумел соврать. Первый раз в жизни — хотел и не сумел! Наверно, Валерик меня загипнотизировал...

Только уже дома голос ко мне вернулся. Тогда я набрал две двойки и торопливо, взволнованно заговорил в трубку:

— Я вас очень прошу... Я просто умоляю: заколдуйте, пожалуйста, Валерика! Чтобы он восхищался мною, как все!

— Это невозможно, — ответила Снегурочка.

— Но ведь воля каникуляра должна быть для вас законом!

— Да, это верно, но тут мы бессильны.

— Почему?

— Я не могу объяснить.

— Это тайна?

— Не могу объяснить...

Снегурочка повесила трубку. Почему Валерик не поддавался Деду Морозу? Почему он был неподвластен сказке?

Да, это была тайна. И такая, что даже каникуляру не имели права ее раскрыть...

ПРОКАЗНИЦА-МАРТЫШКА, ОСЕЛ... ДА КОСОЛАПЫЙ МИШКА

Не подумайте только, что я плохо помню те строки из басни Крылова, которые очень похожи на название этой главы. Басню я учил в школе, а то, что я учил там, запомнилось на всю жизнь.

У Крылова написано: «Проканница-Мартышка, Осел, Козел да косолапый Мишка», но я козла пропустил. И не потому, что забыл о нем, а просто потому, что... Впрочем, об этом вы узнаете немного позже.

А сейчас я хочу рассказать о том, что было после моего выступления на цирковой арене.

Все стали просить меня поднять что-нибудь тяжелое. И все теперь обращались ко мне вежливо и уважительно:

— Петя, подними, пожалуйста, скамейку в садике, — просил один.

— Петя, там на улице стоит инвалидная коляска... Подними ее, если не трудно.

— Мне не трудно, — отвечал я. — Но просто не хочется расходовать силы. Вот если будет что-нибудь важное... Какой-нибудь особый случай!..

Ребята рассказывали обо мне легенды. Через несколько дней в соседнем дворе уже знали, что я поднял в воздух самого клоуна-богатыря, у которого было две гири в руках, одна — в зубах, одна — на голове и две — под мышками.

И только Валерик по-прежнему мною не восторгался. А я так хотел этого!

Мне так хотелось, чтобы он забыл о фанерных гирих, чтобы он стал уважать меня, чтобы ему снова, как прежде, хотелось видеть меня чаще, чем всех остальных ребят в нашей школе и в нашем дворе.

И я решил, что надо тайно провести Валерика в Дом культуры медицинских работников. Пусть он увидит, как для меня одного поют певцы, и танцуют танцоры, и показывают фокусы фокусники. Ведь всякое торжество — только наполовину торжество, если его не могут увидеть и оценить другие. Пусть же Валерик увидит, как сам Дед Мороз вручает мне призы! И пусть другие ребята тоже присутствуют в зале в эту минуту моего торжества! Может быть, не все, но хотя бы Жора и Мишка.

«Вот только как же они туда пройдут? — думал я. — У них же нет постоянной прописки на моем елочном празднике. И даже временной тоже нету. А у дверей с вывеской «Ремонт» меня встречает массовик дядя Гоша... Да и Снегурочка-паспортистка поглядывает, чтобы никто не проживал в Стране Вечных Каникул без прописки».

«В конце концов, мое дело — пригласить, — решил я, — а пройти — это уж их дело. Недаром ведь Валерика называют фантазером: что-нибудь он придумает!»

И Валерик придумал...

— Ты говорил, что туда, в Дом культуры, приходят артисты? — начал он.

— Много артистов! Одни поют, другие танцуют, третьи прыгают мартышками и топают медведями...

— Вот это — самое главное!

— Что?

— Мартышки и медведи!

— Почему?

— Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха! Потому что у нас есть три маски: мартышки, медведя и осла. Мы их наденем — и пройдем в Дом культуры!

— Но ведь все артисты — взрослые. Дядя Гоша вас сразу заметит.

— «Жора, достань билетик!» выше любого взрослого. Ты согласен? А мы пройдем как его помощники. Он уж там пробасит что-нибудь такое, абсолютно взрослое. И мы все будем в масках!

— Это — замечательно! — воскликнул я. — Только приходите чуть-чуть пораньше: артисты собираются до начала. И еще учтите, что массовик дядя Гоша всегда прямо на улице, у входа, меня встречает. А вход возле самой троллейбусной остановки. Так что вы из троллейбуса выскакивайте уже в замаскированном виде!

— В каком?

— То есть в масках, — я хотел сказать. А то дядя Гоша сразу заметит, что и Жора тоже никакой не взрослый артист.

— Ладно, — сказал Валерик. — Мы придем. В следующее воскресенье.

Неразгаданная загадка

В тот день я на своем персональном троллейбусе подкатил к Дому культуры медицинских работников немного раньше обычного: мне хотелось посмотреть, как мои приятели в масках будут переходить границу Страны Вечных Каникул.

На охране границы, как всегда, стоял массовик дядя Гоша. Увидев меня, он удивился:

— Так рано? У нас еще артисты не в полном сборе.

— Хочу немного подышать свежим воздухом, — ответил я. — Что-то меня в троллейбусе укачало.

— Растрясло, наверное, — посочувствовал дядя Гоша. — Понятное дело: пустой вагон!

Я стал прогуливаться возле входа, широко раздвывая ноздри, втягивая в них холодный воздух, и время от времени охлаждал лоб комочками снега, — дядя Гоша с сочувствием смотрел, как я прихожу в себя.

Но прогуливался я недолго. Вскоре из переполненного троллейбуса выкатились три моих приятеля в масках. Выходившие вслед за ними пассажиры громко возмущались:

— Без-образие! Ребенка напугали!

В троллейбусе плакала девочка.

— Какого ребенка! Я сама чуть не получила разрыва сердца — повернулась и вижу: медведь!..

Жора в маске медведя выглядел абсолютно взрослым: он был на полголовы выше массовика.

Дядя Гоша стал отмечать что-то в своем блокноте:

— Та-ак, хорошо! Один медведь пришел! Ослов у нас, помнится, вчера не было... И мартышек...

Он пристальным взглядом окинул невысокого Валерика в маске осли и Мишку Парфенова, изображавшего проказницу-мартышку.

— Это — со мной: из детской самодеятельности! — пробасил Жора.

— Не могли, что ли, за кулисами загримироваться?

— Мы с другой Елки: опаздывали и не успели переодеться, — не своим голосом басил Жора.

— Какие еще Елки в феврале?!

Я в этот момент ахнул и схватился за виски.

— Тебе плохо? — всполошился массовик: он берег единственного в мире каникуляра.

Ребята скрылись в подъезде Дома культуры. И мне как-то сразу полегчало.

Когда в вестибюле грянул оркестр, я шепнул своим друзьям:

— Слышите? Для меня одного!

И взглянул на Валерика. Но его ослиная маска ничего не выражала: ни восторга, ни удивления.

Конечно, я давно уже мог попросить Деда Мороза переменить программу елочного представления, показать мне что-нибудь новенькое. Но я боялся: а если в другой программе не будет знаменитых соревнований, которые я так привык выигрывать? И не будет призов, к которым я тоже очень привык!

Когда с белокаменной лестницы ринулись мне навстречу лисы, зайцы и скоморохи, я снова шепнул:

— Видите? Все для меня одного!

К Жоре подбежал дядя Гоша:

— Ты, медведь, из какой концертной организации? Почему стоишь со своим ослом из детской самодеятельности на одном месте? И с мартышкой тоже... Почему не работаете?

— Мне очень приятно, что они стоят рядом, — сказал я. — Это меня очень развлекает!

Дядя Гоша виновато отступил:

— Твое слово для нас — закон!..

— Видишь, как он меня слушается? — шепнул я Валерiku. — Что захочу, то и будет делать!

Но ослиная физиономия даже не дрогнула. «А что там, за масками? — думал я. — Наверно, в себя не могут прийти от восторга и удивления!»

Но, поднявшись в фойе Дома культуры, осел, медведь и мартышка пришли в себя очень быстро. Вместо того чтобы развлекать меня, они сами сразу же взобрались на деревянные карусельные кони и стали кружиться. Потом они скатились вниз с деревянной горки... Но внизу их уже поджидали разные «звери» из концертных организаций:

— Мы работаем, а вы катаетесь! Развлекаться сюда пришли, что ли?

Конечно, мои друзья пришли развлекаться. Но находчивый Жора ответил:

— Это он нас попросил. Мне, говорит, самому надоело кружиться и кататься: хочу посмотреть, как у вас получится!

— Да, — подтвердил я, — это так интересно: смотреть, как другие катаются!

— Ну, если тебе интересно, тогда другое дело: все — для твоего удовольствия!

И я после этого сразу попросил моих друзей пойти пострелять в тире: мне это тоже было очень приятно! А потом они сами стали ко мне обращаться:

— Ты просишь нас посмотреть мультфильмы? Ты просишь нас сбежать в комнату сказок?

И я просил!

«Как это здорово! — думал я. — Все зависит от моего желания: захочу — и будут кататься, захочу — и увидят фильмы!..»

А потом начался концерт. И мне показалось, что я не слышал накануне этих песен и не видел этих танцев... Все было как-то по-новому, потому что со мной в зале сидели мои друзья.

Но друзьям не сиделось. И когда Дед Мороз объявил знаменитые соревнования «Кто всех быстрее? Кто всех ловчее? Кто всех умнее?», все трое подняли руки, словно они были в классе и хотели ответить на вопрос учительницы.

Этого, конечно, я предвидеть не мог.

— Странные какие-то звери, — негромко сказал Дед Мороз своему помощнику дяде Гоше. — В одних ма-сках, без шкур...

— Это — не профессиональные звери, — пояснил массовик. — Они из самодеятельности.

— Ах, так? Тогда объясните им, что в соревнованиях могут участвовать только каникуляры и каникулярки: мы здесь работаем, а не развлекаемся.

— Помогите-и нам, — умоляюще прошептала мне в ухо проказница-мартышка. Казалось, она вот-вот рас-плачется. — Заступи-ись... Ведь ты здесь всесильный!

Я вскочил со своего места:

— Меня бы очень развлекло, если бы они приняли участие в соревнованиях. Я получил бы от этого огромное удовольствие! Просто наслаждение!..

— Просьба каникуляра для нас — закон!

Как жалко, что я в тот момент не мог сдернуть с Валерика его ослиную маску: мое слово было законом для Деда Мороза! Для самого повелителя всех елочных праздников, при одном появлении которого дети начинают прыгать и вопить не своим голосом! Неужели и это не поразило моего лучшего друга?

Дед Мороз застыл с секундомером в руке возле елки, а я, как всегда, оседлал «старого, но боевого коня», прищипорил его и поехал по кругу.

Я именно не помчался, как в тот первый день, а всего-навсего поехал, потому что за полмесяца я привык уже, сидя на кожаном велосипедном седле, еле-еле шевелить ногами. «Быстрее, быстрее!» — подгонял я самого себя: мне вдруг очень захотелось выиграть у своих друзей самому, без помощи волшебной силы! Но «старый конь» не слушался меня и «плелся рысью как-нибудь»...

Велосипед был один, и поэтому соревнующиеся са-дились на него по очереди. Вторым сел Жора. Он был лучшим спортсменом из нас четверых, но велосипед был ему мал: Жорины ноги смешно сгибались в ко-ленях, а колеса крутились не быстрее, чем у меня.

Валерик в маске осла тоже не продемонстрировал рекордной скорости. И первое место, таким образом, заняла проказница-мартышка.

— Тебе доставит удовольствие, если я вручу мар-тышке победный приз? — спросил Дед Мороз.

— Я буду просто счастлив! Это так развлечет меня,

так развлечет!.. — сказал я, хоть на самом деле мне было не до развлечений.

— Но ведь там пастила и шоколадная медаль...

— И пряники! — радостно подхватил я. — Пусть мар-тышка получит все это. Я нарочно проиграл соревно-вание, чтобы она могла полакомиться в свое удоволь-ствие. Или, верней сказать, в мое удовольствие!

— Как это — нарочно проиграл? — запротестовала мартышка голосом Мишки, — тогда давай переиграем!

— Сразу видно, что это — не профессиональная мартышка, — шепотом утешил меня дядя Гоша. — На-стоящие мартышки никогда не спорят со зрителем. Тем более — с каникуляром!

А потом дядя Гоша установил свои металлические обручи и стал по очереди завязывать нам глаза.

«Может, подбежать к Деду Морозу, — подумал я, — и тихонечко шепнуть ему на ухо: «Очень хочу быть всех ловчее и всех умнее!»

Нет, мне почему-то упрямо хотелось испытать свои собственные силы и выиграть без помощи вол-шебства! Я вступил во второе соревнование...

Наш Жора бегал с завязанными глазами лучше, чем с «развязанными». Он сразу проскочил через три кольца, не задев ни одного. Потом он зачем-то с за-вязанными глазами покачался на турнике, пригото-вленном для следующего акробатического номера. И, наконец, все так же, не снимая повязки, прошелся по залу на руках.

— Мне доставит огромное удовольствие... я раз-влекусь сразу на пять дней вперед, если ему будет вручен победный приз! — сказал я чуть не плача, по-тому что сам умудрился свалить три кольца из трех возможных.

С укором поглядывал я на Деда Мороза и его по-мощника дядю Гошу: «Приучили меня соревноваться с самим собой. И побеждать без всякой борьбы... При-учили! Но зато в третьем соревновании я все равно окажусь впереди: загадки и отгадки мне хорошо из-вестны!»

«Кто всех умнее?» — провозгласил Дед Мороз.

Дядя Гоша обвязал свою лысину чалмой, приняв таинственную позу факира и начал:

— Два кольца, два конца, а посередине — гвоздик!..

Мы все трое отгадали три его загадки.

Проказница-мартышка, осел да косопалый мишка не давали мне хоть на секунду опередить себя: они вы-крикивали ответы в один голос со мной. Невесело было мне на этом елочном празднике! «Хороши то-варищи!» Я их пригласил, помог пройти без билета... И вот благодарность!»

Как в ответственном футбольном матче, где в слу-чае ничейного исхода дается дополнительное время, дядя Гоша предложил нам четвертую, дополнитель-ную загадку. Скрестив руки на груди, он продеклами-ровал:

С длинной-длинной бородой,

Бородой почти седой,

С нами в праздник очень дружен,

Всем нам в праздник очень нужен...

Дайте быстро мне ответ:

Как зовется сей предмет?

— Дед Мороз! — дружно выкрикнули мы с Жорой и Мишкой Парфеновым.

— Обычная ошибка! — торжествующе ответил дядя Гоша. — В том-то и тонкость и остроумие этой загад-ки, что не Дед Мороз!..

— Извини... Но разве Дед Мороз — это предмет? — шепнул мне сквозь свою ослиную маску Валерик.

— Одушевленный предмет! — возразил я.

— С каникуляром спорить не полагается, — одернул Валерика дядя Гоша. — Облегчаю загадку: даю наво-дящую рифму... Внимание!

Дайте быстро мне ответ:
Как зовется сей предмет?
Но подумайте сначала!
Сей предмет зовут...

— Мочало, — спокойно сказал Валерик.
— Молодец, осел! — воскликнул дядя Гоша. — Хотя и из самодеятельности, а молодец!

— Но почему же только в праздник сей предмет «нам очень нужен»? — тихо спросил я у Валерика.

— Наверно, дядя Гоша моется только по праздникам, — шепотом ответил он.

Итак, медведь оказался ловчее меня, осел — умнее... а мартышка лучше меня каталась на велосипеде.

Вид у меня был мрачный. По дороге домой Жора с Мишкой стали меня утешать:

— Вот если бы Дед Мороз устроил соревнование «Кто всех сильнее?» — ты бы нас сразу победил. Положил бы на обе лопатки!

— Вот если бы нужно было поднимать гири, а не прыгать сквозь кольца, ты бы сразу занял первое место!

Валерик молчал. Он не возражал ребятам, не спорил с ними, хоть Дед Мороз не мог заставить его поверить в мою силу, как он заставил Жору и Мишку. Я знал об этом, и мне было стыдно перед своим лучшим другом.

Вернувшись домой, я поспешно набрал две двойки и попросил:

— Соедини меня, Снегурочка, с Дедом Морозом.

Услышав в трубке голос своего покровителя, я быстро-быстро заговорил:

— Дедушка, у меня есть одно предложение! Расколдуй всех моих приятелей: пусть они мною не восхищаются. И не хвалят меня... А вместо этого заколдуй одного только Валерика! Чтобы он уважал меня, и хвалил, и хотел со мною дружить, как прежде...

— О, как тяжело мне тебе отказывать! Но ты пропусти о невозможном.

— Ведь ты же волшебник высшей квалификации!

— Да... так считают.

— И ты не можешь этого сделать?

— Нет.

— Почему же?!

— Может, когда-нибудь ты узнаешь об этом.

— Когда?

— Когда придет время.

— А когда придет это время?

— Когда пробьет час!

— А когда пробьет час?

— О, спроси меня о чем-нибудь другом. Задай мне любой вопрос.

— Хорошо. Я задам. Я спрошу!.. К чему готовятся ребята?

— О, не терзай мое сердце! Мне так тяжело тебе отказывать! Ведь я уже объяснял, что сказка имеет свои законы. И все-таки я отвечу тебе... Но без всяких подробностей. В самых общих чертах...

— Конечно! Конечно!.. Без всяких подробностей!

— И только в порядке исключения...

— Конечно! Конечно!..

«И какая же это хорошая фраза: «в порядке исключения» — подумал я. — С ее помощью можно делать все, чего делать не полагается!»

— Они готовятся ко дню открытия...

— Чего? — нетерпеливо перебил я.

— Кружка юнноров!

— Юнноров!..

— Больше я ничего не скажу. Никаких подробностей. Я и так уже нарушил ради тебя законы сказки!

— Но, дедушка, может быть, ты ошибся? Наверно, кружок юнноров? Юных корреспондентов?

— О, ты обижаешь меня: я никогда бы не посмел вводить в заблуждение каникуляра!

Вообще-то Дед Мороз разговаривал как все обычные люди, но только часто употреблял восклицание «о!» Одна эта буква, поставленная вначале, придавала его фразам некоторую торжественность. И я, сам того не замечая, тоже стал иногда восклицать: «О, я пойду во двор! О, дайте мне вилку!..»

— О, дайте мне немного подумать! — сказал я маме и папе после телефонного разговора с Дедом Морозом.

И ушел на улицу... Мне хотелось побыть наедине со своими мыслями, разгадать, кто же такие эти юнноры?

«Юнноры? — размышлял я. — Может быть, это — «юные украшатели»? Но что они украшают? Школьный двор? Или улицу? Ничего интересного! А может быть, «юные укрепители»? Но что они укрепляют? Дисциплину в школе? Тоже нашли занятие! А если ни то ни другое? Кто может ответить мне, объяснить?.. Конечно, только Валерик: ведь он не подчиняется законам сказки. Он может, если захочет!»

Через несколько минут я был у Валерика:

— Дай слово, что ответишь мне на один вопрос!

— Прости, но я должен знать, на какой именно.

— Кто такие юнноры? Объясни!

— А тебе очень интересно узнать?

— О, просто до смерти интересно! — воскликнул я.

— Ну ладно... Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха! Это — юные укротители! Сокращенно получается: юнноры. Понимаешь?

— Понимаю... И чем же вы будете заниматься?

— Дрессировать, укрощать...

— Кого?

— Когда закалим свою волю по-настоящему, может быть, даже и хищников. А пока — собак, кроликов, ежей, белых мышей.... Но, главным образом, кошек!

— Почему? — удивился я.

— Потому что многие хищники принадлежат к семейству кошачьих. Мы будем на кошках привыкать, тренироваться... Ты вообще-то, я надеюсь, знаешь, что отряд хищных делится на разные семейства? И семейство кошачьих как раз в этом отряде. А наша домашняя кошка, между прочим, произошла от дикой нубийской буланой кошки, потомки которой и сейчас живут в Африке.

— Это в учебнике зоологии написано?

— Да.

Валерик в последнее время часто произносил разные цитаты из учебников. Мне хотелось тоже пощеголять такими умными фразами, но я не мог: мама, заколдованная Дедом Морозом, спрятала все мои учебники в шкаф и заперла их на ключ.

— День открытия кружка станет у нас как бы традиционным днем юных укротителей, — продолжал Валерик. — И через год, и через два, и через три мы будем устраивать в этот день представления, сеансы дрессировки и парады юнноров. Каждый юный укротитель будет вести на поводке или нести на руках свое подшефное животное.

— На этих парадах представители семейства кошачьих сожрут всех ваших белых мышей, — сказал я.

— Мы установим мир и дружбу между животными! А ежи, кстати, тоже едят мышей. И поэтому считаются очень полезными, — сообщил Валерик.

— Так в учебнике написано?

— А что?

— Я учебников не читаю.

— Это известно.

— А меня примете? — тихо спросил я.

— Куда? В кружок? Просто не сможем.

- Та-ак...
- Пойми: ты никак не можешь стать юнукром!
- Почему?
- У юнукров должна быть воля! И потом... мы

будем дрессировать на научной основе. А ты учебников не читаешь. Сам ведь сказал!

— Та-ак... Понятно. Значит, я вам открыл вход в Дом культуры, а вы для меня вход закрываете...

Я устал, потому что в Стране Вечных Каникул был очень напряженный график развлечений.

Утром я выходил из дому, за углом садился все в тот же троллейбус, впереди и на боку которого было написано «В ремонт!», и прибывал на нем в свой Док-мераб. Там я пел «хором», ходил «хороводом», соревновался сам с собой, побеждал, забирал все призы, которые были у Деда Мороза, получал жестяную подарочную коробку и уходил домой.

Над столом у меня теперь, вместо «Расписания уроков», висело «Расписание развлечений». Согласно этому расписанию, которое каждый день менялось, я после Елки непременно должен был идти в цирк, или в кино, или на дневной концерт, или на какую-нибудь выставку...

Раньше мама, вернувшись с работы, высовывалась в окно и, если я был во дворе, требовательно звала: «Домой! Пора делать уроки!» А теперь она тем же голосом приказывала:

— Домо-ой! Пора смотреть телевизор!..

А теперь мама сама смело крутила тугую ручку, хотя знала, что эта ручка иногда со стремительной силой раскручивалась в обратную сторону.

— Ты стал недопустимо пренебрегать патефоном! — говорила она мне укоризненно.

Иногда в окно высовывался и папа.

— Домо-ой! Пора смотреть диафильмы! — командовал он.

Да, кроме кинофильмов, я еще должен был дома в обязательном порядке смотреть диафильмы.

Мои приятели теперь поздно возвращались из школы: готовились ко Дню юнукров.

Во дворе и в красном уголке я общался теперь, главным образом, с пенсионерами. Кстати, однажды, когда я заказал в «Столе заказов» в качестве очередного развлечения катание на поезде метро (ничего другого я уже просто не мог придумать!) и когда я спустился на эскалаторе вниз, дежурный по станции усадил меня в первый вагон под табличку: «Для пассажиров с детьми и инвалидов». Я долго упирался, от-

Или, простите, телевизоров тогда еще не было... Я вспомнил, мама кричала так:

— Домо-ой! Пора слушать патефон!

У нас был синий облезлый ящик, который шипел и кряхтел от старости. Я любил по десять раз в день слушать одну и ту же пластинку. Раньше мама возмущалась, что я даром теряю время.

— Перемени пластинку, — заявляла она. — Почитай лучше книгу. Или раскрой учебник.

казывался, но он решительно настаивал: «Нет, нет, сиди, пожалуйста: здесь — твое место! Видишь, написано: «Для инвалидов».

В красном уголке я играл с пенсионерами в их любимые «сидячие игры» — лото и домино.

И еще я привык слушать разговоры о разных болезнях. Я теперь точно знал, отчего бывают спазмы сосудов, каковы признаки грудной жабы, склероза и язвы желудка. Вернувшись домой, я подробно ощупывал

себя — и находил признаки всех болезней, о которых рассказывали пенсионеры. Кажется, я старел... Нет, не взрослел (поскорее вырасти и стать взрослым было в те годы моей самой заветной мечтой!), а именно старел и дряхлел.

* * *

В доме у нас в тот день происходило что-то необычайное. То и дело я слышал за дверью на лестнице топот ног. «Ишь ты, — думал я о Валерике, — сидит себе дома, как командир в штабе, а к нему бегут, топают ногами! Что у них там происходит?»

Время от времени на лестнице раздавалось мяуканье и собачий лай.

Я еле-еле приоткрыл дверь и в щелочку стал наблюдать за ребятами. Что это они так торжествуют? Чему так радуются?

Но когда сверху раздалось пение, я не выдержал — и побежал туда, к Валерику...

На лестнице я на мгновение остановился, прислушался и разобрал припев:

Нас никому не застрашать:
Зверей мы будем укрощать!
И воспитаем многих
Друзей четвероногих!..

Когда в дверях показался Валерик, я сказал:

— Уж очень вы громко орете...

— Прости, мы будем петь тише. У вас кто-нибудь спит?

Он хотел закрыть дверь, но я удержал его:

— Можно я немножко попою вместе с вами? Знаешь, как я умею петь! Каждый день пою «хором»...

— Мы разучиваем «Гимн юных укротителей». Его будут петь завтра только юнукры!

— А я не могу прийти на это ваше открытие?.. Не могу?

Валерик задумался.

— погоди. Кажется, есть выход.

— Какой?

— Мы пригласим тебя экскурсантом.

— Я не хочу экскурсантом! Я хочу воспитывать какую-нибудь собаку... Или пусть даже белую мышь!

Валерик молчал.

— Ага, молчишь! И по телефону звонить перестал. И не заходишь...

Да, давно я уже не слышал торопливых, словно догоняющих друг друга, звонков Валерика в нашу дверь...

— А что же ты сердись? У тебя теперь — свои дела, у меня — свои.

Но я-то хотел, чтоб дела у нас с ним всегда были общие!

Я почему-то вспомнил, как Снегурочка однажды по телефону назвала нашу учительницу моей «бывшей учительницей». Может быть, и Валерик становится моим «бывшим лучшим другом?» — со страхом подумал я.

Я не хотел этого. Я любил Валерика. И решил удрать из Страны Вечных Каникул!

День открытия — день закрытия

Всю ночь я репетировал свой предстоящий разговор со «Столom заказов».

— Позвоню Снегурочке, — шептал я, с головой спрятавшись под одеяло, и скажу ей: «Мне доставит огромное удовольствие, просто самое большое удовольствие в мире, если вы отпустите меня из Страны Вечных Каникул! И пусть никто в школе не требует у меня оправдательных справок... Пусть никто не спрашивает, где я был эти полтора месяца!»

«Интересно, когда начинается рабочий день в «Столе заказов»? — размышлял я. — Наверно, как в продовольственных магазинах, — в восемь утра!»

Ровно в восемь я был у телефона. Набрал две двойки, но, вместо голоса Снегурочки, услышал злые короткие гудки: занято! Я еще минут пять подряд крутил диск, но «Стол заказов» не освобождался. Занят! С кем же это, интересно узнать, Снегурочка разговаривает? Может быть, появился еще какой-нибудь каникуляр? Вот было бы хорошо! Тогда бы моего побега никто и не заметил. «А верней всего, — решил я, — просто угадали волшебным путем, о чем я хочу попросить, и не хотят откликаться. Тогда я буду действовать сам, без помощи волшебной силы. А если она попытается мне мешать, я буду бороться!»

Окрыленный таким смелым замыслом, я побежал собираться в школу. До начала уроков оставалось всего минут двадцать... Но как быть с учебниками и тетрадями? Ведь моя мама заперла их в шкафу!

— Зачем ты берешь портфель? — строго спросила она.

— Так приказал Дед Мороз, — не задумываясь, соврал я. — Он придумал какую-то новую игру: «А что у тебя в портфеле?» Мне нужны учебники и тетради...

— Ну, если это для игры, тогда хорошо, — сказала мама, заколдованная Дедом Морозом.

Она взяла ключ и отперла шкаф. Никогда еще — ни раньше, ни потом — не укладывал я книги и тетради в портфель так бережно и с такой любовью, как в то далекое утро...

— А почему ты так рано поднялся? — спросила мама.

— Сегодня очень уплотненный день, — ответил я словами, которые часто слышал от папы. — Я хочу успеть и в музей, и в планетарий, и в цирк, и даже, может быть, на выставку мод.

— Молодец! — похвалила она. — Ты добросовестно выполняешь свои обязанности.

Портфель распух, но он не казался мне в то утро тяжелым: я нес его так же легко и радостно, как носил раньше подарки с елочных праздников.

Идти в школу обычной дорогой я не решил: меня на перекрестке мог вновь остановить свисток милиционер, тоже заколдованный Дедом Морозом, и направить в сторону от школы — к троллейбусной остановке.

Но я знал, как добраться до школы проходными дворами. И смело отправился в путь!

И вот я дошел до ворот, сквозь которые уже была видна наша школа... И на которых было написано: «Проход запрещен». Неужели специально для меня закрыли ворота?!

Где-то в углу двора одиноко приткнулась к стене автоматная будка, стекла которой заросли густым снежным мохом. «А не набрать ли мне сейчас две двойки? — подумал я. — И потребовать, чтобы распахнулись ворота! Нет, пожалуй, не стоит. Лучше сам перелезу!» Я чувствовал, что в это утро «Стол заказов» работает против меня.

Лезть через ворота было очень трудно, потому что в руках у меня был портфель, туго набитый тетрадами и книжками. С одного валенка слетела галоша, и я понял, что это шутки Деда Мороза. Вслед за галошей упал и валенок.

«Если даже вниз полетит и второй, — со злостью думал я, — прибегу в школу в одних носках. И просижу так в классе все пять уроков. До самого открытия кружка юнцов!»

Но тут сзади раздался грубый голос.

— Русскому языку тебя, что ли, не учили? Читать не умеешь!

Русскому языку меня учили, хотя по этому предмету я никогда не имел больше тройки.

Обернувшись, я увидел усатого дворника в белом переднике.

— Я опаздываю в школу... Пустите! — умоляюще проговорил я, сидя на металлической перекладине ворот.

Но дворник, конечно, стал отвечать мне по шпалгалке Деда Мороза. А может быть, это был сам Дед Мороз, который оставил дома бороду и нацепил белый фартук.

— Если свалишься, кто отвечать будет?

— Если я свалюсь, так не к вам во двор... а на ту сторону. И ребята меня подберут.

— Брось валять дурака!

Отчаяние и решимость овладели мною. Я перебрал портфель через ворота, чтобы он не мешал мне. И полез дальше вверх, цепко хватаясь за металлические прутья, которые примерзали к моим пальцам, вылезавшим наружу из дырявых перчаток.

Дворник хотел схватить меня, но руки у него были коротки или, верней сказать, просто я залез уже слишком высоко. Добравшись до вершины, я приветственно помахал дворнику озябшей ногой, с которой слетел валенок, и стал спускаться вниз по другую сторону ворот. Я уже был совсем близок к цели, но дворник протянул свои ручищи в брезентовых рукавицах сквозь металлические прутья: он все еще надеялся помешать мне. Тогда я зажмурился и спрыгнул на землю. Прыгал я с небольшой высоты — и все же упал. Хотел вскочить, отряхнуться. Но кто-то склонился надо мной. «Неужели дворник одним прыжком перемахнул через ворота?» — подумал я. И в ту же минуту увидел над собой милиционера.

— Ушиблись, гражданин? — спросил он, почему-то обращаясь ко мне на вы.

— Нет! Я побегу в школу...

— Ни в коем случае. Вы — пострадавший.

Наверно, Дед Мороз заколдовал все наше отделение милиции!

— Вот нарушили порядок, полезли через ворота — и пострадали.

— Мне совсем не больно.

— Не пререкайтесь! Сейчас приедет машина. И я вас отправлю.

— Куда? В отделение?

— Нет, на лечение, — не то в шутку, не то всерьез ответил он.

И тут же раздалась пронзительная, всегда сжимающая сердце сирена «Скорой помощи». К нам подкатила машина с красными крестами на боках. Из кабины выскочила санитарка. Поверх шапки у нее был белый платок тоже с красным крестом. Она склонилась над моей озябшей ногой:

— Бедный! Никак обморозился?.. И ушибся?

Она осторожно натянула мне на ногу валенок, который подал ей дворник сквозь металлические прутья с той стороны ворот.

— Доставьте его в свое медицинское учреждение. Срочно! — сказал милиционер.

Они с санитаркой положили меня на носилки с колесиками и вкатили эти носилки внутрь машины. Санитарка уже не села к шоферу в кабину, а устроилась подле меня.

Вообще мне нравилось, что меня несли на носилках, как пострадавшего. Но ехать в настоящей карете «Скорой помощи» в настоящее медицинское учреждение я не хотел.

— Портфельчик ваш? — спросил на прощание милиционер.

— Мой, — ответил я. Схватил портфель и прижал его к сердцу.

Машина дала пронзительный сигнал — и мы помчались.

— Тебе удобно? — спросила санитарка. Голос ее оказался мне очень знакомым. Я поднял глаза — и увидел... кондукторшу из моего персонального троллейбуса. Да, да, это была она! Только без сумки с билетами, а с белой косынкой и красным крестом на голове.

— Вы-ы?... — изумленно произнес я.
— Узнал, родимый?
— И кондукторша, и санитарка?..
— Что поделаешь: у нас в Стране Вечных Каникул было большое сокращение штатов. За неимением каникуляров... теперь совмещаем профессии.

Сквозь маленькое окошко над головой я узнал затылок того самого водителя, который всегда крутил огромную баранку в кабине моего персонального троллейбуса. И он, значит, тоже обслуживал «Скорую помощь» по совместительству.

Тем же самым ласковым голосом, каким она предлагала мне прогуливаться по троллейбусу с места на место, санитарка сказала:

— Может быть, неудобно лежать на спине? Можешь перевернуться на бок. Чувствуй себя как дома.

— А куда вы меня... сейчас? — спросил я тихо.

— В медицинское учреждение. Тебя там подлечат немного... Да вот и приехали!

Дверь распахнулась, и я увидел, что мы прибыли в... Докмераб.

— Но ведь это... — проговорил я.

— Дом культуры медицинских работников, — перебила санитарка. — Медицинское учреждение! Здесь тебе окажут необходимую помощь.

Подбежал дядя Гоша. Они с санитаркой схватились за ручки носилок. И внесли меня в столицу Страны Вечных Каникул, словно какого-нибудь восточного владыку или повелителя.

Как только мы миновали входную дверь, дядя Гоша спросил:

— Ты хочешь, чтобы тебя теперь все время носили на руках... или, прости, на носилках? Если хочешь, пожалуйста!

— Нет! Не хочу. Ни в коем случае!..

Я спрыгнул на пол.

— Желание каникуляра для нас — закон, — провозгласил дядя Гоша. И санитарка с носилками тут же исчезла.

— Наконец-то ты прибыл, — сказал дядя Гоша, хотя час был очень ранний. — Дед Мороз уже здесь и с нетерпением ждет тебя.

Все ясно: узнал о моем неудавшемся побеге. И пусть знает. Я этого скрывать не буду! С такими мыслями я переступил порог вестибюля.

Дед Мороз курил возле гардероба.

— Видишь, нервничает! — шепотом объяснил дядя Гоша. — А ведь ему курить пожарная охрана запрещает: он весь огнеопасный — усы, борода!

Я еще никогда до той поры не видел курящих и нервничающих Дедов Морозов. И поэтому изумленно остановился возле дверей.

А волшебник выбросил папиросу в урну и, забыв о своей обычной степенной неторопливости, прямо-таки бегом направился ко мне, подхватив полы роскошной красной шубы, расшитой золотом и серебром.

— Ты здесь? Вот и прекрасно. Значит, можно начинать? «Идет к нам, дети, Новый год!»

Этими словами он каждый день начинал представление, хоть на дворе уже была середина февраля.

Я остановил Деда Мороза:

— Не хочу больше встречать Новый год в феврале!

— Что? Что?! — изумился он. — А зачем этот портфель? Ты решил теперь носить призы и подарки в портфеле? Боюсь, они там помнутся. Принеси лучше завтра авоську.

— Завтра я сюда не приду...

— Не придешь?

— Выпишите меня, пожалуйста, из Страны Вечных Каникул!

Я протянул Деду Морозу пригласительный билет с постоянной пропиской.

— Везде трудней прописаться, чем выписаться, — сказал Дед Мороз. — А у нас, в Стране Вечных Каникул, наоборот: выписаться гораздо трудней.

— Почему? — испугался я. — Почему трудно меня выписать?

— А ты о нас подумал? Мы же все останемся без работы до следующих зимних каникул!

— Почему?

— Потому что придется закрыть Страну Вечных Каникул. Ты же у нас единственный каникуляр! Мы должны тебя беречь и лелеять!

И правда, в каждой стране ведь должно же быть хоть какое-нибудь население. Ну, хотя бы состоящее из одного человека! Я понимал это. И все же решительно произнес:

— И закрывайте ее! Кому она нужна! А ты, дедушка, вполне можешь уйти на пенсию. И в дни зимних каникул работать... на общественных началах. Так многие пенсионеры делают. Я их теперь хорошо знаю. Подружился!

— Понимаю...

— Так вы меня отпускаете?

— Что ж поделаешь... Напиши заявление: «Прошу выписать...» и так далее, — деловито сказал Дед Мороз. — Я сбоку поставлю резолюцию. И пойдешь к Снегурочке: она у нас ведает вопросами прописки и выписки.

Я достал из портфеля новенькую тетрадку. Но мне жаль было вырывать из нее чистый лист. Тогда я вынул из середины розовую промокашку, написал на ней заявление чернильным карандашом и протянул Деду Морозу. Он послушав, немного кончик моего карандаша и вывел в левом углу лиловую резолюцию: «Из каникуляров отчислить. Страну Вечных Каникул закрыть! Дед Мороз».

— Отдай Снегурочке: она все оформит.

Он уже готов был уйти, но тут я вспомнил:

— А оправдательная справка? Меня же не пустят в школу. Раньше, если я пропускал занятия, мне давала справку мама. Или выписывал доктор.

— Снегурочка все оформит, — сказал Дед Мороз.

Я пошел к Снегурочке. Верней, она сама катила мне навстречу на серебристых роликах. Я протянул ей промокашку с резолюцией Деда Мороза.

— А пригласительный билет? — спросила Снегурочка.

Я протянул ей билет. Снегурочка положила его на одну ладошку, накрыла другой, потом потеряла ладошку о ладошку — и отдала мне. Но это уже был не билет, а справка о том, что я «в течение полутора месяцев проходил курс лечения в медицинском учреждении». Внизу стояла подпись: «Врач Елкина-Палкина».

— Сегодня у нас день закрытия! — громко в рупор объявила Снегурочка. — Закрывается Страна Вечных Каникул, закрывается ее столица Докмераб, закрывается «Стоп заказов»!

Когда я вышел на улицу, дощечки со словом «Ремонт» над входом не было...

«На дне закрытия я уже сегодня побывал. Может быть, успею еще и на день открытия!» С этой мыслью я помчался по тротуару, размахивая портфелем.

* * *

Немало прошло времени с тех пор. И вот вчера в нашей квартире раздался три торопливых, словно догоняющих друг друга, звонка. Я побежал открывать дверь так стремительно, как бегал, услышав эти звонки,

раньше, много-много лет назад. Соседка изумленно протерла глаза: ей показалось на миг, что она, вместе со мной, вернулась в ту далекую пору.

К нам в гости пришел Валерик... Он приехал в наш город на несколько дней.

Мама почему-то очень смущалась: то называла Валерика на вы, то на ты. А один раз даже назвала по имени-отчеству. А когда он закурил, вскрикнула: «Ты куришь!», как могла бы вскрикнуть много лет назад, когда мы были мальчишками...

Мы с Валериком подошли к окну и выглянули во двор, где было все то же футбольное поле и та же крокетная площадка...

Валерик неожиданно повернулся ко мне и голосом заклинателя произнес:

— Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха!

И я вдруг вспомнил, как однажды, в последний день зимних каникул, сказал Валерику-гипнотизеру: «Ах, если бы эти каникулы никогда не кончались!»

Валерик тогда вот так же, как вчера, пристально посмотрел на меня и голосом заклинателя произнес: «Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха! Вообразим, что твое желание сбылось! Что тогда будет? Все начнется с Дома культуры медицинских работников, куда ты сегодня идешь на Елку!..» И я провалился в Страну Вечных Каникул... Как проваливаются в сон. Как иногда погружаются в мечту, может быть, вздорную, но неотвратимую...

Так вот почему Валерик был неподвластен сказке! Потому, что она сама была подвластна ему! Его выдумке и фантазии!

Но, впрочем, не все здесь — фантазия... Кружок юных укротителей у нас был. И Дом культуры медицинских работников тоже был. И Елка там была. Это я точно помню...

Девочка Л. Б. из города Куйбышева (что это девочка — я по почерку узнал) прислала мне такое письмо:

«Дорогой КОСТЯ ТЕРКИН! Правильно ли делают те ребята, которые говорят про плохие поступки товарищей учителям? Если расскажешь учительнице про чей-то плохой поступок, то учительница хвалит, а ребята дразнят ябедой. Надо ли говорить или не надо?»

Я решил спросить ленинградских ребят — пусть скажут, что думают. И вместе с журналистами Тамарой Дмитриевой, Николой Скобликовой и Львом Евгеньевичем Поляковым вышел из редакции...

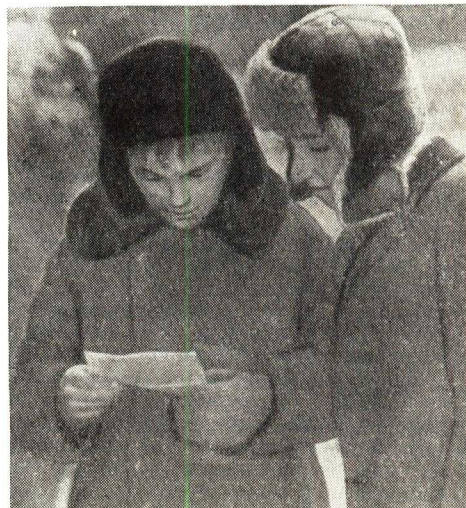
ЯБЕДА—НЕ ЯБЕДА

Стасик Донской, ученик 4 «в» класса 193 школы, пришел в Таврический сад покататься на коньках, и, конечно, не был настроен решать серьезные вопросы: «Нет, я бы не стал говорить учителю. Я бы сказал ребятам, если бы узнал о чем-нибудь плохом поступке. Всем вместе легче разобраться. А учитель не всегда поймет».

Заглянули мы в хореографическое училище. Вот что сказала будущая балерина Людмила Семеняка: «Ребята обязаны сами разбираться в своих поступках. Ну зачем же вмешивать учителя?»

С Сережей Власовым и Геной Мацулевичем мы встретились на Невском проспекте.

Ученик 5 «а» класса 343 школы Сережа Власов: «Смешно. Конечно, тот, кто докладывает учителю, ябеда. У нас почти все девочки — ябеды. Чуть что — сразу бегут к учителю».

Одноклассник Сережи — Гена Мацулевич: «А по-моему, учителю говорить надо. Даже обязательно. На некоторых никакой управы нет. Ребята им говорят-говорят — хоть бы что. А если учитель вмешается, тогда еще, может быть, и поможет. Конечно, тоже не всегда».

В вестибюле Дворца пионеров мы встретились с группой ребят из 4 «а» класса 194 школы. Они спешили на экскурсию.

Наташа Демкина: «Пусть обзывают ябедой, но лучше сказать».

Коля Тимофеев: «Все зависит от величины проступка. Если крупный — то учителю надо знать. Но и ребята тоже должны знать. По-моему, ябеда это тот, кто говорит учителю, а ребятам не говорит. Хочет подлизаться».

Надя Трошина: «Ну почему же ябеда, если сказал правду? Вот у нас, например, есть Слава Сайковский. Так он все время хулиганит. Что же, молчать?»

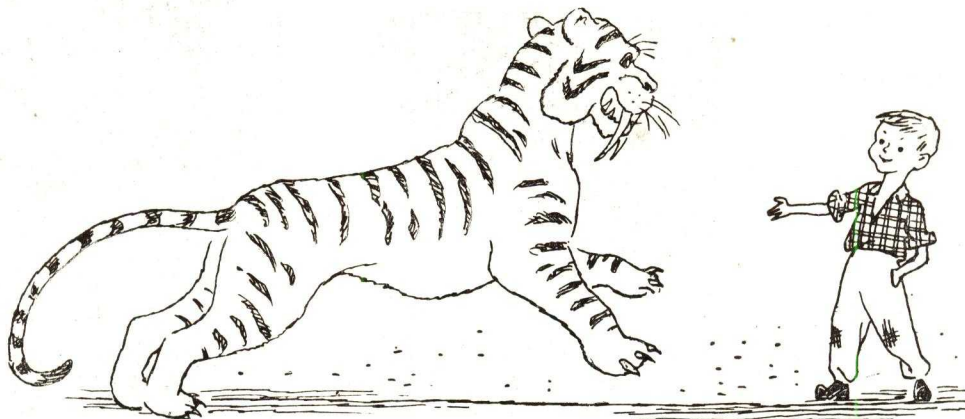
Ученица 8 «г» класса 145 школы Люда Пигарева: «Смотря как сказать. Если за глаза, то это, конечно, подлость. А если при всех, то это честно».

А Миша Томцев, ученик 4-го класса 195 школы, прочитав письмо, сказал: «Ябеда тот, кто доносит исподтишка. Таких надо бить. Я бы сам надавал такому».

Самый младший из наших собеседников, ученик 2 «б» класса 210 школы Гриша Борщаговский: «Зачем говорить учителю? Я бы ему сказал, ну, тому, кто сделал плохой поступок. Может, он это нечаянно...»

ТИГР ЛЬВОВИЧ

Б. Тарбаев

РАССКАЗ

Рисунки Б. Семенова

Маленький Андрюша — мой сосед. Он много бегаёт по улицам, и особенно по пустырю, который за нашим двором. Там он плавит свинец и отливают из него пистолеты — они совсем как настоящие, только не стреляют. Вчера Андрюша отлил самый большой из всех своих пистолетов, и при этом прожег брюки — две дыры, одна чуть повыше колена, а вторая там, где карман. Мать наказала его: ему на весь день было запрещено выходить за порог дома. К счастью, наш дом большой, в одном только нашем подъезде шестнадцать квартир — Андрюша, не переступая порога, хорошо провёл время. Он поочередно посетил все квартиры на верхнем этаже, потом спустился этажом ниже и наконец забрёл ко мне.

— Я у вас посижу, — сообщил он, — мне нельзя на улицу: меня наказали.

Я ничего не имел против — времени свободного у меня много, пусть сидит. Он прошёлся по комнате, потрогал пальцем корешки книг, стоявших на полке, и долго рассматривал висевшее на стене охотничье ружье. Ему, видно, очень хотелось, чтобы я снял его со стены, он даже несколько раз переступил с ноги на ногу, но я ни о чём не догадался и ружье осталось висеть.

— Вы мне что-нибудь расскажите, — грустно сказал Андрюша.

Я не большой мастер разговаривать с детьми. С каким бы мальчишкой у меня ни завязывалась беседа, ну хоть с самым маленьким, я непременно начинаю её с тигров.

Тигры и все тут, как будто на свете нет ни пароходов, ни самолетов, ни других не менее интересных для мальчишек вещей. И на этот раз я начал разговор с тигров.

— Был такой тигр в древние времена — махародус, с зубами длиннее, чем кортик у моряков. Ты не слышал про такого?

Андрюша часто-часто заморгал глазами.

— Не-е-е-т, не слышал.

— То-то не слышал. А этот зверь, между прочим, назывался ещё саблезубым тигром — ужасный был зверь.

Андрюша подошёл ко мне вплотную и, закинув голову, посмотрел в лицо.

— Злой?

— Невероятно!

Иначе зачем же ему было иметь такие клыки?

— Ар-р-р! Я тоже саблезубый тигр, — зарычал Андрюша.

И тут пришла мне в голову мысль пофантазировать.

— Ну какой же ты саблезубый тигр? — сказал я. — У тебя ведь нет длинных зубов. Вот если бы нам с тобой по паре таких клыков, мы сегодня же ночью побежали бы в лес и стали охотиться.

Мне показалось, что Андрюша перестал дышать.

— На кого?

— На медведей или, по крайней мере, на лосей.

Мой гость возбужденно забегал по комнате — подумать только, из-за такой мало-

с собой все свои свинцовые запасы. Чего среди них только не было: свинцовые слитки, самый большой свинцовый пистолет, собственноручно отлитый им, разный свинцовый лом: обрывки кабеля, решетки от аккумуля-

сти, как отсутствие длинных зубов, не может состояться охота на лосей и медведей. Он был готов заплакать от отчаяния.

— А если мы сами сделаем длинные зубы?

— Гм, — промычал я, — это ты неплохо придумал. Только из чего мы их будем делать? Из дерева — нехорошо: занозы будут оставлять.

— Из свинца! — воскликнул осененный счастливой идеей Андрюша и тотчас исчез за дверью. Через секунду он уже вернулся, неся

торов, ружейная дробь и даже безголовая свинцовая статуэтка.

— Вот, — сказал Андрюша, любовно рассматривая свое богатство.

— Хватит?

Я критически взглянул на свинцовую кучу.

— Мало!

— Как мало?

— Да вот так и мало. Мы вот какие зубы будем делать, — я отмерил руками сантиметров двадцать.

Андрюша повесил голову.

— У меня больше ни капельки нет, я все принес.

Я потер подбородок, придумывая выход из положения.

— Вот что, если мне не хватит свинца на один зуб, мы сделаем его из дерева — пусть уж мой зуб занозы оставляет.

Андрюша просиял.

— Тынь-тринь! — забренькал он себе под нос и стал приплясывать на месте.

— Погоди, — остановил я его, — нам ведь еще нужно договориться, где и когда мы с тобой отольем эти клыки.

— А сейчас и отольем, вон в той кастрюле, — с готовностью подсказал Андрюша, показывая на посудину, в которой я обычно варил картофель, — поставим на плитку и готово.

Но мне вовсе не хотелось плавить свинец и портить кастрюлю, мне хотелось фантазировать. Я поманил Андрюшу пальцем — он подошел, и мы, упершись лоб в лоб, зашептались как два заговорщика.

— Ты знаешь гору, которая за городом в лесу? — шепнул я.

— Ага!

— А большую сосну на самой ее вершине помнишь?

— Ага!

— Так вот, сегодня ночью у этой сосны мы разожжем костер, расплавим свинец и отольем зубы. Ты придешь ко мне в час ночи и позвонишь. Понял?

— Понял!

Мне показалось, что в нашем разговоре мало таинственности.

— Да, вот еще что, — добавил я, — ты один звонок не давай — дай сначала два длинных, а потом один короткий.

Андрюша посмотрел на меня с недоумением.

— А зачем два длинных и один короткий?

Я прижал к губам палец.

— Это наш условный знак, об этом никто не должен знать. Когда ты позвонишь, я тихонечко спрошу: «Кто?» Ты не говори, что это я, Андрюша, а отвечай: «Аф»! И еще запомни: с этой минуты ты не Андрюша, а Тигр Львович, а я — Лев Тигрович. Так никто не догадается, кто мы на самом деле.

Андрюша сощурил глаза и с подозрением осмотрел углы комнаты.

— Мы тут одни? — шепотом спросил он меня.

— Совершенно. Разве только мыши под полом могут нас услышать, но они не разболтают.

— Тигр Львович, Лев Тигрович, два длинных, один короткий, — повторил с восхищением Андрюша. Глаза у него блеснули.

— Я, пожалуй, пойду и буду готовиться, — сказал он, притворно зевнув, и пошел к двери.

— Тигр Львович, Лев Тигрович, два длинных, один короткий, — услышал я из коридора.

Утром меня разбудил звонок. Я открыл дверь — передо мной стояла Андрюшина мама. Лицо у нее было разгневанное.

— Из-за ваших сказок, — сердито заговорила она, — ребенок не спал ночь. Выдумываете разную ерунду, какие-то зубы. Взрослый вы человек, а с детьми обращаться до сих пор не научились. Четыре раза по вашей милости мальчишка ночью просыпался, собирался идти на какую-то дурацкую гору, плакал.

Она захлопнула дверь, оставив меня смущенным и озадаченным.

Вечером, когда я возвращался с работы, пошел дождик. Возле подъезда я заметил маленькую фигуру — мальчишка стоял не под козырьком у входа, а в стороне, и дождь мочил его всюю. Я замедлил шаг и едва не поддался трусливому желанию завернуть за угол.

— Вы, наверное, всю ночь не спали, а я не мог прийти: меня мама не пустила, — сказал Андрюша, глядя на кончики моих ботинок, — она сказала, что вы меня обманываете. Я вот ушел... Она теперь сильно будет ругаться.

Он поднял на меня глаза, они были у него зеленоватые и круглые, как у котенка — и шмыгнул носом.

— Я свинец достал, чтобы вам на два зуба хватило. Деревянный — какой же это зуб.

В этот момент я почувствовал себя немного подлецом.

— Ладно, — сказал я, обняв его за мокрые плечи, — пойдем ко мне в гости.

Мы перешагнули порог и стали молча подниматься по лестнице. Я шел и думал, как сейчас, открыв комнату, сниму со стены ружье и отдам его в полное пользование Андрюши. Я представлял себе, как он станет целиться из этого старого ружья в воображаемого медведя, и радовался, что все-таки могу искупить свою вину.

Перевожу Джалиля ранний стих...

*А случится — повесят враги нас,
 умрем,
да, умрем, но не будем рабами!*
Муса Джалиль, «Заветное»

Перевожу
Джалиля ранний стих
про то,
что он считает в жизни важным,
про то,
что, если цели не достиг,
ты — не товарищ
сильным и отважным.
Про трудный путь
сквозь снежные поля
и сквозь пески
под солнцем раскаленным.
Про то,
что лучше пуля и петля,
чем жить
врагами в битве полонным.
Так пишет он...
Ему пятнадцать лет.
Еще не все учебники
раскрыты.
Еще он не замешен,
тот цемент,
что станет
казематом Моабита.
Еще
пора трагедий далека,
и ветер пахнет
не тротилом — стружкой!

И тот,
кто станет Гитлером,
пока
лакает пиво
в мюнхенских пивнушках.
И все-таки
сквозь снежные поля
и сквозь пески
под солнцем раскаленным
готовь поход!
И лучше уж петля,
чем жить
врагами в битве полонным!
Так пишет он...
Ему пятнадцать лет...
И вижу я
за строчкою крылатой,
как в мальчике
рождается поэт,
и как поэт
становится солдатом.

В. Тороньгин

Исполнилось 60 лет со дня рождения выдающегося татарского поэта и народного героя Мусы Джалиля.

В 1942 году в ожесточенных боях на Волховском фронте он был тяжело ранен, взят в плен и стал одним из организаторов подпольной работы в гитлеровских концентрационных лагерях.

В 1944 году палачи гестапо казнили Мусу Джалиля в берлинской тюрьме Моабит.

НОВОЕ В КОСМИЧЕСКИХ ДАЛЯХ

— Не расскажете ли вы, чем интересна комета Икейа-Сэки, о которой так много писали газеты в последнее время? — попросил наш корреспондент К. Ф. Огородникова, астронома, профессора Ленинградского университета.

В сущности, комета, открытая двумя японскими наблюдателями — Икейа и Сэки, — сама по себе ничем не примечательна: как и все другие «хвостатые звезды»: ее ядро состоит из ряда маленьких твердых обледенелых частиц. По мере приближения к Солнцу из этого ядра начинают бурно испаряться газы. Они и образуют голову кометы и ее длинный хвост. Но комете Икейа-Сэки случилось оказаться гораздо ближе к Солнцу, чем другим кометам до нее. И это было событием. Ученые всего мира с огромным интересом ждали: как поведут себя обледенелые частички под жаркими солнечными лучами? Не испарится ли эта смелая комета? Оказалось — нет. Не исчезла. Пролетела мимо Солнца, и еще некоторое время ученые могли видеть ее, улетающую в глубь космоса.

Интересный случай? Да. Но принципиально нового по сравнению с тем, что ученые знали до этого, не произошло.

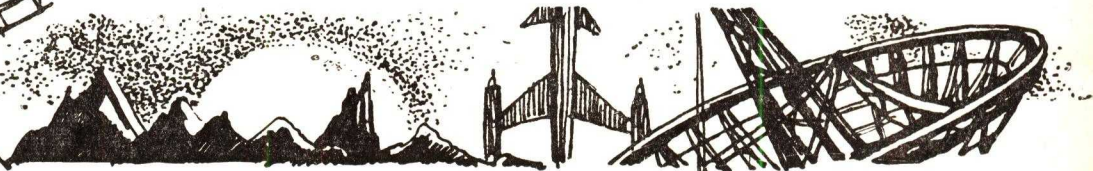
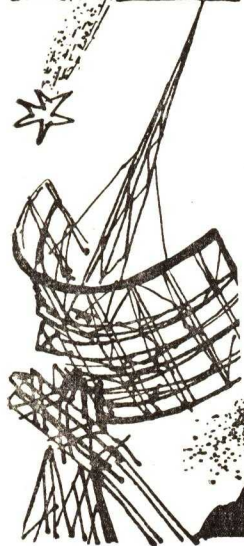
Какие же события последнего времени вы считаете принципиально важными для науки?

За последний год получены интереснейшие сведения о наших соседях в космосе: спутнике Земли — Луне и ближайших к

нам планетах Марсе и Венере. Вы знаете, что в 1959 году впервые была сфотографирована обратная сторона Луны, которую она всегда прячет от Земли. Это было замечательное достижение. Но, к сожалению, фотографии были недостаточно четкими и уверенно судить о том, что делается на Луне, довольно трудно. К тому же удалось сфотографировать не всю поверхность «темной» половины Луны, а только часть.

После этого американский космический корабль «Рейнджер-7» сфотографировал Луну — видимую с Земли — с очень близкого расстояния. Мы уже давно знали, что Луна покрыта круглыми воронками — кратерами и лавовыми морями. Но теперь мы знаем, что кратеры не только большие, диаметром в десятки и сотни километров, но и мелкие, и даже мельчайшие, размерами в 20-30 сантиметров. А совсем недавно советский Лунник-3 переслал на Землю подробнейшие снимки всей поверхности обратной стороны Луны. Теперь мы точно знаем, что и там Луну покрывают такие же кратеры и такие же мертвые моря из застывшей лавы. Но только морей там меньше. Почему? — Об этом ученым предстоит думать. Им помогут в раскрытии этой загадки снимки с других планет: если есть с чем сравнивать, легче делать вывод.

Почему сейчас посылают ракеты главным образом к Марсу и Венере?

Планеты Марс и Венера во многом похожи на Землю: и по размерам, и по расстоянию от Солнца, и тем, что там тоже есть атмосфера. Поэтому ученые надеются, что мы найдем там какие-то формы жизни.

До сих пор от телескопов и радиотелескопов мы получали самые противоречивые сведения об этих планетах. Поэтому с таким нетерпением ожидают фотографии.

Но послать ракеты к этим планетам значительно труднее, чем до Луны: ведь мы не знаем точного расстояния до них, а рассчитывать путь ракеты надо с необычайной точностью.

Недавно в Пуэрто-рико, в Аре-сибо, был создан грандиозный радиотелескоп. Попробуйте себе представить чашу с диаметром 305 метров. Эту чашу, которую вода «выела» в известняке, изнутри покрыли стальной поверхностью и превратили в радиотелескоп. Он определил расстояние до Марса и Венеры в тысячу раз точнее, чем другие приборы.

А в июле прошлого года американский корабль «Маринер-4» с близкого расстояния сфотографировал поверхность Марса.

В свое время, наблюдая Марс в телескоп, ученые обнаруживали на нем темные полосы, напоминающие каналы. Сопоставив это со всем, что мы знаем о планете, многие астрономы поверили в то, что там живут разумные существа.

На фотографиях «Маринера-4» ясно видны кратеры и темные пятна, очень напоминающие лунные лавовые моря. Атмосфера на Марсе слабая, разреженная,

температура низкая. А каналов никаких не видно.

Окончательно еще говорить, конечно, рано, но навряд ли мы там встретим мыслящих существ, похожих на нас. Если мы там и найдем жизнь, то лишь на уровне растений или даже микроорганизмов.

Но о Марсе мы все-таки что-то уже знали: телескопы нам рассказали о нем довольно подробно.

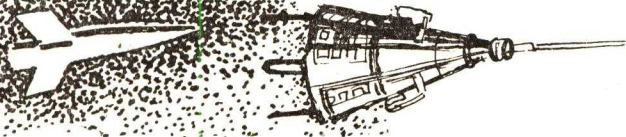
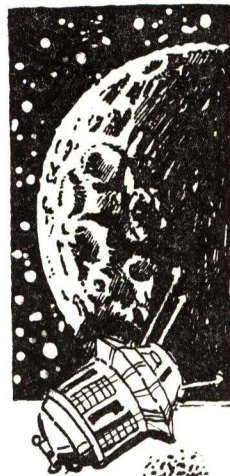
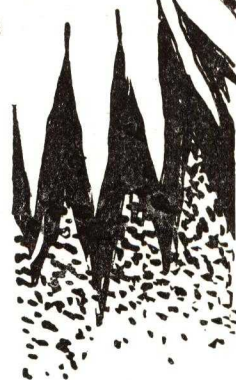
Вторая же соседка — Венера — плотно закуталась в свою атмосферу и тщательно от нас прячется за покровом облаков. Поэтому до сих пор она представляет для ученых совершенную загадку. До последнего времени мы даже не знали, как она вращается и, следовательно, как долго тянутся там сутки (данные ученых колебались от 24 часов до 225 земных суток). Только недавно с помощью радиотелескопов, которые пробивались сквозь ее оболочку, удалось узнать, что сутки там равны 120 земным, а вращается она — в обратную сторону. Но что делается на поверхности Венеры, так до сих пор и неизвестно.

Радиоволны сообщают, что Венера, вероятно, покрыта сухими рыхлыми породами. Не исключена возможность, что и там ждут нас кратеры и лавовые моря.

Подробно об этом нам должны рассказать фотографии, которые перешлет на Землю космический корабль. В связи с этим огромное значение имеет полет Венеры-2, запущенной советскими учеными.

Ждем от нее вестей.

Записала ответы
Н. Неймина

Петя Гурко

Ваня Михаленко (справа)

ДЕТИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В партизанских отрядах, которые действовали во время Великой Отечественной войны на территории оккупированной фашистами Новгородской области, было много мальчиков и девочек. Как они боролись с фашистами, какие подвиги совершили — об этом вы узнаете из книги, над которой сейчас работает новгородский журналист Константин Иванович Акимов. На этих страницах он показывает несколько фотографий из будущей книги...

Перед выходом на боевое задание строй партизанского отряда обходят командир второй партизанской бригады Н. Васильев и представитель войск Северо-Западного фронта А. Тужиков. Остановились против мальчишки с карабином.

— Это наш разведчик и мой адъютант Петя Гурко. Помнишь, на Псковщине вручал ему медаль «За отвагу»?

Тужиков улыбнулся.

— Как же, помню...

Петя вышел из строя. Тужиков обнял его и расцеловал.

— Спасибо за службу, солдат!

— Служу Советскому Союзу!

...Я много слышал о Пете Гурко от старых партизан. Но жив ли он, никто не знал. И вот недавно мне удалось его разыскать. Петр Гурко приехал в Новгород на встречу с боевыми друзьями. Много интересного рассказывал он о своих товарищах, об отряде. А о себе почти ничего. Не рассказал, как пришел в отряд после трагической гибели матери — замучили ее фашисты. Как стал адъютантом командира и специально для него партизаны отбили у врагов коня. Как гарцевал он на этом коне с пистолетом на боку. Как стал разведчиком и подрывал военные склады. Как ходил на разведку в глубокий тыл — в самое логово фашистов, маленький, одетый в тряпье, красный разведчик...

Архивные документы военных лет. Фотография с лаконичной подписью: «Разведчики партизанской бригады И. В. Гришин и Леня Федоров».

Я долго пытался найти следы Лени Федорова, писал во все концы страны — безуспешно. И вот весной 1965 г. пионеры 301 школы Ленинграда пригласили меня на встречу с партизанами Великой Отечественной войны. Я показал ветеранам несколько фотографий, в том числе и эту.

Вдруг к столу подошла женщина, взяла в руки снимок, радостно воскликнула «ой, Ленюшка!» и со слезами на глазах прижала к груди пожелтевшую карточку. Женщина оказалась боевой разведчицей третьей партизанской бригады. С Леней Федоровым она не раз ходила в разведку, участвовала в боях. Вот один маленький эпизод.

В 1943 году бригада выходила из окружения. Невдалеке от деревни Житницы наткнулись на батальон «СС». Завязался бой. Партизаны заняли несколько домов. Около одного из них Леня увидел брошенную немецкую пушку. Он развернул ее и открыл огонь. Такая подмога была совсем неожиданной. Немало был удивлен командир отряда, когда увидел около пушки перепачканного гарью мальчишку.

...Вскоре я получил письмо от самого Леонида Федорова — водителя автоколонны в латвийском городе Якобилсе. «Спасибо! Большое спасибо за фотографии военных лет, — пишет он. — Они напомнили мне о трудных дорогах войны, по которым мне пришлось пройти двенадцатилетним юнцом...»

И. В. Гришин и Леня Федоров

На груди у Вани Михаленко медаль «За отвагу». Просто так медали не дают. Вот как это произошло.

Лейтенант Борис Аврамов получил задание пробраться ночью к немцам и добыть «языка». Аврамов «языка» добыл и возвращался к своим. На опушке леса, недалеко от линии фронта, Аврамов почувствовал, что кто-то его преследует. Он вскинул пистолет, осмотрелся и услышал детский голос:

— Дядь, не стреляй, я свой!

Разведчик сурово сказал:

— А ну-ка уходи отсюда.

Мальчик будто не слышал. Он кивнул в сторону фронта.

— Не пройдешь, дядя. Здесь немцы.

— Как тебя звать?

— Ваня Михаленко. Я от семьи отбился. Целый час за тобой иду. Возьми с собой — покажу дорогу. И этого помогу тащить...

Ваня кивнул на связанного фрица.

К своим шли пять часов. Ваня хорошо ориентировался, знал, где стоят немецкие посты. Пленный оказался штабным офицером. После допроса его увезли в штаб армии. Бориса Аврамова наградили орденом Красного Знамени, а Ваню Михаленко — медалью «За отвагу».

Потом обоих забросили на самолете в партизанский край. Аврамова назначили командиром штабной разведки, Ваню он взял к себе связным. Было Ване тогда пятнадцать лет.

Псковщина. Деревня Апросово. Июнь 1942 года. Фашисты бросили против партизан значительные силы пехоты, поддержанные танками и авиацией. В наших траншеях с каждой минутой росло число раненых. Санитарка Лена Стефановская не успевала их перевязывать. Замолчал один наш пулемет, за ним другой. Пьяные фашисты шли в психическую атаку. Лена отбросила медицинскую сумку, метнулась к брустверу, легла за пулемет. Фашисты были буквально в нескольких шагах. И вот пулемет ожил. Лена косила фашистов в упор, они падали у самых траншей. Когда подошло подкрепление и атака была отбита, оказалось, что санитарка Лена уничтожила в бою почти сотню врагов.

Командование представило Лену к правительственной награде. Но получить орден Лене не довелось. Спустя несколько дней пионерка Лена Стефановская, дочь учительницы со станции Пола, погибла. Похоронили ее партизаны на опушке леса недалеко от деревни Туча, что на Псковщине.

Лена Стефановская

КОНТРШПИОН

М. Хейфец

Гравюры А. Овсянникова

Толчок! Пассажиры попадали друг на друга. Пролетку будто прижало к месту. Ямщик оторопело соскочил с козел, поискал глазами причину «крушения» и вдруг увидел побагровевшего от натуги купеческого сынка. Тот, ухватив заднюю ось, приподнял экипаж в воздух.

Рот ямщика перекосило от удивления, он охнул:

— Ну и силен, дьявол, лошадь перетянул!..

Подъехали остальные пролетки, и тут неожиданно произошла заминка. Распоряжавшийся пикником господин Безменов поморщился и наотрез отказался кутить в ресторане. Не «показался» ему ресторан да и все! Он потребовал, чтобы ямщики указали место в лесу, где можно на заграничный манер устроить «завтрак на траве».

Молодой паренек вызвался проводить господ. Минут через десять нашли подходящее место: это была уютная, будто выставленная зеленым бархатом, поляна, в центре которой тесным кружком возвышались кусты и деревья. Укрывшись внутри кружка, можно было наблюдать всех приближающихся к пикнику, оставаясь для них невидимым. «Идеально!» — сказал привередливый господин Безменов и даже потер руки в знак удовольствия.

В награду за усердие извозчику отвалили с барского стола несколько бутылок и закуски. Уходя, в последний раз оглянувшись он на веселую компанию. Все одиннадцать человек — десять господ и дама — уже уселись вокруг разостланных скатертей.

— Ну, теперь начнут! — ухмыльнулся извозчик, заворачивая за ку-

сты. — Теперь будет дело! Только бы их, голубчиков, вечером не растерять, собрать всех из лесу!

И, предвкушая поживу вечером, парень зашагал к ресторану, к поджидавшим товарищам.

Как бы он удивился, если бы показали ему эту самую веселую компанию через минуту после его ухода!

Сиротливо стояли на земле нетронутые стаканы. Ненадкусанными лежали бутерброды, струнами книзу перевернулась гитара. И сам тамада, господин Безменов, произносил отнюдь не шуточный тост.

— Товарищи, — сказал «Безменов»-Александр Михайлов, — съезд считаю открытым.

На поляне стало тихо.

— Предлагаю выбрать секретаря. Кандидат — наш друг с Украины, наш запевала, товарищ Тарас. Кто с ним не знаком — прошу подружиться! Настоящая фамилия — Андрей Желябов, революционный стаж — восемь лет, судился по процессу ста девятности трех, рекомендован сюда Михайлой. Возражения есть? Единогласно...

Липецкий съезд приступил к работе.

После Липецкого, а затем Воронежского съездов на месте «Земли и воли» образовались две новые организации: «Черный передел» и «Народная воля». Друзья Клеточникова и он сам стали народовольцами.

ЧЕМОДАН С ДИНАМИТОМ

Все лето и почти всю осень Александр II провел с семьей в своем южном Ливадийском дворце.

В Крыму отдыхалось чудесно! Только в середине ноября глава империи со вздохом решил прервать свои затянувшиеся каникулы и сообщил министрам, что изволит вернуться в столицу.

Начались предотъездные хлопоты. Министерство двора упаковало не-

сколько вагонов необходимых в дороге вещей и припасов. Министерство путей сообщения пустило под пары два так называемых «литерных поезда»: один — для царя, другой — свитский и багажный. Не дремало и министерство внутренних дел: оно разослало шифрованные телеграммы в Симферополь, Екатеринослав, Харьков, Орел, Тулу, Калугу, Москву, Тверь и Новгород с предупреждением о возможности покушения в этих пунктах на императорский поезд. Всем жандармам, а также стре-

лочникам, обходчикам, весовщикам, носильщикам и прочим железнодорожникам приказывалось следить за пассажирами и за багажом. Тысячи людей вдоль линии императорского маршрута были подняты по тревоге.

Не довольствуясь этим, несколько чиновников министерства внутренних дел выехали в Ливадию. Шеф жандармов поручил им изложить императору свое мнение о пути следования поезда.

Стоял прохладный осенний день, когда царь принял чиновников. Он

Продолжение. См. «Костер» № 12, 1965 г., № 1, 1966 г.

сидел под сенью своих любимых олеандров, слегка поигрывал носком мягкого сапога по золотистому песочку дорожки и внимательно слушал:

— Ваше величество уже изволили отдать распоряжение о маршруте?

— Да, — кивнул Александр, — мы с княгиней давно задумали прогуляться на яхте до Одессы, а оттуда поездом.

— Но, ваше величество, на море стоит дурная погода. Шеф жандармов считает...

Царю показалось, что он ослышался.

— ...считает, что вам надо ехать прямо от Симферополя. Литерные поезда уже стоят на симферопольском вокзале.

— Что?! — повысил голос Александр. — Отменить мое распоряжение?! Я вам, господа, руки укорочу и вашему шефу тоже!

Перепуганные чиновники машинально согнулись в пояском поклоне.

— Государь, умоляем вас не ездить в Одессу. Там что-то готовится. На улицах видели Преснякова.

Александру стало невыносимо противно. Бояться Преснякова! Он хорошо помнил эту фамилию по отчетам и докладам III отделения. Года три назад Пресняков заколот ножом агента Шарашкина; потом сбросил с моста агента Белавина; был взят, бежал по дороге на допрос, засыпав караулу глаза табаком, и после этого нашли застреленным агента Жаркова. Путь Преснякова отмечен трупами царских слуг и, конечно, сейчас он добирается до его, Александра, жизни. Но как противно все-таки бояться Преснякова!

Лицо царя исказилось гримасой, щека задергалась, глаза ввалились. Увидев знакомый, приступ царской трусости, третьестепенные чинов-

ники с облегчением поняли: дело выиграно, царь поедет из Симферополя...

А в Петербурге канцелярию Кириллова лихорадило от работы. Десятки телеграмм с пометками «Срочно. Секретно.» уходили и приходили каждый день, кого-то подстеги-вали, напоминали, угрожали, предупреждали, кого-то изолировали — и расчищали «зеленую улицу» поезду Особы Государственной важности.

Никогда еще так слаженно, как в эти дни, не работали Кириллов и Клеточников. Как машина, с невероятной быстротой и точностью расшифровывал и зашифровывал депеши помощник делопроизводителя. Готовые к чтению телеграммы ложились на стол начальника ровно через три минуты после поступления. Клеточников никому не хотел уступить даже крупички этой важнейшей работы. Он не уходил с дежурства домой, ночуя и питаясь в III отделении. Казалось, уж на этот раз ему обеспечены и новый чин, и новый орден.

14 ноября Николай Васильевич положил на стол перед шефом экстренную телеграмму из Елисаветграда.

«Сегодня на елисаветградском вокзале, — гласила она, — задержан жандармами прибывший одесским поездом неизвестный человек, ехавший в Курск и называющий себя почетным гражданином Тулы Ефремовым. При задержании оказал сопротивление. В багаже Ефремова больше пуда взрывчатых веществ. На допросе объявил себя социалистом. Произвожу дознание.

Начальник поста майор Пальшау».

Едва прочитав телеграмму, Кириллов со всех ног кинулся в кабинет шефа жандармов. Минут через пятнадцать он вышел оттуда крайне довольный и показал Клеточникову ре-

золюцию Дрентельна. Его высокопревосходительство своим бисерным почерком изволил написать на бланке наискосок: «Не к проезду ли императорского поезда готовился?»

— Вот кого мы с тобой взяли! — похвалился Кириллов. — Это дело без награды не оставят. За работу, Коляш, за работу!

По телеграфу потребовали данные паспорта Ефремова — для проверки; потребовали выслать его фотографию во все губернские жандармские управления для опознания; напомнили насчет подробного рапорта об обстоятельствах задержания; а взрывчатку Кириллов требовать не стал и приказал взорвать там, на месте. Незнакомых предметов у себя в канцелярии он побаивался.

За делами время прошло незаметно, и вот, наконец, пришла телеграмма: литературные поезда отошли от симферопольской платформы. Вот они миновали Харьков... Орел... Калугу... Уже совсем поздно вечером девятнадцатого ноября пришло сообщение, что император благополучно явился в Москву.

— Ну, вот, братец, отстояли мы вахту, — важно сказал Кириллов. — Можно и пошашить. В Москве государь пробудет денька два, а там за него местное управление отвечает. Иди баиньки, Коляшка, отсыпайся, отдохни, а потом с новыми силами — за работу.

Но коллежский регистратор вдруг дрожащими пальцами пододвинул начальнику только что полученную телеграмму. Оказалось, что на подходе к самой Москве неизвестными лицами был взорван второй литературный поезд — свитский! Взрывами разнесло тот самый вагон, в котором мог бы находиться император, если бы он ехал этим поездом, а не другим, — первым.

— Перепутали поезда! — выдохнул

обрадованный Кириллов. — Рука божья спасла государя!
— Нет, это рука Михайлова опло-

шала, — мелькнуло в голове у Клеточникова. Но он уловил удивленный взгляд начальника и тут же стал

усиленно осенять лоб и плечи широким крестным знаменем.
Что поделаешь, рука божья!

В такой ситуации Александр вызвал к себе во дворец руководителей политического сыска. Содержание беседы осталось в тайне, однако в Зимнем сплетничали, что царь напомнил Дрентельну предсказание госпожи Ленорман. Знаменитая парижская гадалка на кофейной гуще в бытность императора в Париже сообщила ему, что Александр доживет до восьмого покушения, а если переживет восьмое, то будет здравствовать до глубокой старости. Придворные дамы наперебой подсчитывали число покушений: в 66-м году стрелял Каракозов, в 69-м стрелял Березовский, в 79-м — Соловьев и вот сейчас — уже четвертое покушение! Да, у царя всего три покушения в запасе!

КИРИЛЛОВ НАЩУПЫВАЕТ НИТИ

Вернувшись из дворца, шеф жандармов собрал руководителей экспедиций III отделения. «На божью волю больше не рассчитывать! — грозно предупредил он. — Или найдите концы — или головы долой! Свято место не бывает пусто, на ваши кресла, господа, найдутся более молодые и более способные люди!»

Впервые за долгие годы службы действительный статский советник Кириллов почувствовал серьезную угрозу своему положению. Нет, нет, он в отставку не хочет! На старости лет наконец добился настоящей власти, влияния, а главное, денег, денег, — и так быстро лишиться всего этого!

— Ваше высокопревосходительство, — еле выговорил сразу поставивший сыщик, — есть неплохая но-

вость. Полковник Новицкий из Киевского управления установил по фотографии личность задержанного Ефремова. Это сын купца, некто Григорий Гольденберг, два года назад бежавший из холмогорской ссылки.

— Вот и разработайте этого Ефремова-Гольденберга, — приказал шеф жандармов. — Займитесь им лично, это ваш последний шанс, Кириллов.

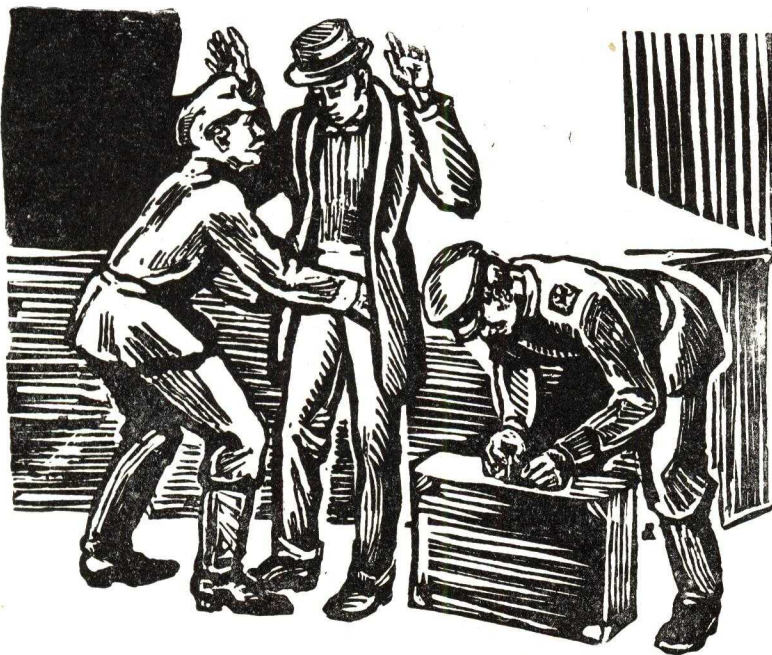
После совещания Кириллов засел за подробный рапорт майора Пальшау об обстоятельствах задержания «Ефремова». С карандашом в руках он помечал на полях все непонятные обстоятельства, ставил знаки вопроса на полях, пытался определить линию следствия.

«Ефремов» приехал в Елисаветград из Одессы и привез оттуда чемодан со взрывчаткой». — Неужели

динамитная мастерская у них в Одессе? — удивился Кириллов и подчеркнул это место... — «В Елисаветграде он собирался пересечь на Курский поезд». Достаточно было заглянуть на карту, чтобы понять: путь его лежал в Москву. Да, в руках Кириллова находился ключ ко многим тайнам последних событий, но как им воспользоваться? Гольденберг-Ефремов не заговорит — это достаточно ясно следует из обстоятельств задержания. Такие, как он, молчат даже под пытками. Кириллов снова и снова перечитывал рапорт майора Пальшау.

Задержали Ефремова случайно. Елисаветградский весовщик багажа позвал вокзального жандарма и сообщил, что чемодан, прибывший с одесским поездом, подозрительно тяжел. В багажной комнате жандармы задержали пассажира, явившегося за чемоданом: «Что у вас там? Где ключи?» Пассажир растерялся, промямлил что-то насчет приятеля, которому якобы принадлежит чемодан и у которого якобы остались ключи. Это показалось по-настоящему подозрительным! Приступили к обыску. И сразу удача — в боковом кармане обнаружили ключи от подозрительного чемодана. Увлеченные находкой жандармы на миг позабыли о задержанном, и он успел мелко-мелко разорвать какое-то письмо и записку. Сколько потом ни склеивали эти лоскутки в жандармском управлении, восстановить текст так и не удалось.

Пока жандармы примеряли ключи к чемодану, задержанный бросился через буфетную комнату на перрон. Прибежавший майор Пальшау застал своих жандармов в смятении. Сбежал, стервец! Майор отправил двух жандармов на извозчике — отрезать Ефремову дорогу в город, а третьего жандарма с весовщиком послал следом за беглецом. Ефремов, миновав пути, хотел было скрыться в городе, но, увидев про-

летку с жандармами, свернул в поле. Положение его было безнадежным: кругом ни одного знакомого, дороги неизвестны, паспорт и кошелек с деньгами отобраны при обыске, а погоня шла по пятам. Осталось одно — продать свою свободу подороже!

— Стой! Ефремов, стой!

Усталые ноги с трудом несли человека, а безнадежность сковала все тело. Не уйди! И тогда он выхватил револьвер.

Со всех сторон на крики жандармов сбегались люди. Толпа охватила загнанного Ефремова. Крестьянские рубахи, чиновничьи вицмундиры, гусарские колеты боязливо подступали к нему. Нацеливая револьвер, он отгонял преследователей, но некоторые смельчаки подбирались все ближе и ближе. Надо было стрелять...

«На допросе Ефремов заявил, что он не отстреливался потому, что, будучи окружен частными гражданами, не захотел стать виновником напрасных и лишней жертв среди ни в чем неповинных людей».

— Благородство изображает, — со злобой пробормотал Кириллов. — Вот и получил от «неповинных людей» по харе.

Озлобленная толпа была схвачен-

ного беглеца кулаками, палками, пинала под ребра сапогами.

«Но и после сего едва удалось шести человекам связать руки Ефремова и отвести его на вокзал, так силен Ефремов и к тому же зол, что даже кусался», — такими словами заканчивал майор Пальшау свой рапорт.

Сколько ни ломал Кириллов голову над этим рапортом, он не смог найти никаких серьезных зацепок, никаких реальных возможностей для настоящего следствия. И в картотеке III отделения о Гольденберге почти ничего не было сказано: сын либерального купца, все братья и сестры пребывают в настоящее время в ссылках, сам Григорий тоже был сослан за болтовню в студенческих кружках, но бежал — вот, собственно, все, что знала о нем полиция. Мало, чрезвычайно мало для разработки серьезной операции! С таким материалом лже-Ефремова заговорить не заставишь!

Кириллов позвонил в колокольчик.

— Считайте, что это дело для нас потеряно, — мрачно сказал он вошедшему Клеточникову. — Рапорт Пальшау спишите в архив. Принесите-ка мне лучше дело Черкасского...
Дворянин Черкасский и его жена

недавно были арестованы по случайному доносу. Некий солдат сообщил в канцелярию, что его невеста читает запрещенные книжки. У девицы произвели обыск, нашли народолюбческие листовки, и Кириллов пригрозил на допросе виселицей. Испуганная девица призналась, что листовки получила от госпожи Черкасской. Произвели обыск на квартире у Черкасских — и добыча превзошла всякие ожидания. Нашли массу литературы, пуд динамита, револьверы, шифрованные записки и непонятные чертежи. Вскоре выяснилось, что госпожа Черкасская — это известная беглая каторжанка. Но личность самого хозяина квартиры осталась неустановленной: он упорно отказывался от дачи показаний. Нюхом старой ищейки Кириллов чувствовал в нем одного из главарей подполья.

Теперь, просматривая следственные материалы, он обратил внимание на чертежи Черкасского: на них было изображено нечто неувидимо ему знакомое. Где он видел эти комнаты, эти переходы?

Снова звон колокольчика.

— Отправьте чертежи на экспертизу в Управление Петербургского градостроительства, — распорядился шеф. — Ответ — побыстрее.

УДАРЫ И КОНТРУДАРЫ

Пудобнее усевшись на любимую кушетку, Николай Васильевич приступил к делу.

— В работе III отделения, точнее, в работе нашей агентуры существует в настоящее время три направления. Первое связано вот с этим человеком, «Ефремовым»...

Он достал из кармана черный кожаный бумажник и неторопливо извлек из него маленькую фотографическую карточку.

Аппарат запечатлел на ней молодого человека с несколько одуловатым лицом. Небольшая квадратная борода придавала лицу мужественное выражение, но странное впечатление оставляли глаза. Казалось, молодой человек однажды удивился, да так с тех пор и удивляется, вопрошая людей о чем-то сложном и непонятном.

— Гришка, Гришенька... — прошептал «Дворник», глядя на изображение друга.

— Да, Григорий Гольденберг, — подтвердил Николай Васильевич.

Об аресте Гольденберга «Дворник» уже знал — слышал от Кибальчича, возвратившегося с юга. И все-таки не мог привыкнуть к мысли, что милый, верный, смелый адъютант Гришка находился в тюрьме. По правде сказать, Гришка был неумен и в свое время немало смущал Алек-

сандра Михайлова своим беспредельным и почти подобоострастным обожанием: он влюбился в «Дворника», как гимназистка. Но сейчас все это забылось, и товарищи с нежностью вспоминали, как дерзко осуществил Гришка побег из ссылки, как самозабвенно и точно ликвидировал он палача южных революционеров князя Кропоткина, как гордо повторял товарищам, что вечер убийства Кропоткина был самым высоким и счастливым моментом в его жизни. Потом он спорил с Соловьевым за право стрелять в царя, и только подчиняясь решению друзей, уступил другому почетную миссию. Участник Липецкого съезда, член Исполнительного Комитета, милый, храбрый Гришка — вечная тебе память в наших сердцах! Спасения тебе нет. Но мы отомстим за тебя...

А может, еще не все потеряно?

— Его взяли случайно? — насторожился Михайлов.

— Абсолютно случайно.

— Где он сейчас?

— В одесской тюрьме.

— Почему в одесской?

Клеточников пожимает плечами. Откуда он может знать, что придумали жандармы там, на юге. Возможно, в одесской тюрьме Гольденбергу расставили ловушку. Все может быть.

— О Гольденберге информируйте меня постоянно, а в экстренных случаях можете заходить даже в номер, — приказывает «Дворник». Клеточников склоняет голову в знак согласия.

— А вот второе направление в нашей работе, — показывает он другую фотографию. — Это некто господин Черкасский, тоже арестован случайно.

Михайлов уже знает и об аресте «Черкасского» — все товарищи предупреждены и все связи с квартирой обрублены своевременно.

— У него нашли чертежи. Они посланы на экспертизу в градоначальство, — сообщает Клеточников. Пальцы Михайлова нервно забарабанили по дрогнувшему колену.

— Еще что?

— Третье направление в работе агентуры — дело проваленного архива паспортного бюро.

Михайлов кивнул: и об этом провале он тоже знал.

— Тогда запишите, по каким фамилиям этого архива будет производить розыск III отделение, и немедленно поменяйте все паспорта, — спокойно сказал Клеточников. — Начнем с Безменова...

Продиктовав два десятка фамилий, он ушел.

КТО ТАКОЙ ГОСПОДИН ЛЫСЕНКО

Саперный переулочек — улица не бойкая и населена почтенными людьми, чиновниками средней руки с окладом в тысячу рублей годовых. Это — не аристократический центр, но здесь достаточно спокойно, светло, хотя дома достигают пяти этажей, здесь близко от магазинов Невского и Литейного, и дамы любят селиться в Саперном переулке.

В сентябре 1879 года в дом номер десять по Саперному въехали новые жильцы — супруги Лысенко.

Отставной надворный советник Лысенко пришел сюда заранее, с друзьями, осмотрел сдаваемую трехкомнатную квартиру, разузнал о порядках в доме — проявил себя человеком солидным. Особенно обрадовался, что в доме нет квартирных хозяек с их бесчисленными квартирантами — студентами, молодежью и вообще крамольниками. Похвалил чистоту и освещение в обоих ходах — парадном и черном; поинтересовался и видом из окна. Увидав, что хотя окно квартиры выходит на глухую стену соседнего дома, но все-таки через забор видна улица, он прищелкнул пальцами. Через два дня супруги переехали.

Мебель у них была подержанная, но приличная: обычная мебель семьи среднего чиновника. При переезде хозяин беспокоился за три тяжелых сундука, все просил дворников тащить осторожнее. В награду дворники получили щедрое «на чай» и с первого дня поняли, что господа приехали «хорошие».

Супруга господина Лысенко оказалась женщиной молодой, веселой и беззаботной. По хозяйству она не смыслила ничего, всем у нее ведала служанка, общительная и деловитая Аннушка.

Потом Аннушка ушла с места, а Лысенки взяли к себе Марию. Она была нервной, раздражительной, грубой, и дворники ее осуждали.

Лысенки вели затворническую жизнь. Они куда не ходили, а их навещали всего двое-трое друзей, правда, частенько. Один — в форме отставного поручика, с модными усами и шелковистой бородкой; другой — высокий, красивый, смуглый, с горящими глазами — напоминал выправкой военного, но одет был в штатское. Должно быть, тоже отставной. Был еще третий, но его, почитай, с ноября не видно.

Все это рассказал дворник сыщику из градоначальства, который поинтересовался Лысенками.

— А ты в квартире у них бывал?
— Обыкновенная квартира. На кухне стол, плита...

— А сама, сама квартира?

— Нашего брата, господин сыщик, дальше кухни не пушают. В гостиной, правда, бывал один раз. Сейчас вспомню... Портрет государя-императора, извольте знать, большой, во всю стену. Под портретом — диван, в середине, значитца, стол, полдюжины стульев, и все вязаными салфетками покрыто.

Сыщик пожал плечами и хотел было удалиться, когда дворник тронул его за рукав.

— А вон и сам господин Лысенко с моциёна идут. Хотите посмотреть?

По тротуару к дому важно шествовал барин. Великолепно сидела на нем шуба — нет, не роскошная, но достаточно заметная; а на носу блестяло золотое пенсне. Дворник согнулся в пояс, да и сыщик невольно снял шляпу. Лысенко сурово кивнул им и, не глядя по сторонам, прошел к себе в подъезд.

Вернувшись в участок, сыщик рассказал приставу, что ничего подозрительного за Лысенками не обнаружил: обыкновенная чиновничья семья.

— А ты думал, динамитчиков, что ли, найдешь? — насмешливо вздохнул частный. — Нет, братец, нам жандармы только черную работу оставляют, а сливки снимают себе.

И он рассказал сыщику, что недавно III отделение захватило архив паспортного бюро народолюбцев — целый склад бланков, печатей и бумаг с официальными штампами. Самые важные бумаги III отделение выбрало себе, провело по ним розыск, но безуспешный: владельцы фальшивых паспортов уже успели сменить документы. А менее важные бумаги, «всякую ахинею», как выразился частный, III отделение передало в Петербургское градоначальство. Ничего интересного там, конечно, не нашлось, розыск проходил вяло.

И все-таки...

Частный показал сыщику смятый обрывок разинной от руки бумаги. Сыщик всмотрелся и от удивления вытянул губы: перед ним лежала копия с паспорта господина Лысенко.

— В мусорном ведре нашли, — пояснил пристав. — Навели справки — нет, паспорт Лысенко настоящий. Лысенко есть Лысенко — это установлено, так что не думай бог знает чего. Но кому-то он дал скопировать свой паспорт — и эта копия послужила образцом, формой для изготовления фальшивых паспортов. Решено на всякий случай, для очистки совести, провести у этого Лысенко обыск, а заодно расспросить, кому он давал посмотреть свой паспорт.

У сыщика лицо стало безнадежно скучным: опять ему не спать ночью.

— Не ленись, не ленись, братец, — нажал на него пристав. — Мы уж и так с ноября до января этот обыск оттягивали; больше ждать нельзя. Пора закруглять все это дело. Возьми сегодня парочку полицейских часов на два ночи...

...В два часа ночи наряд полиции остановился в Саперном переулке. Все шло по заведенному порядку: двое дворников перекрыли черный ход, а наряд со старшим дворником прошел с парадного и позвонил в квартиру.

— Кто там? — спросил женский голос.

Сыщику показалось, что его кто-то разглядывает в узкое окошечко, выходившее на лестницу рядом с дверью.

— Телеграмма для господина Лысенко! — привычно отчеканил полицейский.

— Подите к черту! — неожиданно донеслось из-за двери. И все замолкло.

Если бы знала полиция заранее, что сюда ни при каких обстоятельствах не может прийти телеграмма!

Увидев полицию, Софья Иванова («госпожа Лысенко») кинулась будить всю «публику». Ей было всего девятнадцать лет, но за плечами у Сони уже числилось два процесса и два побега из Кемской ссылки. Хозяйка имела большой опыт по части обысков, она знала, что теперь надо делать: недаром именно этой тоненькой привлекательной женщине Михайлов и Квятковский доверили быть «хозяйкой Саперного переулка» — самого главного места в партии. Прежде всего женщина растолкала Буха — «господина Лысенко».

— Вставай! Полиция!

«Лысенко» взлетел с дивана и заученным жестом сунул руку под подушку за револьвером. Потом он помог Софье отодвинуть от дверей, ведущих во внутреннюю комнату, сундук и кинулся в переднюю. Софья вбежала в «спальню». Посреди «спальни», в обычное время огражденной от случайных посетителей сундуками, возвышался на мягкой кушетке типографский станок. По углам комнаты стояли столы с типографским набором, а на полу, на толстых кипах бумаги, не раздеваясь, крепко спали два человека — наборщики конспиративной типографии, добровольные узники этой маленькой комнаты.

— Лейзер! Абрам! Полиция!

Оба вскочили и бросились следом за Бухом в переднюю, где, не умолкая, звенел звонок и сбитый с толку сыщик все повторял: «Откройте, телеграмма!»

Софья осталась в типографской комнате одна. Что теперь делать, как поступить? Еще сегодня вечером, за чаем, их конспиративная «служанка» Маша весело расспрашивала Буха:

— А могут нас, женщин, повесить? (Хотя у Буха паспорт был настоящий, а не фальшивый, паспорт подлинного покойника, господина Лысенко, — все знали хорошо, что их «хозяин» — столбовой дворянин, племянник известного законодателя, сенатора империи. Законы Бух знал наизубок).

Он солидно и с достоинством подумал, а потом ответил уверенно:

— Нет. Вешать женщин не будут. Это — огромный скандал.

— В таком случае, — пошутила Софья, — мы, женщины, будем стрелять первыми, потому что мы вне опасности.

Тогда это казалось веселой шуткой. Но прошло всего три часа, и теперь действительно надо было стрелять! Конечно, можно было бы попробовать уйти по черной лестнице. Но... во-первых, утром может явиться Михайлов — его никак не успеть предупредить, а во-вторых, — и это главное, — в комод у нее есть бумаги, которые надо сжечь во что бы то ни стало. Даже ценой жизни! А для этого сожжения требуется время. Стало быть...

— Бух, вышибай стекла, — скомандовала Софья. — Все остальные — огонь по дверям.

Бух схватил типографский станок и с силой швырнул его в окно. Звон расколотого стекла, треск сломанной рамы слился с грохотом револьверного залпа. На площадке все моментально стихло: полицейские залегли на лестнице.

Бух потащил к окну наборные кассы и стал яростно молотить ими по раме, пытаясь с остатками стекол выбить самый переплет. «Дворник» должен увидеть выбитую раму! Почти каждое утро забегал он в типографию, приносил Буху неведомо как добытые секретные протоколы полицейских обысков и с торжеством читал: «Издания партии — прекрасной работы, и эксперты считают установленным, что машины в ее типографии должны быть очень хороши». Завтра он в последний раз увидит эти «машины» — выброшенные через окно на мостовую — маленький примитивный станок и самодельные наборные кассы. Он сразу поймет, что случилось, и уйдет от опасного места.

Стрельба с лестницы тем временем возобновилась: к полиции подошло подкрепление.

Поднатужившись, Бух вывалил последние тяжелые кассы во двор и бросился с револьвером к черному

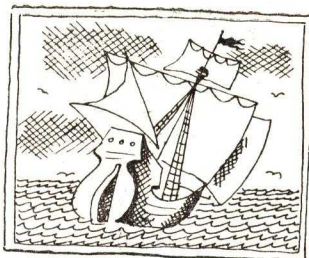
ходу, откуда ломились новые наряды жандармов. Выстрел, еще выстрел... Враги залегли и здесь.

Тем временем Софья Иванова сидела на корточках в маленькой боковой комнатке. Из нижнего ящика комода она вытаскивала бумаги, рвала их на куски и поджигала над большим умывальным тазом. Таз был наполнен водой. Только бы не осталось несгоревшего лоскутка! Из-за двери до нее доносились выстрелы, беготня, неистовые крики, грохот ломаемых запоров. Почему же полиция еще не ворвалась? Но вот последний лоскуток охватили языки огня — ей обожгло пальцы. Софья обеими руками выгребла из таза кучу размокших черных хлопьев, отжала воду и торопливо перебрала все содержимое: нет ли где несго-

ревшего клочка. Потом бросила кучу обратно в таз; вытерла руки вехоткой и достала со дна комода свой маленький дамский револьвер. Гибко приподнялась и тихонько подобралась к окну. На улице виднелись солдатские каски — это вызванная полицией воинская часть оцепляла весь переулок. На прорыв больше надежды не оставалось.

Тогда женщина пошла в переднюю. Здесь уже все заволкло пороховым дымом. Входная дверь пока держалась. По комнате метался Абрам и почему-то стрелял в узкое окошко на лестницу, хотя полиция и жандармы накапливались явно не там, а около дверей.

Продолжение следует

Лев Друскин

Рисунки
М. Беломинского

БРИГАНТИНА

Кем ты хочешь
быть на
бригантине?

Кем хочу?
Конечно, капитаном!
Ай да паренек!

Губа не дура!
Вот он, капитан —
старик
усатый,

Приручил
муссоны и пассаты,
Он во льдах
и в Индии как
дома,
В трюме у него
бочонок рома.

Кем ты хочешь
быть на
бригантине?

Кем еще?
Да боцманом,
пожалуй.

Опоздал и тут,
глаза протри-ка:
Вот наш боцман —
важно ходит с дудкой.
Он к штормам и ругани
привычен,

Кулаки
болят от зуботычин.
Кем ты хочешь
быть на
бригантине?

Я тогда
согласен и матросом.
Вся команда
набрана, дружище,
Пятый день
мы новых рук не ищем.
Кем ты хочешь
быть на
бригантине?

Ну хотя бы юнгой...
Юнгой
можно?

Даже юнга есть —
вон шлюпку красит.
Правда, не поспит он,
сколько влезет,

Вынесет
и брань,
и колотушки,

Но зато,
когда на мачту влезет,
Мир — у ног,
а небо — у макушки.

И уходит
белая громада.
Все на месте.

Никого не надо.
Таёт в море
моря украшение.
И так горько
слушать утешенья:
Потерпи немного,
станешь юнгой,
А потом, конечно,
и матросом,
А потом
и боцманом, пожалуй,
Ну, а там —
глядишь —
и капитаном.

Эта коллекция необычна. Каждый ее экспонат добыт в схватке со смертью. На столе — взрыватели, тусклые металлические цилиндры. Такие беспомощные сейчас, а когда-то такие грозные...

Обладатель коллекции — ленинградский ученый, доктор технических наук, профессор Александр Нисанович Ханукаев. Во время Великой Отечественной войны он находился в осажденном Ленинграде — командовал отрядом подрывников, которые обезвреживали снаряды и неразорвавшиеся авиабомбы.

По нашей просьбе Александр Нисанович согласился показать членам клуба свою удивительную коллекцию и рассказал два боевых эпизода.

ОПАСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Первой военной осенью фашисты стали сбрасывать на Ленинград странные, загадочные бомбы. Внутри был какой-то секретный механизм, устанавливающий время взрыва. Поди знай, когда ей приспичит взорваться. Через два часа или через трое суток... И с места тронуть нельзя — взорвется. Вся жизнь замирала в тех кварталах, куда падали такие бомбы.

Долго мы не могли разгадать секрет. Все, кто пытался разрядить такие бомбы, гибли. А надо раздобыть хоть один взрыватель — вот задача!

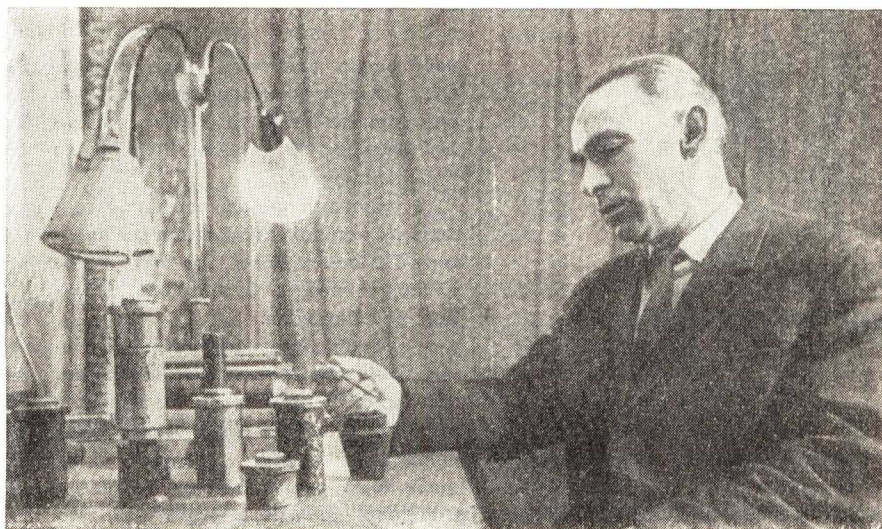
В один из ноябрьских дней 1941 года фашистская бомба попала в дом на Боровой улице. Взрыва не последовало. Двухсотпятидесятикилограммовая сигара зарылась в подполье.

Когда наш отряд прибыл на место, дом был оцеплен. Я быстро прошел узким темным двором и спустился вниз. Среди развороченной земли, как спина исполинского животного, поблескивала серая цилиндрическая поверхность. Осмотрев бомбу, я вначале ничего особенного не заметил. На всякий

случай отошел метров на двенадцать и стал осторожно тянуть за тросик, медленно поворачивая кольцо взрывателя. Секунда — и взрыватель у меня в руках. И вдруг в мертвой тишине я услышал тиканье часов... Бомба с часовым механизмом! Я бросаюсь прочь из помещения и тут же обнаруживаю, что во взрывателе нет детонатора. Он остался в бомбе!

Спасла меня случайность — детонатор оказался с изъяном.

Когда я принес взрыватель в штаб и доложил, что бомба с часовым механизмом, на меня закричали:

— Уходи немедленно! Зачем притащил?! Всякого коварства ждали от этих штурмовиков.

А секрет мы разгадали: оказывается, в бомбах было специальное противосъемное устройство. При малейшем повороте часовой механизм срабатывал. Тогда мы стали выплавлять взрывчатку паром, не трогая бомбу.

Есть на Невском проспекте дом под номером сто пять. Многие люди, живущие в нем сейчас, даже не подозревают, какое событие произошло здесь во время войны.

Попала в дом бомба. Со свистом пролетела все пять этажей и не взорвалась. Осталась лежать в старом деревянном сарае, который находился в первом этаже. Бомба была с часовым механизмом. Разряжать ее не рискнули. Выселили из дома всех жильцов, сам дом оцепили, а бомбу зацементировали, чтобы не качнулась случайно. Так и лежала она там почти с самого начала войны до 1942 года.

Жильцы жаловаться стали: «Что ж это такое? С бомбой ничего не делают, а мы уже

Отряд подрывников у обезвреженной бомбы. Крайний слева — Александр Нисанович Ханукаев

Тайком каждый день пробираюсь в сарай и работал там по пять-шесть минут. Больше нельзя было — охрана могла заподозрить неладное.

Ну, а когда я уже крышку взрывателя отвинтил, то пришел к генералу и рапортовал: так, мол, и так, крышка взрывателя все равно отвинтилась, разрешите теперь специальным душевым аппаратом выпарить из бомбы взрывчатку...

— Как это отвинтилась? Сама, что ли? — закричал генерал.

— Сама, — говорю.

Генерал все понял и засмеялся.

Рассказ А. Н. Ханукаева записала член-корреспондент клуба Алла Свицова

Об исчезновении Жака Паганеля парижскую полицию известила консьержка дома № 77 по улице Мантуа, где Паганель уже много лет снимает

небольшую квартиру. Свое заявление главному инспектору полиции она сделала после того как знаменитый географ в течение недели не появлялся дома.

В присутствии должностных лиц и репортеров полиция осмотрела квартиру Паганеля. Здесь все было в порядке, точнее, в беспорядке, обычном для Паганеля.

«Дело об исчезновении Жака Паганеля, — заявил главный инспектор парижской полиции, — осложняется тем, что у нас нет фотографии Паганеля».

«Он был очень высокий и всегда так добр ко мне...» — это все, что

могла сказать консьержка в ответ на просьбу описать внешность Паганеля. Впрочем, она была слишком расстроена.

«Он очень любил поговорить...» — заявил полиции один из коллег ученого по парижскому географическому обществу.

Это все... Неизвестно даже, где и когда родился Жак Паганель.

«Пока мы не можем сказать ничего определенного», — заявил представителям печати инспектор полиции.

Наш парижский корреспондент решил связаться с известным сыщиком, мистером Шерлоком Холмсом, и за-

просил редакцию: нельзя ли узнать его адрес? К сожалению, никто из сотрудников адреса мистера Холмса не знает...

Друзья!!! Клуб Жака Паганеля продолжает свое существование несмотря ни на что! О розысках уважаемого географа мы сообщим в очередном номере. Но нам нужна ваша помощь, потому что один ум,

даже если это ум Шерлока Холмса, — хорошо, два ума — еще лучше, а тысячи умов — это уже прекрасно!

Может быть, кто-нибудь из вас знает и может сообщить:

ГДЕ И КОГДА РОДИЛСЯ ЖАК ПАГАНЕЛЬ! КАКОВ ИЗ СЕБЯ ПАГАНЕЛЬ! ЕГО ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ, ПРИВЫЧКИ И ПРОЧЕЕ.

АДРЕС ЗНАМЕНИТОГО СЫЩИКА ШЕРЛОКА ХОЛМСА

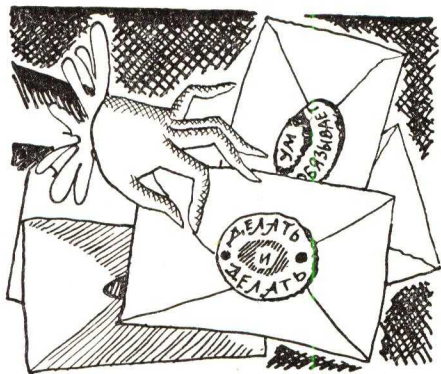
ФОТОГРАФИЯ ПАГАНЕЛЯ ОЧЕНЬ ПОМОГЛА БЫ ДЕЛУ.

Пишите! Ждем ваших сообщений. Возможно, жизнь Жака Паганеля в опасности...

Наш адрес: Ленинград, Таврическая, 37, «Костер», клуб Жака Паганеля.

ПАГАНЕЛЬКИ

Короткие, поучительные, занятные истории, рассказанные паганельцами в перерывах между заседаниями почтенного клуба.

Совершенно неоспоримо, что самый большой отряд коллекционеров — это филателисты. Попробуйте сосчитать, сколько ребят в вашем классе собирают марки — наверно, целое звено.

Но ведь первые марки появились в конце прошлого века. Что же коллекционировали до этого? Сургучные печати!

С давних времен конверты с письмами заливали сургучом. А чтобы чересчур любознательные люди не могли взломать сургуч на конверте и, прочитав письмо, снова накапать сургуча, на нем стали оттискивать именные печати. Люди заказывали такие печати у граверов и частенько сочиняли для них короткие остроумные девизы.

На печати Виктора Гюго были вырезаны слова «Делать и делать». На печати Оноре Бальзака: «Ум обязывает».

Александр Сергеевич Пушкин запечатывал свои письма перстнем-талисманом, который, согласно преданию, должен был принести поэту удачу...

А вот жестокий и подлый временщик Александра I граф Аракчеев вырезал на своей печати верноподданные слова: «Без лести предан».

Одни из самых страстных коллекционеров — это собиратели книг, библиофилы. История знает случаи, когда люди, наполняя свои библиотеки, не останавливались даже перед преступлением...

В начале прошлого века один испанский монах ушел из монастыря, чтобы целиком отдаться своей единственной страсти — книгам. В Барселоне он открыл маленькую книжную лавочку.

Но вел себя дон Винсенте — так звали монаха — очень странно. Когда к нему заходили покупатели и приценивались к какой-нибудь старинной книге, он не жалел слов, чтобы отговорить их от покупки. Если же покупатель не отставал, дон Винсенте заламывал огромную цену. Если и это не помогало, книга все-таки переходила в руки

покупателя, дон Винсенте проклинал все на свете, а удивленного покупателя — больше всего.

Однажды на аукционе перед самым носом у дона Винсенте другой букинист купил очень редкую книгу, изданную еще в 1482 году. Считалось, что эта книга сохранилась только в одном экземпляре.

Через несколько дней лавка букиниста сгорела вместе со своим хозяином. Следствие обнаружило, что деньги не тронуты, и пожар объяснили несчастным случаем.

Вскоре после этого в Барселоне было совершено сразу несколько убийств. Убитые принадлежали к самым разным слоям населения, их объединяло только одно — все они были высоко образованными людьми.

Полиция сбилась с ног. На-

чались поголовные обыски. И вдруг в лавочке дона Винсенте, в тайнике под полом, нашли книгу, купленную некогда сгоревшим букинистом!

Дон Винсенте признался, что украл книгу, а так как букинист заподозрил его, он решил уничтожить своего соперника. После этого случая дон Винсенте «вошел во вкус». Он стал «возвращать» ранее проданные книги — просто-напросто убивал своих клиентов, а украденные книги прятал.

Начался процесс. Дон Винсенте быстро сообразил, что ему угрожает, и отказался от прежних показаний.

Так как другие книги найдены не были, единственной уликой служила книга, украденная из сгоревшей лавки. Адвокат дона Винсенте предъ-

явил суду каталог парижского книжного аукциона. В каталоге было

Написано, что существует не один, а два экземпляра злополучной книги! «А если это так, — сказал адвокат, — где доказательства, что у донна Винсенте нашли украденную книгу? Ведь эта книга вполне могла быть вторым экземпляром!»

Судьи задумались. В зале воцарилась тишина. И только дон Винсенте, который до сих пор вел себя с ледяным спокойствием, уронил голову на руки и зарыдал.

— Наконец-то вы раскаялись, — сказал прокурор.

— Как я заблуждался! — вскричал монах. — Я ведь полагал, что мой экземпляр единственный!..

Мне очень повезло! Вряд ли кому-нибудь еще доводилось побывать на таком параде.

Плечом к плечу в едином строю стояли русские солдаты всех полков, дивизий и армий. На правом фланге замерли войска Петра I. За ними следовали суворовские чудо-богатыри, участники битв при Кунерсдорфе и Аустерлице, герои Бородина и Шипки, солдаты русско-японской войны. Кирасиры, уланы, кавалергарды, гренадеры!.. Левый фланг занимали войска всех иностранных армий, с которыми только доводилось скрестить оружие русским воинам. Были тут шведы и турки, французы и австрийцы, весь японский штаб во главе с микадо Мутсухито. Чуть впереди, перед сомкнутыми рядами своих войск гарцевали на конях прославленные полководцы: Кутузов, Петр I! Что же касается французской армии 1812 года, то ее колонны возглавлял... целый взвод Наполеонов! Ни много, ни мало — 24 Наполеона!

И хотя полководцев было более чем достаточно, командовали этим парадом не они. Главнокомандующим этого десятилетия воинства был Александр Иванович Любимов.

Кто такой Александр Иванович? Инженер-строитель; в годы Великой Отечественной войны — командир взвода разведчиков-сапёров, а сейчас — коллекционер. И все войска, участвующие в параде, — его интереснейшая коллекция.

Давно, в 1910 году, появились у Александра Ивановича первые солдатики. Сначала взвод, потом рота, полк... Но шли войны. А в войнах, как известно, погибает немало солдат. Погибали и коллекции А. И. Любимова. Погибали в годы гражданской войны, Великой Отечественной... Но каждый раз, после окончания боев и походов, Александр Иванович начинал все сначала. Коллекционеры — народ упорный, настойчивый. Двадцать лет прошло со

Дня победы 9 мая 1945 года и вот — новое войско солдатиков.

Конечно, создать такую коллекцию было не легко, и, конечно, вы спросите: откуда же Александр Иванович взял столько солдатиков? Ведь в магазинах их не купишь. Да, к сожалению, не купишь. Но у настоящих коллекционеров всегда много друзей. Русских гренадеров 1812 года Александру Ивановичу прислали из музея истории, который находится в Германской Демократической республике в Берлине. Мастер Фриц Менц из города Бурга (ГДР) прислал ему фигурки космонавтов, осваивающих неведомую планету. Но главное — солдатиков можно делать самому. И Александр Иванович неустанно их создает.

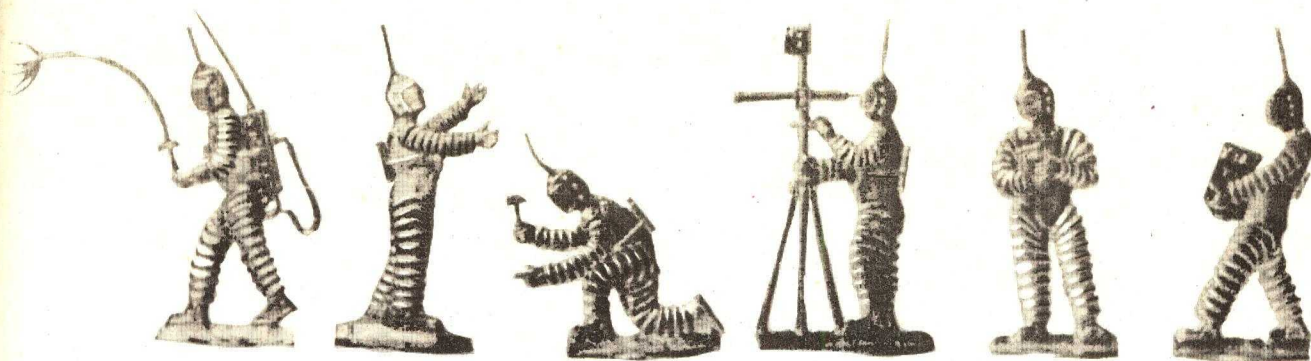
Задумав воссоздать на макете битву при Кунерсдорфе, мастер-коллекционер отлил три тысячи фигурок. Три года ушло на этот труд. Дело ведь не только в том, чтобы залить расплавленным металлом аккуратно вырезанные в гипсе силуэты фигурок. До этого нужно еще очень хорошо изучить историю, ознакомиться с многочисленными картами местности, где происходило сражение, определить место каждого батальона в битве, назубок знать формы одежды каждого полка, его боевые знамена.

А не так давно Александр Иванович командовал настоящими живыми гренадерами, гусарами, кирасирами. Настоящие живые солдаты в формах русской и французской армий 1812 года четко маршировали перед ним на строевых занятиях и коллекционер настойчиво обучал их русскому уставу 1797 года и французскому — 1792-го. После занятий на строевом плацу Александр Иванович придирчиво проверял их обмундирование, умение носить форму войск минувших лет, бежал к кавалеристам проверять амуницию... Когда вы будете смотреть новый кинофильм «Война и мир», вы сами убедитесь, что его постановщикам очень пригодились знания А. И. Любимова, ведь это он консультировал киностудию по военной истории и быту.

Ну, кому теперь еще может показаться такая коллекция «игрой в солдатики»?

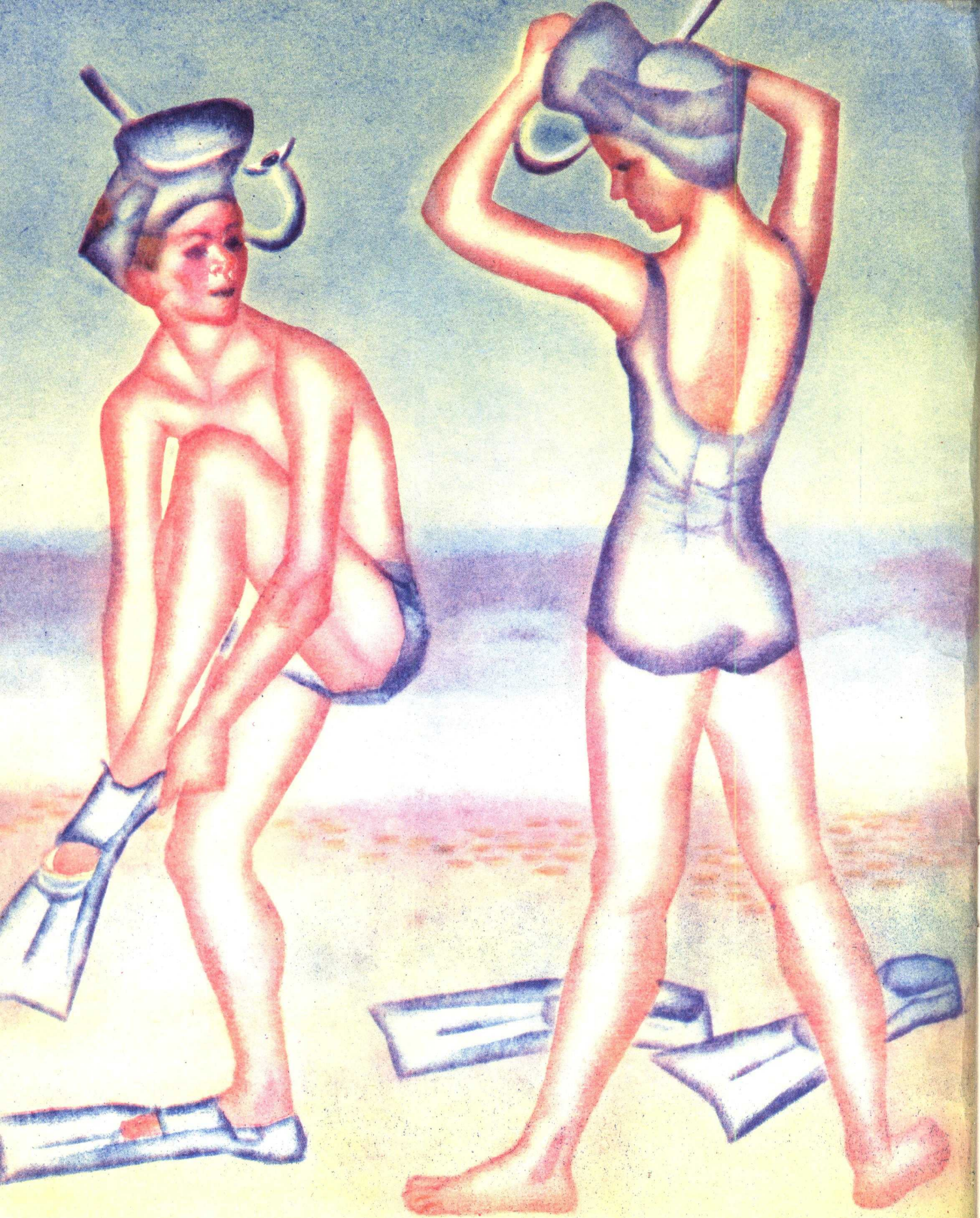
Член-корреспондент клуба В. Суслов

На цветной странице: космонавты, советские пехотинцы, кексгольмские гренадеры 1884 года, гвардейский гусар, улан Волынского полка 1812 года, гренадер 1812 года, Павловские гренадеры 1812 года.

Из коллекции
оловянных
солдатиков
А. И. Любимова

Быстроногие!
Соперники ветра!

ЗАПОМНИТЕ:

*в 1966 году все дорожки ведут в „ОРЛЕНОК“!
„Орленок“ — пионерский лагерь на берегу Черного
моря. Там в летние дни открывается Всесоюзный
слет юных спринтеров.*

Участники слета будут:

**ТРЕНИРОВАТЬСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОПЫТНЫХ НАСТАВНИКОВ,
СОРЕВНОВАТЬСЯ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ПРАВИЛАМ,
ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ,
ОВЛАДЕВАТЬ НАВЫКАМИ САМОКОНТРОЛЯ,
РАЗУЧИВАТЬ РАЗНООБРАЗНЫЕ ИГРЫ.**

В „Орленке“ намечено провести:
**ДЕНЬ ЭСТАФЕТ,
СОСТЯЗАНИЕ ПО СПРИНТЕРСКИМ
МНОГОБОРЬЯМ,
РОЗЫГРЫШ КУБКОВ ЭНРИКЕ ФИГЕРОЛЫ
И ГАЛИНЫ ПОПОВОЙ,
ЗАБЕГИ С ГАНДИКАПОМ НА АБСОЛЮТНОЕ
ПЕРВЕНСТВО ШКОЛЫ „СПРИНТ“.**

На слете организуются:
**СЕКЦИЯ СПОРТИВНЫХ РЕПОРТЕРОВ,
СЕМИНАР СУДЕЙ ПО БЕГУ,
БЮРО СПОРТИВНОЙ СТАТИСТИКИ,
БРИГАДА „СТРОИМ САМИ“.**

*Юных бегунов ожидает
ВСТРЕЧА С ЧЕМПИОНАМИ!*

В нынешнем году на слете побывают сорок лучших учеников нашей школы. Чтобы стать участником слета, надо: добросовестно выполнять наши советы и рекомендации, тренироваться регулярно, в течение круглого года, хорошо учиться, организовать ячейку школы «Спринт» из своих товарищей.

Отбирая кандидатов, мы в первую очередь будем рассматривать заявления тех ребят, которые получают рекомендации от своих товарищей, записавшихся и регулярно занимающихся в школе «Спринт». Каждые пять учеников нашей школы могут выдвинуть своего кандидата на слет. Рекомендации нужно присылать в редакцию до 1 апреля.

Весной в «Костре» мы опубликуем нормативы, которые необходимо к концу учебного года выполнить всем юным бегунам, стремящимся побывать в «Орленке».

РОМАШКИ ЗА 68-й ПАРАЛЛЕЛЮ

Л. Ильина

Рисунки Р. Попова

В Хибины с ботаническим отрядом комплексной экспедиции приехал на работу Николай Александрович Аврорин, ботаник, только что окончивший Ленинградский университет. Представьте себе местность, где нет ни дорог, ни поселений. Такими были Хибины в то время, тридцать пять лет назад. Летом кочевали семьи саамов, с оленями да работали

Синеголовник альпийский

геологи. Осенью все уходило и полновластными хозяевами воцарялись ветер, холод и снег.

Геологи открыли в Хибинах богатейшие залежи апатита: минерала, из которого получают фосфорное удобрение — суперфосфат. Решено было строить в Хибинах рудники, обоганительную фабрику, город, который потом назвали Кировском.

Тогда, в первое лето, Аврорин притащил на базу, Горную станцию, первые местные растения и пересадил их в деревянные ящики.

Много людей приехало тогда в Хибины, и Горная станция сразу же превратилась в своеобразный клуб. Туда приходили рабочие, инженеры, рассматривали принесенные камни, подолгу стояли над деревянными ящиками с растениями. Николай Александрович

всегда охотно рассказывал, как в горах меняется растительность. Узкие, словно съежившиеся от холода, северные ели растут лишь по долинам рек. Березки взбираются выше. Только становятся все более и более низкорослыми и наконец превращаются в стелющийся по земле кустарник.

Все лето по ущельям и в

Лютик кавказский

трещинах лежит снег. Но тут же, на открытых местах, между глыбами камней, где скопился мелкозем, — отдельные дернинки растений. Поверхность камней покрыта словно тонким цветным бархатом, пленкой накипных лишайников удивительных оттенков — от нежно-зеленого до почти

Ольха кольская

черного. Тонкостью рисунок напоминает морозный узор на стекле.

Со временем растениям в ящиках стало тесно, пришлось перенести их в грунт, тут же у Горной станции, на маленьком полуострове озера Малый Вудъявр. Тогда-то и возникла мысль создать ботанический сад, самый северный в мире.

И вот в 120 километрах севернее полярного круга, на берегу озера Большой Вудъявр заложили 35 лет назад полярно-альпийский ботанический

сад. На другой стороне озера — город Кировск, обоганительная фабрика. Пятьдесят

Мак хибинский

шесть суток незаходящего солнца, метели в июне, осенью и зимой сильнейшие холодные ветры, полярная ночь.

Лишенные растительности города и поселки Заполярья были в те годы сумрачны и бесприютны. Серые бараки, камень, голая, пустая земля. При застройке вырубали последние кусты и березки.

Теперь в Мурманске большие каменные дома, вдоль тротуара цветет сирень. Это из Кировского ботанического сада пришла в полярные города зелень. В Мурманск — желтая акация, морщинистый шиповник. В Североморск — жимолость. В Мончегорске вдоль шестидесятиметровой главной улицы — газоны с колокольчиками и ромашкой. Появились городские сады. Сразу словно теплей стало, словно север отступил дальше к полюсу.

В Кировском ботаническом саду есть растения не только из мест, сходных по климатическим условиям с Кольским полуостровом. В питомнике

Традесканция

десятки видов деревьев и кустарников из самых разных мест. Многие деревья чувствуют себя в Заполярье хорошо, только разве не вырастают высокими и развесистыми. Черноплодная рябина, тополь печальный, жимолость,

пушистые светло-зеленые кусты с желтыми мелкими цветочками — курильский чай, дикие розы, кизильник, кавказский рододендрон. Рододендрон растет и цветет за по-

Смолевка бесстебельная

лярным кругом не хуже, чем у себя на родине. Зимы переносят прекрасно под теплым снежным одеялом.

Растения из широколиственных лесов приживаются в Заполярье хуже других. Липа превращается здесь в уродливого карлика с непомерно большой головой. Ветвиться липа начинает низко, чуть не у самой земли. Ветви липы не успевают до наступления морозов одеревенеть, солнечные ночи дезориентируют дерево. Те ветки, что приходится выше снежного покрова, обмерзают и гибнут.

Сотрудники сада говорят, чтобы отобрать десять растений, надо испытать на пригодность не меньше ста.

В питомнике, где растения проходят испытания на пригодность к местному климату, высажено больше тысячи многолетних растений. Делянки под каждый вид небольшие, с квадратный метр, но не забывайте, что в Хибинах земля привозная, грунты насыпные.

В питомнике и красивые

Ива арктическая

цветы, и лекарственные растения, и растения, рекомендуемые на силос для северных районов.

Стеной стоит похожая на горох гречиха. Высокие, выше человеческого роста, заросли борщевика. У него, к сожалению,

есть недостаток — в жаркие солнечные дни он жжется, как крапива.

Сколько народа приходило в сад попросить саженец или цветок, чтобы посадить дома. Особенно большая тяга к цветам была у людей в войну.

Однажды командование Северного флота обратилось к Николаю Александровичу с просьбой озеленить базу подводных лодок. Просьбу выполнили, разбили громадную

Береза карликовая

клумбу. «Заказчики» остались довольны. А наутро Николай Александрович не поверил глазам своим — клумба пуста, ни одного цветка.

Выкопанные потихоньку ночью, цветы стояли на окнах казармы в консервных банках. Невероятно, но испорченная клумба принесла не огорчение, а радость Николаю Александровичу. Рассада еще

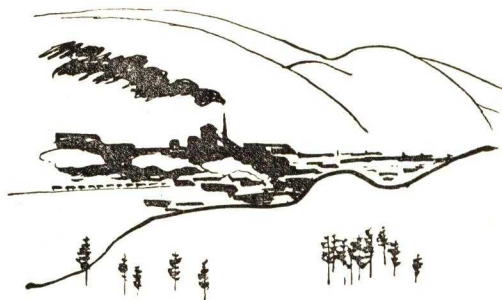

Ветреница лесная

оставалась, клумбу засадили снова.

В Заполярье некоторые цветы вырастают иной раз крупнее и красивее, чем на своей родине. Поповник или ромашка, анемон, лютик кавказский. Ромашка в Хибинах раза в два крупнее. Оказывается, растение не просто приспособляется к изменению ритма жизни: более короткому лету, полярному дню, а в нем происходят глубокие внутриклеточные изменения.

В условиях Крайнего Севе-

ра век растения иногда удлиняется. Анютины глазки, которые в средней полосе известны как однолетние или двулетние, становятся за полярным кругом многолетними растениями.

В Мурманске цветут на окнах примулы, кливии, стоят на этажерке с книгами традесканции.

Отдел цветоводов Кировского ботанического сада занимается комнатными растениями. Конечно, не все, что есть в теплицах ботанического

Колокольчик трехзубчатый

сада, можно вырастить у себя дома на окне.

Кировский ботанический сад помог неузнаваемо измениться Кольской земле. Теперь никого не удивит письмо, присланное от Баренцова моря, где садовод-любитель сообщает, что посадил под окном кавказский рододендрон.

У Кировского сада дружба с комбинатом «Апатит». Громадными песчаными кучами тянулись отходы производства — нефелиновые «хвосты» — вдоль дороги и «дымили» при ветре. Но ботанический сад нашел способ закрепления нефелиновых «хвостов» кормовыми травами. Некоторые травы особенно хорошо прижились на «хвостах». Теперь ветер не страшен, растения крепко держат корнями мелкую сыпучую пыль.

Я и Тасман

РАССКАЗ

Е. Крижановская

Рисунки Т. Ксенофонтова

За глухим забором на специальной площадке идут испытания служебных собак. Дрессировщики ждут очереди и прогуливают своих учеников — доберманов, овчарок, боксеров, эрдельтерьеров.

Тут особенно заметно, что мой Тасман не очень-то замечательный пес. Ноги коротковаты, и вообще мог бы быть покрупнее... Шерсть какая-то слишком светлая. Другие овчарки куда лучше... Но зато крепкий, точно бык.

У калитки вертелся эрдельтерьер. Смешной — морда ящиком, лапы толстые и прямые, как чурки, а хвост — круглый обрубок.

Держит на поводке эрделя девчонка в кожаном пальто. Пес, как заведенный, прыгает влево, вправо, присядет, вскочит, — прямо акробат. Кажется, ничего не стоит ему сделать колесо или пройти на передних лапах.

Вдруг он залаял пулеметом на Тасмана. Мой пес молчит, только клыки показывает. У него вообще молчаливый характер. Эрдель рвется, будто хочет вылезти из своей шубы. Только глаза сверкают в косматой шерсти.

— Уйдем от этого уroda! Перестань, Гранат! — сказала девочка и оттащила эрделя

в сторону. — Делать нечего, путаются с дворняжками. Точно другого места нет.

Вот ерунду болтает. А ведь не маленькая. Глядя в облачное небо, я сказал:

— Есть еще такие: не могут отличить дворнягу от овчарки.

— Привел бы уж лучше какую-нибудь таксу, — пожала она плечами. — Зря у судей время отнимать!

Мужчина с трехцветным колли оглядел Тасмана и сказал:

— Пес крепкий, в отличной форме. Вполне годится для защитно-караульной службы.

Несколько человек тоже подтвердили, что Тасман может хорошо работать и вообще пес вполне приличный. Я обернулся посмотреть, как реагирует девчонка, но она уже входила в калитку со своим Гранатом. Их очередь была.

— Великолепная собака у нее, — сказал хозяин колли. — Да, эрделей дрессировать одно удовольствие. Живые, понятливые.

Все начали рассказывать случаи про эрделей и на Тасмана перестали обращать внимание. Мы с ним пробежались, а то холодно же здоровый. В заборе ни одной щели не

оказалось. Интересно бы посмотреть, как там судьи. Наверное, строгие.

Наконец открылась калитка и вышла девчонка с Гранатом.

— Ну как дела? — спросил хозяин колли.

— Диплом первой степени! Золотой жетон заработали! Ай да Граня, молодец, Граня! — повторяла она, не помня себя от радости.

— Кривцов Алексей! Где Кривцов? — громко позвал кто-то.

Ух ты, меня на испытание! Я дернул поводок и мы с Тасманом ринулись в калитку. Площадка — прямо целое поле. Даже лесок вдалеке. Слева — снаряды, на которых работают собаки. Барьеры, лестница. Снег истоптан лапами. Есть крупные следы, есть и помельче, как у Тасмана.

Я отстегнул поводок, скомандовал «рядом». И ровным строевым шагом направился к середине площадки. Там за столиком, на узкой лавке сидели судьи. Четверо. И еще женщина в берете.

Наверное, тоже судья.

Сначала я волновался, а как начал работать с Тасманом, некогда стало переживать, и я спокойно давал команду общего послушания. Это первое, с чего дрессируют собак. Тасман слушался вполне прилично. Все было хорошо, пока я приказывал ему сидеть, идти рядом, лежать.

Издали он тоже выполнял команду. И без слов, только по жесту. Опущу руку — ложится, подниму — встает. Это нужно. Мало ли какая обстановка будет при задержании нарушителя. Шуметь, разговаривать нельзя, а жест собака понимает.

Судьи как будто довольны. Женщина даже улыбается. Теперь барьер. Тут всегда проволочка. Ненавидит Тасман прыгать через барьер. В детстве жил пес в деревне и повадился гонять кур в соседнем дворе. А там, конечно, кричат, ругают, а то и метлой огреют. Тасман мечется, да через плетень обратно. Вслед — камни, палки. С тех пор и боится.

И вот сейчас подошел к барьеру и начал выламываться: скребет лапой, нюхает землю, будто ищет что-то. Посмотрел мне в глаза и давай хвостом вилять! Я дернул пса за ошейник.

Женщина в берете — Вера Ивановна — подошла и тихо сказала:

— Торопишься, Кривцов. Работай спокойнее.

Хорошо ей советовать. А мне каково, если этот урод не слушается? Права девчонка. Урод никчемный и все. Я снова отвел его назад для разбега и крикнул:

— Вперед, барьер!

Наконец перевалился кое-как.

— Дай поощрение, погладь его, — сказала Вера Ивановна.

Тумака бы ему, а не поощрение. Я чуть дотронулся до его башки, и он решил, что все в порядке. Гордо затрусил к судейскому столу.

Завалим испытание как пить дать. Девчонке-то просто с Гранатом. Мировой пес. За что мне такое наказание с этим коротконогим? Если бы я очень попросил, папа согласился бы купить эрделя... Говорят же, что эрделей дрессировать одно удовольствие. Получил бы золотой жетон...

Когда мы подошли к столу, я так посмотрел на Тасмана, что он сразу опустил хвост. Правильно, не с чего задаваться.

Один из судей протянул Тасману кусочек мяса. Тут пес не подвел. Хорошо усвоил, что нельзя брать пищу от чужого. Мало ли: вдруг какой-нибудь враг подбросит отравленную

еду. И Тасман быстренько отвернулся от судьи.

Теперь обыск местности. Вера Ивановна пошла прятать мою варежку, а я закрыл морду Тасмана, чтобы не подсмотрел. В открытом поле ветер так и дует, не поймешь в какую сторону, да еще снег сыплет. Трудно запах варежки учуять.

Держу Тасмана, а шерсть на спине у него ветер поднимает. Густая шерсть, блестит, и цвет неплохой все-таки... Пес вздохнул и полез целоваться. Я потрепал его по шее. Надо успокоить перед работой. По правде сказать, я не рассчитывал, что все пройдет сейчас гладко, но решил подбодрить его и снова погладил. Потом сказал:

— Ищи!

Он пригнул голову к земле и побежал. По всем правилам, зигзагами, как настоящая ищейка.

Наконец-то нашел! Несет! И вдруг... выпустил варежку из пасти, залаял и бросился ко мне. Прыгает, радуется, как балда, что я не сержусь.

Ну, все испортил. Больше нечего время у людей. Права девчонка. Я пристегнул поводок и повернул к выходу.

— Куда ты? — спросила Вера Ивановна.

— Чего уж, раз провалили, — махнул я рукой.

— Ты за нас не решаешь, сами как-нибудь разберемся. Иди обратно, — сказала Вера Ивановна и что-то проворчала насчет плохой дисциплины.

Мы мигом вернулись с Тасманом, и я заставил его принести и отдать варежку прямо мне в руки. Не сразу, конечно. Покричать на него пришлось. Вера Ивановна отозвала меня в сторону и медленно сказала:

— Неужели не хватает мужества сдерживаться? Собаке дергаешь нервы, мешаешь работать. Думаешь, приятно смотреть?

Я выпрямился, опустил руки по швам и спросил:

— Что делать дальше?

Вера Ивановна попросила одного из судей, самого молодого, провести «охрану».

Скормил я Тасману печенье, он немного успокоился, побежал за мной к деревьям. Рано я приказал лечь. Он плюхнулся с полуслова в потемневший талый снег.

— Ну и выбрал место! — сказала Вера Ивановна.

— Тасману хоть бы что. Мы с ним в любую погоду, в этом Тасман молодец.

Я дал ему охранять поводок, а судья — его Марк зовут, — стал прогуливаться мимо Тасмана, останавливался, пробовал отнять. Молчаливый пес, а такого звону дал на всю площадку!

Ну потом дальше пошла работа. Марк надел дрессировочный халат. Мне теперь повеселее стало, и я всю рывкнул:

— Фас!

От неожиданности Тасман вздрогнул и шахрахнулся от меня. Даю повторный приказ. Пес топчется, скребет лапами, будто не слышит. Видно, разнервничался. Марк ходит взад-вперед в халате. Неудобно, зря человек вырядился.

Терпение надо с этим псом. Дать бы ему как следует... Наверно, он угадал мои мысли и отбежал в сторону. Я повернулся, разъяренный, и чуть не наступил на ногу Вере Ивановне. Она посмотрела мне в глаза и покачала головой... Я снял ушанку, чтобы ветром обдуло, и несколько раз глубоко вздохнул. Ну вот, полегче. Я хлопнул Тасмана по шее и уже нормальным голосом дал команду.

На этот раз все было в порядке. Марк отбивался, а Тасман рычал, хватал зубами рукава. Увлёкся.

А ведь было по-настоящему... Привязались один раз вечером ко мне два парня, хотели шапку отнять. Тасман дал им жару!

И вообще, как я забыл, сколько было случаев, когда Тасман выручал меня... И за мной куда угодно пойдет, никто не удержит.

Теперь до конца испытания дело пошло прилично. Тасман понял, что я больше не сержусь, и охотно работал.

Минут через десять мы выбежали из калитки.

— Ну как? Видно, дела неплохи? — спросил хозяин колли.

— Могло быть хуже, — ответил я. — Диплом третьей степени, но сказали, имеем право через месяц снова сдать. Хоть на вторую, хоть на первую. Пожалуйста, если сможем.

— Конечно, попробуй. Третья мало интересно.

— Это мне дали третью, — сознался я. — За плохую дисциплину. А пес бы получил вторую по работе.

Мы понеслись к трамвайной остановке, и по дороге я рассказывал Тасману:

—...Золотой жетон.... Знаешь, красиво как? Подожди, будет висеть на твоём ошейнике. Добьемся. Такой же, как у этого... Грани.

ТЕТЕРИ

Две голодные тетери
На болото прилетели,
Поклевали клюквы,
Почистили клювы,
Отряхнули перья.
Где они теперь, а?

Евгения Гай, Феликс Лев

8

Уголёк № 2

ФЕВРАЛЬ

За окном стоит февраль,
белый снег блестит.
В теплом свитере вратарь
у окна грустит.

Вспоминает лето он,
на трибунах свист...
А теперь на стадион
ходит хоккеист.

Но на ветке задрожит
тополиный лист.
И тогда уж загрустит
этот хоккеист.

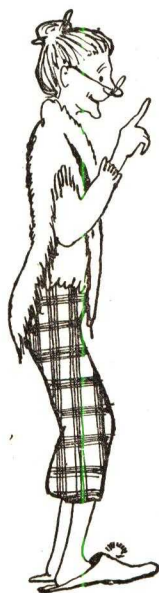
Л. Виноградов
Рисунок В. Бескаравайного

СПОР

с английского

Пересказал
Владимир Орлов
Рисунки
И. Казаковой

— Жила плохая девочка,
Она была хорошая.
Она была хорошая,
Хотя была плохая.
— Ну, да!
Вот это выдумки!
— Ха-ха!
Вот это выдумки!
Не может быть хорошая,
Когда она плохая!
— И ничего не выдумки!
Она была хорошая.
И ничего не выдумки!
Она была плохая.

4

Она была хорошая,
Когда была послушная!
Когда она не слушалась —
Она была плохая!

55

5

ФИЛЬКА И ЗОРЬКА

Н. Никольский

Прошлой весной довелось мне по случаю купить пять диких гусят. За гусятами ухаживали всей семьей, и они быстро росли. Когда наступили теплые майские дни, малышей выпустили на лужайку. С каждым днем гусята смелели и стали отходить все дальше и дальше от дома. А когда подросли, стали добираться до пруда и каждый день купались там.

Здесь-то ястребы и подкарауливали моих маленьких питомцев, и я недосчитался двух. А вскоре бездомная собака задушила другую пару, и у меня остался только один гусенок, которого моя шестилетняя дочка назвала почему-то Филькой. Теперь я уже боюсь пускать одного его на пруд, а относил на лужайку, где паслась наша трехмесячная телка Зорька.

Увидев в первый раз птенца, Зорька подошла к нему, обнюхала и в знак дружелюбия осторожно лизнула его пушистую головку. На ночь я запираю Фильку в сарае вместе с Зорькой, а утром выпускал их на лужайку. Филька и Зорька крепко подружились. Куда

2

ПЕРНАТЫЕ ДРУЗЬЯ

Дмитро Белоус

Друзей хлопотливых немало у Пети. Голуби будят его на рассвете. Заворковали — сказали как будто: — Добррррое утррро! Добррррое утррро! Воробушки встретили щебетом-гвалтом: — Считал ты?.. Читал ты?.. Читал ты?.. Считал ты?.. С березы напомнили Пете сороки: — Порррра за уррроки! Порррра за уррроки!

Перевел с украинского

С. Погореловский

Рисунок И. Казаковой

6

МЫШОНОК БЕЗУСЫЙ

Ш. Дриз

Мышонок Безусый —
Был не из бедных —
В кармане брэнчали
Три грошика медных.
Он это богатство
В платок завернул,
Простился с семьей
И уехал в Стамбул.
А там он хотел
У стамбульских купцов
Купить себе пару
Турецких усов.
К несчастью, Стамбул
Был закрыт на замок.
Шел дождик турецкий.
Мышонок промок.

Перевела с еврейского

Э. Паперная

Рисунки В. Гальбы

7

бы ни пошла телка, за ней, смешно переваливаясь, ковылял гусенок.

Стояли жаркие июльские дни, и я повесил на яблоне умывальник.

Утром, в обед и вечером я обычно наливал в умывальник свежую воду. Но прошло несколько дней — и я с удивлением стал замечать, что уж слишком часто мне приходится наливать воду в умывальник. Днем налью, а через час-два в нем уже ни капли. Я тщательно осмотрел умывальник, не протекает ли? Нет, ни одной дырочки нет!

Как-то во время обеда я услышал шум возле умывальника. Тихо приоткрыв дверь, выглянул наружу и чуть не вскрикнул от удивления. Зорька подталкивала мордой штырь умывальника, вода струйками стекала с головы телки на землю. А под Зорькой стоял Филька. Он купался, распустив крылышки, забавно вертел головой и хвостом, приседал от удовольствия.

Так вот, оказывается, кто выливал воду из умывальника!

Рисунки В. Гальбы

56

ГЛУХАРИ-ПУТАНИКИ

П. Сигунов

Рисунки Н. Ризнича

Реки размывают каменные горы, в которых прячутся месторождения золота, платины, ртути и многих полезных ископаемых. Реки истирают камни и руду в мелкий песок.

Ходят геологи по берегам рек с деревянными лотками, черпают песок и промывают его до тех пор, пока в лотке не останутся самые тяжелые крупинки — частички истертой руды.

У каждой руды свой цвет. Золотые крупинки — желтые, платиновые — белые, свинцовые — серые, ртутные — красные.

Найдет геолог желтую крупинку, идет дальше вверх по течению реки и через несколько шагов снова черпает песок деревянным лотком и снова смотрит, не блеснет ли в лотке золотинок.

Так маленькие крупинки сами приводят геологов к большим месторождениям.

К каждому месторождению тянется своя потайная тропинка, усыпанная частичками руды. К золотымкладам тянутся желтые тропки, к платиновым — белые, к ртутным — красные. По какой тропке пойдешь — к такому кладу и придешь. Все просто, ясно.

Ясно-то, ясно, да не всегда.

Водятся в глухих сибирских лесах красивые хмурые птицы глухари. Охотникам они да-

рят пух-перо да развлечение, геологам — загадки.

Найдет геолог алмаз, плясать готов от радости. Еще бы! Ведь алмаз — самый дорогой камень на свете. Начнет геолог мыть, ворошить речной песок, все проверит, все перепробует, и в большие и в маленькие ручейки заглянет, чтоб только нащупать алмазную тропинку. Ан нет! Никак не дается в руки потайная тропинка, не хочет вести она к алмазному кладу. Ломает геолог голову — откуда попал в лоток алмаз?

А старый сизый глухарь сидит где-нибудь на кедре да посмеивается в бороду. Уж кто-кто, а он-то знает тайну алмазного зернышка. В прошлом году летал он со своими приятелями на берег далекой якутской реки. Специально летал, чтоб поклевать камешков. Вот и принес оттуда алмаз.

Глухари всегда набивают осенью свои зобы камешками и песчинками. Камешки помогают им перетирать жесткий зимний корм: сухие семена, почки, кору, хвою, вяленые листья. Выбирают глухари из песка самые крепкие да самые красивые камешки: аметисты — фиолетовые хрусталики, дымчатые халцедоны, голубые опалы. И уж, конечно, ни один глухарь не пролетит мимо, если блеснет желтая золотинок или вдруг радужой брызнет граненый алмаз.

Путают птицы геологов, издеваются над ними. Там зеленую изумрудинку подбросят, тут — алмаз потеряют. А геологам приходится ломать головы, чтобы ответить на вопросы: откуда? почему? где? Такая уж специальность у геологов — по зернышку искать будущие города.

ХИТРЕЦ

Не раз я восхищался, с какой неутомимой настойчивостью гоняются сибирские таймени за хариусами по бурливым порогам и кипучим водо-

падам. Но такого лентя-лентяебоку встретил впервые. Был он больше полутора метров, круглые сутки лежал под кромкой водопада, сунув тупую широколобую башку в брызгающий веер. Высокий, густо-красный, как киноварь,

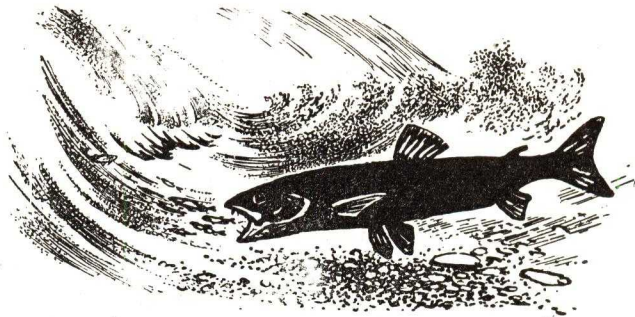
хвост торчал из пены; на спину тайменя катилась принесенная течением галька, но он лишь пошевеливал хвостом.

В этом месте к водопаду примыкала тихая прозрачная излуцина, видно было, как,

Четыре рассказа из книги «Танцующие иголки».

прижимаясь к отрывистым скалам, сновали густые стайки мелких сигов и хариусов. Они скакали вверх, пытаясь преодолеть отвесную двухметровую водяную стену, но не могли. Навстречу им из-под брызгающего веера раскрывалась

широкая перламутровая пасть, и сбиваемая струями рыбешка попадала прямо в зубы. Подплывали новые стайки и тоже исчезали в белой пасти, как в

пропасти. Казалось, под веером лежало ненасытное чудовище.

Все таймени, даже метровые, с опаской отскакивали

прочь: знать, чудовище было хозяином реки.

Я пытался поймать великана спиннингом, но блесну уносило течением. Несколько зорь я охотился за хитрецом, ожидая, когда же он покинет свою удобную позицию, соблазнится игрою блесны, но так и не дождался. Он неподвижно лежал под струей и знал одно — подставлял пасть под сбиваемую рыбешку.

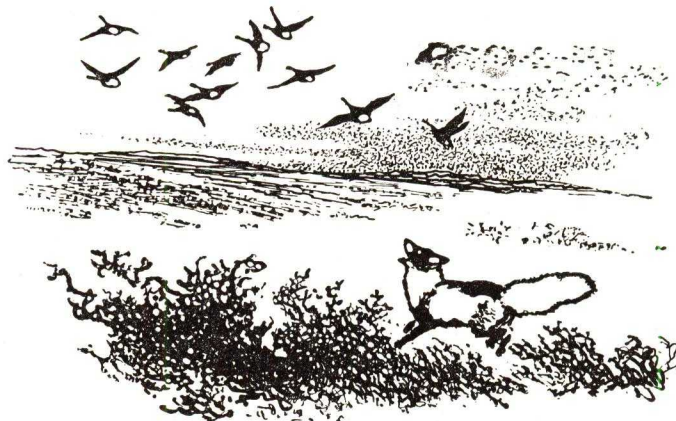
ГУСИ-ЛЕБЕДИ

— Гуси, гуси сели! — закричал коллатор.

Я схватил ружье, выскочил из палатки и побежал к болотистой поляне, на которую опустилась большая стая перелетных гусей. Я видел в бинокль, как птицы степенно расхаживали среди кочек, собирая прошлогоднюю бруснику, пощипывая свежую, только что взошедшую зеленую травку. Они о чем-то тихонько переговаривались. Иногда над кочками настороженно вытягивались их длинные змеистые шеи.

— Ложись, — шептал мне тогда каюр-эвенк, который тоже крался с ружьем к диким гусям.

Я падал на мокрую тинистую почву земли и, затаив дыхание, полз по-пластунски, стараясь приблизиться к пасу-

щимся птицам на расстояние выстрела.

Мы ползли беспрепятственно и, казалось, не замеченные птицами, как вдруг раздалось быстрое, резкое гоготанье. Эвенк сердито махнул рукой, поднялся во весь рост. Стая гусей шумно взлетела над поляной. Вслед за ними из кустов карликовой березы выскочил лохматый песец и, подняв кверху морду, жалостливо, с досадой затыкал.

Эвенк засмеялся: «Тоже хо-

тел гусятинки отвечать. Это песец всю охоту нам испортил».

— Зачем же вы поднялись преждевременно? Мы бы еще успели подкрасться, — набросился я на своего спутника.

— А разве ты не слышал, как он закричал?

— Кто?

— Самый главный часовой, он заметил

песца...

Эвенк начал объяснять мне, что раз уж раздался такой тревожный сигнал до выстрела — значит, охотнику делать нечего.

Так я узнал, что дикие гуси — настоящие солдаты. Летят они всегда стройными треугольными колоннами. В каждой колонне свой генерал — вожак. А когда сядут на землю, то, как люди на войне, посылают вперед разведчиков, выставляют часовых.

МЕТКИЕ КЛЮШКИ „ШТУРВАЛА“

Так уж повелось, по-видимому, от самого царя Гороха: в каждой ребячьей ватаге почти всегда есть свои «каланча» и «коротыга». В компании мальчишек, проживающих в многочисленных парадных дома № 21 по проспекту Ю. Гагарина, «каланчой», между прочим, числился Вовка Александров.

— Ну и вымахал ты, парень! — восхитился при знакомстве с ним даже тренер дворовой команды «Штурвал» Владимир Проскурин.

Но о тренере — позже. Сначала расскажем о том, как не помогил Вовке его поистине баскетбольные 186 сантиметров. Случилось это в прошлую зиму на перроне Московского вокзала. Нелегкое это дело — достать в середине марта в Ленинграде букет цветов. Намного трудней, однако, оказалось преподнести его хоккеистам сборной СССР, возвращающимся из Тампере с золотыми медалями чемпионов мира и Европы. Вручить букет единогласно поручили Вовке. И не потому, что в команде чемпионов играл его однофамилец Вениамин Александров (что касается Вовки, то он-то как раз больше всех уважает напарника Александрова, Константина Локтева). Просто ребята заранее понадеялись на длинные руки своего центрального нападающего.

Не тут-то было! Тысячная толпа не делала различия между взрослыми мастерами спорта и юными дворовыми хоккеистами. Всем хотелось высмотреть вблизи чудо-богатырей хоккейного царства. Так и стоять бы Вовке до отхода поезда с букетом. Выручил приятель и одноклассник по команде Витька Шитиков.

— Давай преты! — вдруг скомандовал он и выюном заскользил в толпе. Минута-другая — и букет уже в могучих руках Александра Рагулина, одного из лучших хоккейных защитников мира.

Ликовал же в это мгновение больше всех Вовка Пестов, защитник «Штурвала». Цветы-то достались как раз его кумиру!

Впрочем, подвигу Шитикова никто в «Штурвале» особенно не удивился. На то и вратарь — он должен быть самым смелым, решительным и ловким. Ему, правда, все шишки в первую очередь. Но и обмундировывали Витьку тоже раньше всех, сообща. Кто шитки достал, кто смастерил налокотники. Страж ворот — это тебе не шутка. Едва не дошло до маски. Шайбы ведь так и сыплются.

— Пока обойдусь, — внес ясность сам вратарь.

Вовка Пестов тоже начал с охраны ворот, когда впервые в свои двенадцать лет выкатился на ледяной пятачок посреди двора с самодельной клюшкой в руках. Отец, Георгий Петрович, столяр-умелец ремонтно-механического завода, постарался, чтобы клюшка сына ничем не отличалась от покупных.

Вовку сразу же, как вновь прибывшего, определили во вратари. Мальчугану же так не терпелось пустить в настоящее дело новую клюшку, что он все-таки выпросил себе место «хотя бы в защите».

С тех пор и числится Пестов в дворовой команде защитником. И действует на площадке рядом с Сережкой Третьяковым. Таким же коренастым крепышом, таким же влюбленным в хоккей, таким же в недавнем прошлом «трудным ребенком». Правда, среди «трудных» Пестову в 15-й жилконторе — а ее владения простираются на огромном пространстве новостроек — отдавали все же пальму первенства. Набедокурит Вовка поистине был мастак.

Круто повернулся руль судьбы Пестова в тот день, вернее, вечер, когда появился у них во дворе его взрослый тезка Проскурин, хоккеист расположенного неподалеку предприятия. Вовка, конечно, знать не знал, что молодой инженер направлен к ним в домохозяйство по путевке райкома комсомола. Да это вовсе его не интересовало. Главное — Проскурин, сразу видно, здорово разбирался в хоккее.

— Так дело не пойдет! — решительно произнес он, поглядев с полчаса, как дворовая ребятня гоняет шайбу. — Вы же клюшку правильно держать не умеете.

— Откуда же нам уметь? — резонно заметил Сережка.

Не умели «дикари», как их не без ехидства называл кое-кто во дворе, бегать на коньках. Это им тоже, как дважды-два четыре, доказал тренер. Доказал — и тут же показал. Как нужно на коньках стоять и с клюшкой на ты обращаться.

Желающих вступить в дворовую команду (название ей дали единодушно — «Штурвал») оказалось значительно больше, чем вакантных мест во вновь родившейся секции. Выход нашелся как-то сам собой. Укомплектовали два состава: старший и младший. Ясное дело — и Шитиков, и Пестов с Александровым и Третья-

ковым попали в младшие. Первые роли достались ребятам постарше.

«Штурвалу» сразу же повезло и... не повезло. Буквально с ходу обе команды включились в розыгрыш приза «Золотая шайба», который оспаривали такие же дворовые хоккеисты Московской заставы. Но сыграть по-настоящему младшим еще не удалось. И первый блин, как это часто бывает, вышел комом — проиграли со счетом 1:3. Штиков действовал на редкость самоотверженно, одну за другой парируя шайбы. Вовсю старался капитан «Штурвала» Саша Сущенко. Не помогло! Противник оказался опытней. Зато старшие компенсировали неудачу и сокрушили соперников.

Матчи — матчами, а тренировки шли своим чередом, регулярно, в точно назначенное время. Опозданий тренер

не признавал. Ленивых тоже не жаловал. Хотя «подстегивать» приходилось редко.

Азартно, увлеченно отрабатывали ребята не только атакующие комбинации, взаимодействие обороны, но и упражнения общефизической подготовки.

Да, есть что вспомнить сейчас «ветеранам» клуба «Штурвал». Поведает же вам прежде всего старожилы проспекта Гагарина о прошлогодней поездке в Москву, в гости к юным хоккеистам Ленинградского района столицы. «Возвращайтесь с победой!» — напутствовали их на вокзале плакатом остающиеся, с завистью глядя на счастливиц.

Не посрамил «Штурвал» спортивной чести города на Неве. Семь шайб забросили гости в ворота московских ребят, а в свои пропустили лишь две.

...Только недавно он снова появился здесь, этот долгожданный ледяной пятачок. Однако хозяева его уже уверенно чувствуют себя на коньках. Мелькают клюшки в окрепших за лето руках обоих Вовок — Александрова и Пестова, Сережки Третьякова. Как-то даже повзрослел страж ворот. Появились и новенькие. Еще прошлой зимой числились в мелюзге Вовка Абакумов, Петя Хазов. Шеголяют клюшками. Десятилетнего же Лешку решено пока не допускать.

— Его за бортиками и не видно, — ухмыляются хлопцы.

Лешка не горюет. Знает: пройдет год-другой, и он тоже наденет свитер с эмблемой «Штурвала». А пока не будет терять времени зря. Днем, когда старшие еще только раскачиваются после школы, Лешка со своими сверстниками безраздельно владеют ледяным царством, метко посылая шайбы в ворота.

М. Эстерлис.
Фото Л. Полякова

СОВЕТЫ ПО СЕКРЕТУ

Эту заметку ни в коем случае не показывайте мамам: речь пойдет о подарке к 8 марта.

Лучше всего цветы. Но где их возьмешь в марте! Давайте за месяц до праздника пойдем в лес и наломаем веток — березы, ольхи, вяза, тополя, осины. Каких угодно, лишь бы они были красивой формы. Дома поставим ветки в сосуд с водой. Воду предварительно согреем, чтобы она была чуть теплее комнатной. Горodская вода хлорирована, а растениям хлор вреден — поэтому пусть такая вода постоит несколько часов, чтобы хлор улетучился. На концах веток сделаем косые срезы — влага будет лучше впитываться. Теперь поставим сосуд с ветками у окна, лучше на солнечной стороне. Раз в три дня будем доливать понемногу воды комнатной температуры.

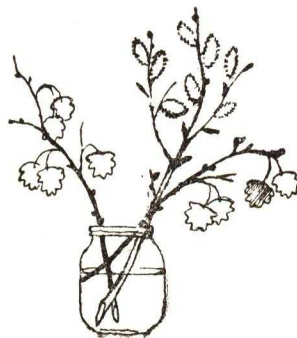
В первых числах марта на наших веточках появятся красивые сережки, и вы сами убедитесь, какой это будет нежный и затейливый букет.

Еще несколько советов: веток нужно совсем немного, иначе получится не букет, а веник. Лучше не ставить в один сосуд ветки разных деревьев. Хорошо бы подобрать для каждого букета подходящую по форме и величине вазу, а если такой возможности нет, не огорчайтесь: и простой глянцевый кувшин и обыкновенная стеклянная банка тоже подойдут! Дорого внимание.

А теперь последний совет: чтобы мама не догадалась, зачем вы тащите в дом холодные голые ветки, скажите ей, например, что вы ставите опыт, что учительница велела... Впрочем, вы сами придумаете, как выйти из положения.

Ну, а 8 марта накрывайте стол чистой скатертью и ставьте свой букет!

Э. Левина

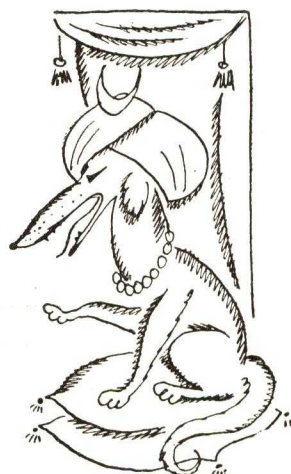
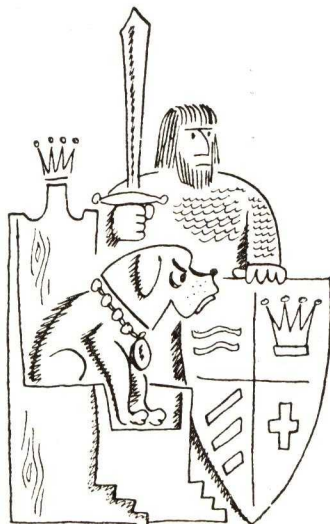
СОБАКИ НА ТРОНЕ

В древней Эфиопии, бывало, избирали собак королями. Во всем такого короля слушались: задумают, например, войну начинать и идут к королю за советом. А у пса в этот день настроение плохое: рычит, с золотого поводка рвется. Значит, королю затея с войной не по душе. И судил пес эфиопов с высокого трона. Приведут к трону обвиняемого, — если король хвостом помахивает, норовит лизнуть преступнику руку, надо оправдать. Если укусит норовит, виновен бедняга!

НЕОЖИДАННЫЙ ПОДАРОК

Приближенный Александра I Корсаков искусно вышивал на пальцах. Однажды он преподнес императрице вышитую картину своей работы, которую современники называли «чудом искусства и терпения». Императрица, не предполагая, что такое превосходное шитье может быть делом мужчины, прислала

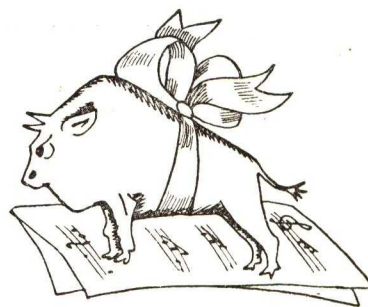
Датский король Остин в давние времена завоевал Норвегию и, желая унижить побежденных, предложил им на выбор: править Норвегией будет самый ничтожный из рабов или пес по кличке Сор. Норвежцы решили: уж лучше собака, чем королевский блюдолиз. И не ошиблись. Король Сор оказался добродушным и покладистым. Жаль только, царствовал недолго. По конституции королю полагался выходной день. В этот день он мог гулять без провожатых. Встретилась ему на прогулке стая волков и, приняв Сора за обыкновенную дворнягу, волки растерзали его.

А сравнительно недавно, в начале XVIII века, индийского магараджу Шаху спасла на охоте его борзая собака. По приказу магараджи на борзую тут же надели драгоценный тюрбан и жемчужное ожерелье, затем ей была установлена ежегодная пенсия (около 50 000 рублей на наши деньги) и вдобавок ей во владение давалось двадцать деревень и княжеский титул.

ОПАСНЫЙ ПОДАРОК

Пианист Регер своим исполнением «Форельного квинтета» так поразил одну слушательницу, что на следующий день она прислала ему несколько только что выловленных форелей.

Регер поблагодарил ее и пообещал на следующем концерте сыграть «Менуэт быков» Гайдна.

Корсакову в знак благодарности — бриллиантовые серьги.

Вторая Луна

В своей книге «Атлантида» советский профессор Жиров пересказывает предание одного из племен Атлантического побережья Африки о ... двух Лунах. И о том, что одна Луна упала на Землю, вызвав катастрофу. За эту легенду ухватились сторонники внезапной гибели Атлантиды в пучине океана.

Научных данных о былом существовании второй Луны до недавнего времени не существовало. Сейчас такие данные появились.

В Аргентине обнаружено девять метеоритных кратеров, расположенных на одной прямой, протяженностью более пятнадцати километров. Вокруг кратеров — множество мелких метеоритов. Впрочем, не таких уж мелких — один из них весит несколько тонн. Радиоуглеродные измерения показали, что космическое тело попало к нам 5800 лет тому назад.

Возможно, найденные метеориты — не единственные остатки упавшего космического тела: в Чили обнаружены метеориты, схожие по своему составу с аргентинскими.

Что же это было?

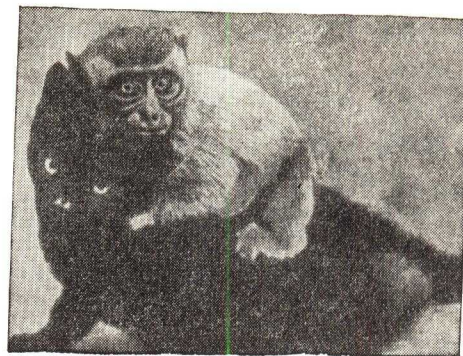
Расположение кратеров свидетельствует о том, что тело летело по очень пологой орбите и, по-видимому, прежде чем упасть, сделало более одного витка вокруг нашей планеты.

Иными словами, это был естественный спутник нашей Земли — вторая Луна.

Когда акула... бывает конем

Самая ленивая рыба на свете — рыба прилипало. Ей лень самой плавать, она совершает путешествия, устроившись на боку акулы. У прилипалы на голове есть особая подушечка, которой присасывается этот путешественник к телу акулы.

В зоопарке чешского города Дечин родилась обезьянка из породы макак. Ее выкормили яичным желтком и кошачьим молоком. Поэтому обезьянка сильнее привязалась к домашней кошке, чем к своей матери. Только посмотрите, как им хорошо вместе!

„Транспорт“ внутри нас

Кровообращение напоминает транспортную систему. Одни вещества кровь «подвозит», другие «увозит». Отправляясь от сердца к тканям, кровь мчится со скоростью 10, а то и 20 сантиметров в секунду. Но — одна скорость в аорте, другая — в капиллярах. Почему?

Красные кровяные тельца должны успеть отдать организму питание и убрать продукты обмена. Вот и получается, что один кубический миллиметр крови протекает через каждый капилляр несколько часов.

Плотина из ... воды

Пустой полиэтиленовый мешок натягивают поперек реки, закрепляя концы на обоих берегах. Воздушная «колбаса» заполняется водой и тонет. Течение перекрыто — полиэтиленовая плотина готова!

Она мягка и хорошо прилегает ко дну. Опыты показали, что такие плотины особенно хороши на реках шириной 40 — 50 метров. Полиэтиленовые мешки-плотины можно установить за несколько часов, а закончится сплав — опять увезти.

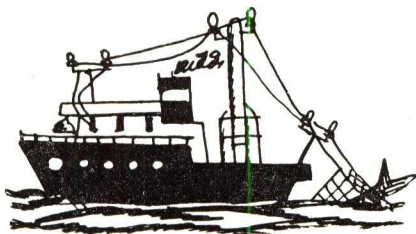
30 населенных пунктов в мире носят название «Варшава». 2 из них находятся в США, 2 — во Франции, по одному в СССР, Польше, Канаде и Австралии.

Соперник удочек и сетей

У рыболовных сетей и удочек появился соперник — электрический ток.

...В воде плавно покачивается сачок с круглым металлическим ободом, который служит анодом. Обод укреплен на полированной ручке, где находится и включающее устройство. На этой несложной установке, имеющей один катод, пользуются постоянным или импульсным током. Напряжение обычно не превышает 400-500 вольт (при импульсном токе его увеличивают до 1000 вольт).

Ток служит своеобразной приманкой. Замечено, что крупная рыба более чувствительна к аноду, чем мелкая. Проходя зону, через которую пропущен ток, рыба как бы засыпает. Если же рыбу оставить в воде и выключить ток, то спустя некоторое время она снова «оживает».

Ловить рыбу таким способом хорошо в узких и каменистых руслах, в мелководных водоемах или в сильно заросших озерах.

Пенополистирол не пропускает тепло, звук, влагу и очень легок.

И еще одно ценное свойство придали химии новому материалу — к нему «не пристает» пламя. Таким пластиком облицовывают каюты пароходов и кабины самолетов.

Где есть мыло?

Думаете, мыло нужно только чтобы руки вымыть да рубашку постирать? В наше время в производстве тканей, лекарств, пластмасс и металлов используется смачивающая способность мыла. С помощью мыльных растворов извлекают нефть из истощенных скважин, отделяют пустую породу от полезных ископаемых. Есть случаи,

когда мыльными пузырями пользуется служба прогнозов погоды. В составах, распыляемых с самолета для борьбы с вредителями сельского хозяйства, тоже есть мыло. Корабли не обрастают ракушками и не теряют из-за этого скорости, если защитными мылами покрывают наружную обшивку корпуса.

Обоняние собаки

Запах человеческой руки настолько силен, что даже через месяц собака может найти из десяти тарелок ту, которую держал ее хозяин.

Твердая пена

Рабочий насыпает в форму полупрозрачные, похожие на рис гранулы — полимерные зерна — и подключает пар. «Зерна» растут, раздуваются, увеличиваются во много раз — и получается пенополистирол.

Химики, придумавшие состав гранул, добавили в них вещество, которое от горячей воды или пара «раздувает зерна». «Зерна» сильно слипаются и повторяют форму, в которую их засыпали перед обработкой.

Жирафа с такой длинной шеей вы напрасно стали бы искать во Франкфуртском зоологическом саду, где сделан этот

снимок. Фотограф «удлинил» и без того длинную шею животного с помощью... особенно короткофокусного объектива.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ю. Барский

Из соседнего города в школу пришла телеграмма: «Приглашаем приехать на встречу баскетбол-волейбол. Третий вид — шашки или настольный теннис — решайте сами».

С этого дня Вася Рявкин лишился покоя. Васе очень хочется поехать, и он надеется войти в команду шашкистов или теннисистов.

Сейчас в зале играется последняя партия шашечного турнира. Один из играющих — Крутиков — конкурент Васи. Если выиграет Крутиков, Васе не войти в шашечную команду. Вася «болеет»...

Черные Крутикова, его ход. Он долго думает и, наконец, играет: 1... e7 — f6. Рявкин мрачнеет.

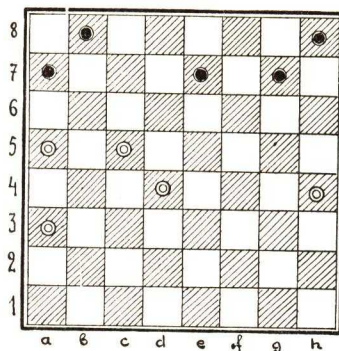
«Добьет здесь Крутиков... Теперь вся надежда на теннис...»

Он срывается с места и выбегает из зала.

— Федор Иванович! Я так полагаю: если послать, то теннисистов.

Он подходит к доске. Противник Крутикова еще думает. Вася криво

усмехнулся: «Ходить некуда, а он резину тянет... Раньше бы думал, чудила гороховый!»

Следует ход — 2. a3—b4. Крутиков отвечает. 2... b8—c7. Его противник аккуратно переставляет шашку — 3. d4—e5. А когда Крутиков, вздрогнув от неожиданности, бьет 3... f6:b6,

он делает ход 4. h4—g5 и встает со стула.

Вася видит, что Крутикову конец. Он пулей вылетает из зала.

— Знаете, Федор Иванович... я потропился... Но, как человек принципиальный, обязан исправить ошибку. Послать нужно шашкистов!

— Ладно, Рявкин. У тебя семь пятниц на неделе, но сейчас, возможно, ты и прав. На-ка вот, сдай телеграмму на почту: «Вызов принят. Баскетбол волейбол шашки».

Возвращаясь в школу, Вася встречает приятеля и делится:

— А у меня — порядок! Еду! Насилу уговорил Федора Ивановича шашкистов послать, а сам на пятое выхожу: там Крутиков, наверно, уже сдался...

Но в зале принципиальный человек узнает, что Крутиков не проиграл: ничья. Встреча школ проходила без Рявкина...

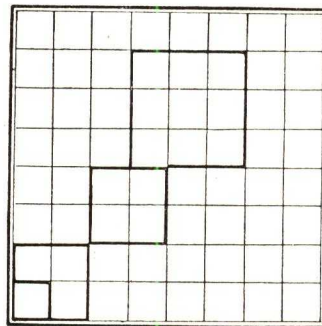
Ребята, напишите, как Крутиков добился в этой партии ничьей.

объявляет соревнование на скорость вычислений: выполнить умножение и сложить полученные произведения:

$$\begin{array}{lll} 37 \times 3 = & 37 \times 12 = & 37 \times 21 = \\ 37 \times 6 = & 37 \times 15 = & 37 \times 24 = \\ 37 \times 9 = & 37 \times 18 = & 37 \times 27 = \end{array}$$

Подумайте, как произвести подсчет в самое короткое время.

Сколько квадратов на шахматной доске? Не спешите ответить, что один большой и 64 маленьких, а значит, всего 65.

Квадраты могут быть образованы и 4 соседними клетками, и 9 соседними и так далее.

Сколько же всего квадратов?

Рисунок на обложке Г. Праксейна. Четвертая вклейка Т. Оболенской

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-23005.
Тираж 300 000 экз.

Подписано к печати 14/1 1966 г.

Формат 84×108/16.
Заказ № 2128.

Печ. л. 8+1.

6,57 усл., 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Ю. ЛОБАЧЕВ

Ураган

Приходит на помощь

Глава 2

КАПИТАН ПОДРОБНО К ПЕРИСКОПУ

- ШТУРМАН, ГДЕ МЫ НАХОДИМСЯ?
- В ПЯТИ МИЛЯХ ОТ КВАДРАТА 3-5A-2.
- ИХ, НАВЕРНО, СНЕСТО. ВСПЛЫВАТЬ!
- ЕСТЬ, ВСПЛЫВАТЬ!

- КАПИТАН, ДА ТАМ НИКОГО НЕТ!

КОШКА ЗАЦЕПИЛАСЬ ЗА КОРМУ.
- МАША, УРА! ЗА НАМИ ПРИШЛИ!

- ГОСПОДИН КАПИТАН,
В ЯЛЕ ДВОЕ РЕБЯТ!
- DONNER WETTER! КАК
ИХ СЮДА ЗАНЕСЛО?!

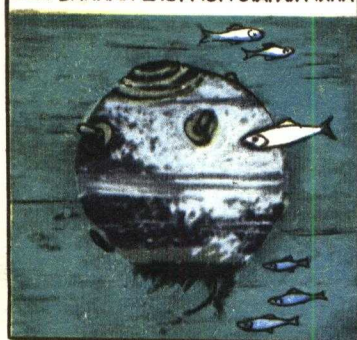
НА МОСТИКЕ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН. ВАХТЕННЫЙ ДОЛОЖИЛ, ЧТО РАДИОЛОКАТОР ОБНАРУЖИЛ ЛОДКУ В КВАДРАТЕ 3-5A-2

- ЭТО НАШИ. МОЛОДЕЦ, ДЖОНС, СУМЕЛ ПОДОЙТИ! НО ЧТО ДЕЛАТЬ С ЭТИМИ ШЕНЯТАМИ?... ВЫБРОСИТЬ ЗА БОРТ?

- НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ! САМ БОГ НАМ ИХ ПОСЛАЛ: БУДУТ ЗАЛОЖНИКАМИ. РАДИ ДЕТЕЙ РУССКИЕ ПОЙДУТ НА ЛЮБЫЕ ЖЕРТВЫ.

ЛЕСОМАЯ ПОДВОДНЫМИ ТЕЧЕНИЯМИ, МЕДЛЕННО ВСПЛЫВАЛА, ОТОРВАННАЯ ШТОРМОМ СТАРАЯ МИНА

А В ЭТО ВРЕМЯ...

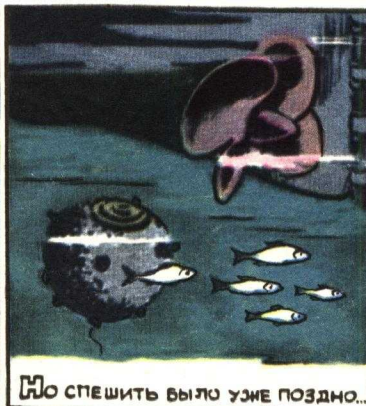
- ТОВАРИЩИ, ВСЕ МЕРЫ ПРИНЯТЫ: ПОСТАВЛЕНЫ СПАСАТЕЛЬНЫЕ КАТЕРА, ОПОВЕЩЕНЫ СУДА, НАХОДЯЩИЕСЯ В ОТКРЫТОМ МОРЕ... КАК ТОЛЬКО ПОЗВОЛИТ ПОГОДА - ВЫШЛЕМ САМОЛЕТЫ.

МОЩНЫЕ РЕФЛЕКТОРЫ, ЗАКРЫТЫЕ ИНФРАКРАСНЫМИ ФИЛЬТРАМИ, ТЩЕТНО ПРОЩУПЫВАЛИ ВЗДЫБЛЕННОЕ МОРЕ...

- НАВЕРНО, ИХ ИЩУТ. КАК БЫ НАС НЕ ЗАСЕКЛИ. МЫ ВНЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВОД... НО СПЕШИТЬ НУЖНО. - КАПИТАН ВЗЯЛ РУПОР. - ЧЕГО МЕШАЕТЕ?! СКОРЕЕ!

НО СПЕШИТЬ БЫЛО УЖЕ ПОЗДНО...

А. Крестинский

СТИШОК ПРО СНЕЖОК

Я шел и бормотал стишок,
А рядом тихо шел снежок.
Идем, дружок...

Снежок искрился, как стишок,
Стишок лепился, как снежок,
И руки жег...

И вот я вылепил стишок —
Он покатился, как снежок!
Куда, дружок?

Как запоздавший ученик,
Он незаметно в школу — шмыг!
И в тот же миг

Как налетевший ветерок,
Он стал раскачивать звонок:
Кончай урок!

Загрохотали каблуки,
Бегут во двор ученики
Лепить снежки!

За ними строгий педагог
Перемахнул через порог —
Лепить снежок!

Бегут старушки, старики,
Бегут котята и щенки
Лепить снежки!

Снежок искрился, как стишок,
Стишок лепился, как снежок,
И руки жег...

Рисунок В. Голявкина.